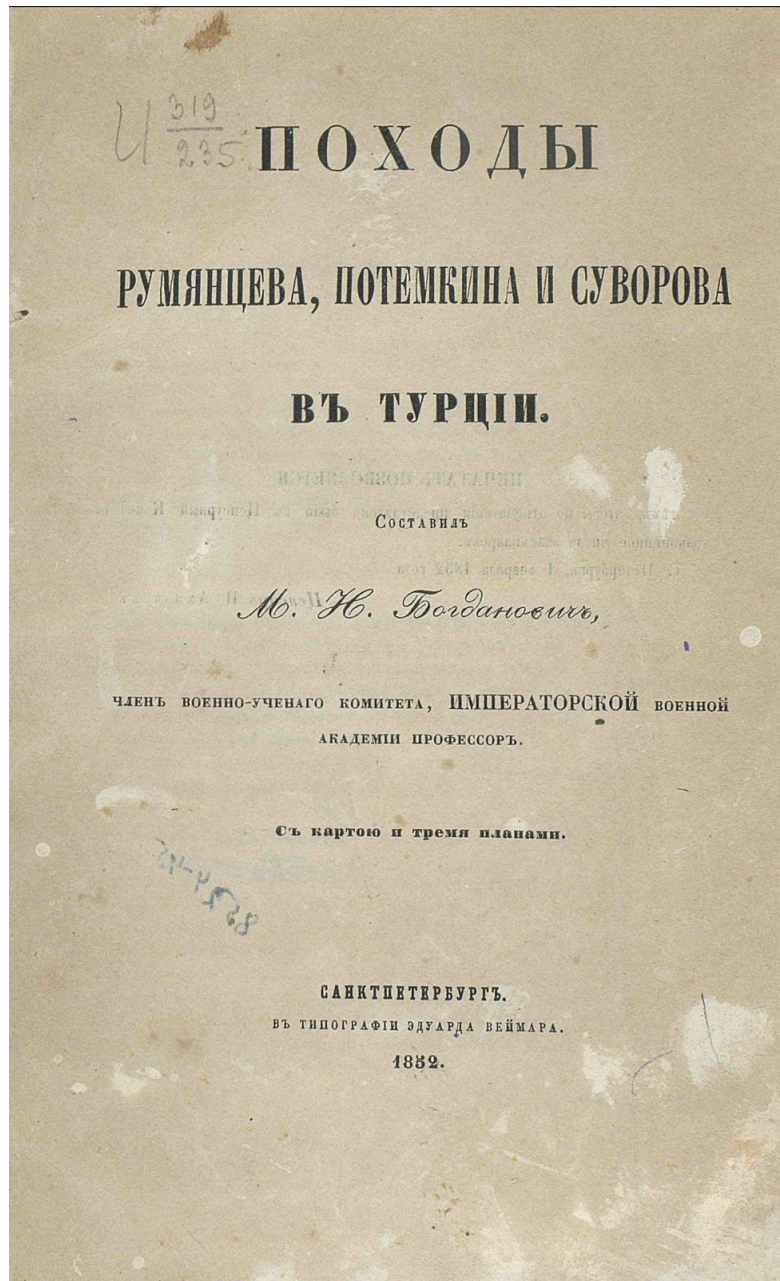

Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции

Составил член военно-ученого комитета,
Императорской военной академии профессор
М.Н. Богданович

С картою и тремя планами.

Санкт-Петербург
В типографии Эдуарда Веймара.
1852.

Оглавление

Карта пространства между Днестром и Балканами, служившего главным театром военных действий в походах Румянцева и Суворова против турок	4
Предисловие.....	5
Введение.....	6
Причины возвышения и упадка Оттоманской Порты. — Понятие о турецких войсках. — Главные черты их образа действий. — Образ действий европейских народов против турок. — Упадок воинского духа в турецком народе. — Первые признаки упадка могущества Порты. — Войны русских против турок. — Походы Миниха. — Белградский мир. — Объявление войны турками в 1768 году.	6
Турецкая война 1769 — 1774 г.....	9
Поход 1769 года.....	9
Силы, расположение их и планы действий обеих сторон. — Состояние 1-й русской армии. — Цель действий князя Голицына. — Переправа через Днестр и движение к Хотин. — Взятие турецкого укрепленного лагеря. — Возвращение армии в Подолию. — Вторичная переправа на правую сторону Днестра. — Блокада Хотина. — Возвращение армии на левый берег Днестра и расположение против Хотина. — Поражение турецкой армии. — Уничтожение турецкого отряда. — Занятие Хотина. — Отражение Эльмпта в Молдавию. — Назначение Румянцева главнокомандующим 1-ю армиею. — Занятие русскими войсками Молдавии и Валахии. — Зимние квартиры. — Результаты действий Берга и Медема.	9
Поход 1770 года.....	12
Цель действий русских армий. — Румянцев. — Баур. — Русские войска. — Силы обеих сторон и распределение их. — Переправа 1-й армии через Днестр и движение вниз по Пруту. Движение хана вверх по Пруту; — отступление его за Ларгу. — Сражение при Ларге. — Переправа 2-й армии через Днестр. — Переправа визиря на левый берег Нижнего Дуная. — Расположение сил обеих сторон. — Сражение при Кагуле. — Осада и взятие Бендер. — Занятие Браилова. — Расположение русских армий на зимних квартирах. — Результаты действий русского флота.....	12
Поход 1771 года.....	18
Цель действий русских армий. — Расположение 1-й армии. — Действия Потемкина, князя Репнина, Эссена, Милорадовича и Вейсмана: результаты их. — Движение 2-й армии вниз по Днепру. — Атака и взятие Перекопских Линий. — Занятие Кафы. — Экспедиция Брауна. — Экспедиция князя Щербатова. — Довершение завоевания Крыма. — Зимние квартиры.	18
1772-й год.....	21
Причины, побудившие обе стороны к открытию переговоров. — Фокшанский конгресс. — Переговоры в Бухаресте.	21
Поход 1773 года.....	23
План действий русских армий. — Расположение 1-й Армии. — План действий турок и распределение их войск. — Важность Шумлы. — Затруднения предположенного похода за Дунай. — Малая война. — Взятие Гирсова и Туртукая. — Поиски Вейсмана. — Переправа Румянцева через Дунай у Гуробал и движение к Силистрии. — Отступление русской армии на левую сторону Дуная. — Дело при Кючук-Кайнарджи. — Смерть Вейсмана. — Вторичный поиск Суворова на Туртукай. — Оборона Гирсова Суворовым. — Экспедиции князя долгорукого и Унгерна на правую сторону Дуная.....	23
Поход 1774 года.....	30
Новый Султан Абдул-Хамид. — Положение обеих воевавших сторон. — Силы и расположение войск. — Планы действий. — Переправа русских войск на правую сторону Дуная. — Дело при Козлуджи. — Обложение Рушук и движение Румянцева к Силистрии. — Движение Каменского к Шумле и расположение его на сообщениях визиря с Константинополем. — Бедственное положение турецкой армии. — Переговоры. — Мирный договор, заключенный в Кючук-Кайнарджи. — Новые недоразумения между Россией и Турцией. — Ратификация мирного трактата султаном. — Зимние квартиры. — Выгоды, доставленные Кючук-Кайнарджиским миром России. — Торжество по случаю заключения мира. — Награды, пожалованные Румянцеву. — Влияние войны 1769 — 1774 года на успехи военного искусства.	30
Турецкая война 1787 — 1791 г.....	36

Поход 1787 года.....	36
Присоединение Крыма к России. — Потемкин. — Греческий проект. — Современное положение европейских государств. — Союз России с Австрией. — Путешествие императрицы Екатерины в Новороссийские области. — Неудовольствие турок. — Объявление войны. — Силы русских армий, назначенных для действий против Турции. — Военно-хозяйственные распоряжения Потемкина. — Силы турок. — Планы действий и расположение сил обеих сторон. — Распоряжения Суворова для обороны Кинбурна. — Мичман Ломбард. — Дело при Кинбурне. — Зимние квартиры. — Инструкция Суворова.....	36
Поход 1788 года.....	43
Участие, принятое в войне Императором Иосифом II. — Приготовления обеих сторон. — Силы русских армий и назначение каждой. — Силы и назначение австрийской армии. — Распределение турецких войск. — Гассан-Паша. — Потемкин. — Ласси и кордонная система. — Состав русских армий. — Первоначальные действия Принца Кобургского. — Переправа украинской армии на правую сторону Днестра и движение главных сил Екатеринославской армии вниз по Бугу. — Прибытие к Очакову Гассана-Паши. — Морские силы обеих сторон в Лимане. — Принц Нассау-Зиген. — Смерть Сакена. — Действия в Лимане. — Истребление турецкого флота. — Прибытие Потемкина к Очакову. — Действия австрийцев в Бессарабии и Молдавии. — Сдача Хотина. — Неудачи австрийских войск. — Осада Очакова. — Суворов ранен. — Подвиги Ламбро-Качони в Архипелаге. — Медленные успехи очаковской осады. — Штурм и взятие Очакова. — Зимние квартиры.	43
Поход 1789 года.....	54
Отбытие Румянцева из армии. — Соображения к походу и силы союзных армий. — Виды турок. — Открытие действий турками весною в Молдавии. — Дела при Бырладе, Максимени и Галаце. — Смерть Абдул-Хамида. — Виды Селима III. — Обстоятельства, замедлившие возобновление действий. — Новый состав наших армий. — Свойства театра действий в Молдавии. — Расположение принца Кобургского у Аджуа, а Суворова у Бырлада. — Сосредоточение турок у Фокшан. — Движение Суворова в помощь принцу Кобургскому. — Дело при Фокшанах. — Возвращение принца Кобургского к Аджуа, а Суворова к Бырладу. — Движение Потемкина за Днестр. — Наступательные действия турок. — Дело при Сальче. — Расположение принца Кобургского близ Фокшан и движение в помощь ему Суворова. — Сражение при Рымнике. — Взятие Гаджибея. — Занятие Паланки. — Сдача Аккермана и Бендер. — Зимние квартиры.....	54
Поход 1790 года.....	65
Политические отношения европейских государств к России и Австрии. — Виды Герцберга. — Кончина Иосифа II и восшествие на престол Леопольда II. — Силы и первоначальное расположение русских войск. — Переговоры Потемкина с визирем. — Действия австрийских войск. — Взятие Оршовы и неудачная осада Журжи. — Экспедиция генерала Бибикова к Анапе. — Успехи русского флота. — Движение визиря против австрийской армии. — Движение Суворова в помощь принцу Кобургскому. — Рейхенбахская конвенция. — Движение Суворова к нижнему Дунаю. — Верельский мир. — Морское сражение при Тендре. — Действия Ламбро-Качони. — План действий русских войск на нижнем Дунае. Взятие Килии, Тульчи и Исакчи. — Переговоры Потемкина с верховным визирем. — Штурм Измаила. — Поражение баталь-бея на Кубани.	65
Подлинное определение совета 9-го Декабря, 1790 года, при Измаиле.....	73
Поход 1791 года.....	81
Предположения обеих сторон. — Состав русской армии. — Экспедиция к Мачину. — Взятие Гудовичем Анапы. — Экспедиция Кутузова к Бабадагу. Победа Репнина при Мачине. — Ясский мир. — Общие выводы.	81
Приложения.....	87
А.....	87
Меры, принятые графом Румянцевым, по части продовольствования войск, в продолжение войны 1770-1774-го годов.	87
В.....	88
Меры, принятые графом Румянцевым в отношении к образованию рекрут.	88
С.....	88
Продовольствование войск в войну 1787 — 1791 г.	88
D.....	88
E.....	88
Мысли Румянцева о военном деле.....	88
F.....	93
Приказ фельдмаршала князя Потемкина Таврического в кавалерийские полки Екатеринославской и Украинской армий. Генваря 27 дня, 1789 года.....	93

Карта пространства между Днестром и Балканами, служившего главным театром военных действий в походах Румянцева и Суворова против турок

Предисловие

I Сочинение, представляемое на суд просвещенных читателей, включает в себе описание двух Турецких войн, веденных в царствование Императрицы Екатерины II, и изложение характера и образа действий военачальников, бывших главными виновниками подвигов нашего воинства, в одну из важнейших эпох истории Русского Государства. Автор старался начертать верную и по возможности полную картину сих великих событий и выказать участие в них не только главных деятелей, но и сподвижников их.

Первая из этих войн изложена менее пространно, нежели вторая, более близкая к нам по времени. К тому же — для составления второй Турецкой войны (1787 — 1791 г.) существует несравненно более достоверных источников, нежели для первой (1769 — 1774 г.).

Материалами для составления предлагаемой книги, большею частью, служили рукописи, планы и подлинные документы, хранящиеся в Архиве Военно-топографического Депо, а из печатных **II** сочинений: переписка императрицы Екатерины II; труды Бутурлина, Антинга, Бантыш-Каменского, турецких историков, Ахмет-Ресми-Эфенди и Вассиф-Эфенди, и превосходное сочинение соотечественника нашего Смида: Suwogov's Leben.

Автор льстит себя надеждою, что читатели найдут в его сочинении многие подробности, до сего времени остававшиеся неизвестными, на счет великих событий: сражений при Кагуле, Рымнике, Мачине; штурмов Очаковского и Измаильского; завоевания Крыма; договоров Кайнарджиского и Ясского. Быть может — занимательность этих предметов, возбуждив сочувствие соотечественников автора, заставит их быть снисходительными ценителями нового труда предпринятого на поприще отечественной исторической литературы.

К сочинению приложены: 1) карта пространства служившего главным театром описанных войн; 2) планы сражений при Кагуле и при Рымнике; 3) план Измаильского штурма.

Введение

Причины возвышения и упадка Османской Порты. — Понятие о турецких войсках. — Главные черты их образа действий. — Образ действий европейских народов против турок. — Упадок воинского духа в турецком народе. — Первые признаки упадка могущества Порты. — Войны русских против турок. — Походы Миниха. — Белградский мир. — Объявление войны турками в 1768 году.

[1] В числе переворотов, имевших решительное влияние на судьбу народов, не последнее место занимают быстрое возвышение и впоследствии столь же быстрый упадок Турции. Изумительно было зрелище бедных, безвестных племен, вызванных словом лжепророка к победам и славе. Подобно бурному потоку, разлились мусульманские полчища в трех [2] странах Света; аравитяне покорили Испанию; турки утвердились на развалинах дряхлой Восточной Империи; поклонники Магомета, охватив Европу, грозили уничтожением самобытности государств и успехам просвещения. В продолжение нескольких веков, воевали с турками все европейские их соседи, но никто не мог положить предела завоеваниям мусульманских полчищ.

Причинами тому были: многочисленность турецких вооруженных сил; религиозный фанатизм, одушевлявший мусульман; воинские способности многих султанов; образ действий турок, сообразный с современными обстоятельствами, и наконец — ошибки их неприятелей.

До преобразования, в новейшее время, турецкой военной системы, каждый из мусульман был воином. Самая религия обязывала их к беспрестанной войне с последователями других учений; к тому же, по роду жизни своей, турки были весьма способны к перенесению военных трудов и лишений. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, султаны весьма часто выставляли полчища в несколько сот тысяч человек. Турецкие ополчения одушевлены были верованием в предопределение (фатализмом) и надеждою блаженства в будущей жизни, в случае гибели на поле брани: эти убеждения внушали в них отчаянную храбрость. Их повелители умели пользоваться способностями к военному делу своих подданных, вели беспрестанную войну с соседями, и действовали весьма искусно в политическом отношении, избегая одновременной войны с несколькими государствами, а стараясь побеждать их порознь. [3]

Таким образом, Османская Порта, после победы, одержанной генералом Монтекукули над турками при Сен-Готаре (*Местечко, лежащее в Нижней Венгрии, на реке Раабе, в 70-ти верстах к востоку от Граца*), заключив, в сентябре 1664 года, перемирие с Австриею на 20 лет, воспользовалась им для отнятия у венециан Кандии в 1669 году; а потом вела последовательно войны с Польшею и Россиею.

Турецкие войска, до преобразования их, не имели ни правильного строя, ни тактического образования. Пехота их сражалась в виде беспорядочной толпы, и потому была мало способна к натиску, требующему преимущественно единства и порядка, но могла наносить большой вред меткою стрельбою; кавалерия, действовавшая врассыпную, имела большое преимущество над европейскими всадниками в одиночном бою, по отличному оружию и превосходным лошадям своим. Артиллерия не отличалась подвижностью, но действовала довольно метко. Еще во второй половине XIV столетия, были сформированы султаном Амурадом I, из пленных христианских юношей, отборные отряды пехоты (янычары) и конницы (спаги). Эти воины, воспитанные в правилах мусульманской религии, и приученные с малолетства к суровой жизни и строгой подчиненности, в течение трех веков, были ужасны неприятелям Порты.

Турецкие ополчения, действовавшие наступательно с необыкновенною стремительностью, были мало способны к действиям оборонительным в открытом [4] поле, требующим стойкости и хладнокровия. Поэтому турки обыкновенно располагались в укрепленных лагерях, откуда, для нападения на неприятеля, высылали значительные отряды, состоявшие преимущественно из кавалерии, либо выходили в совокупности. Эти полчища, пользуясь своею многочисленностью и быстротою, окружали неприятельскую армию и нападали на нее одновременно со всех сторон. Ежели удавалось им расстроить ее, то ловкая турецкая кавалерия, настойчиво преследуя опрокинутого противника, довершала его поражение.

Основываясь на выгодах подобного образа действий турок, Монтекукули ставит их в пример, как в политическом, так и в военном отношении. Быть может, победитель при Сен-Готаре преувеличивал с намерением достоинство военной системы турок, желая возвысить чрез то собственную свою славу; тем не менее однако беспристрастное исследование качеств, отличавших турецкие войска, убеждает в том, что они составляли превосходное орудие в руках искусных вождей, умевших ими пользоваться. Но главную причину успехов, одержанных турками, должно искать в ошибках их неприятелей.

Пользуясь ослаблением духа византийских греков и неустройством, господствовавшим во всех частях управления Восточной Империи, мусульмане положили конец ее существованию и стали вести беспрестанные войны против всех своих европейских соседей, которые, вместо того, чтобы вооружиться дружно против врага общего, угрожавшего их политической самостоятельности, допускали поражать себя

порознь. [5]

Образ ведения войны европейских народов был столь же ошибочен, сколько и государственная политика их. Полководцы Западной Европы, имея в виду обеспечить себя со всех сторон от стремительных атак турецкой конницы, строили всю свою пехоту в одном огромном каре, в середине которого помещали кавалерию и обозы, усиливали углы и фасы этого каре артиллерию; а для большего затруднения неприятелю доступа к каре, ограждали его рогатками, которые, в значительном количестве, возились вслед за войсками. Само собою разумеется, что, при подобном боевом расположении, все действия армии ограничивались пассивною обороною, а результаты победы отражением турецких полчищ; если же перевес склонялся на сторону турок, и они врывались в каре, то войска, его составлявшие, не успевали восстановить порядка в расстроенных рядах своих и подвергались гибели.

Пока султаны, в челе своих полчищ, указывали им путь к победе, пока состав и дух янычар оставались неизменными, турки, как грозный меч над головою Дамокла, тяготели над Европою. Но все изменилось, когда повелители мусульман, уклоняясь от трудов и забот, сопряженных с военными подвигами и с государственным управлением, заклоунились в стенах гаремов своих и вверили визирям начальство над армиями; несмотря на мужество и способности некоторых из числа этих высших сановников Порты, воинский дух стал погасать в народе, и прежняя уверенность в непобедимости мусульман уступила место убеждению в том, что они — рано или поздно — принуждены [6] будут, оружием соседственной державы, возвратиться в Азию (*У турок существует поверье, что они стоят лагерем в Европе, и что белокурый народ заставит их возвратиться в Азию*).

Вместе с упадком духа развивалось более и более неустройство внутреннего управления. Паши, мало-помалу, из правителей областей сделались самостоятельными владетелями, нередко ополчавшимися против своего повелителя. Корпус янычар создал свою силу и заставил султанов помышлять об ослаблении духа и значения этого войска, напомилавшего собою преторианскую стражу. Для достижения сей цели, разрешено было принимать в число янычар не только христианских детей, получивших военное воспитание, но и всех вообще турецких подданных. Каждый турок мог записаться в янычары и приобрести права и преимущества, присвоенные этому сословию. Множество купцов и ремесленников поступило в янычары: торговля и промыслы сделались главным занятием сословия, занимавшегося дотоле исключительно военным делом. Прежний воинский дух исчез невозвратно; его заменили буйство и алчность к корысти. То, что в нашей истории представляют нам стрельцы, то самое находим в янычарах.

До обложения турками Вены, в 1683 году, никто не знал достоверно, до какой степени простирался упадок могущества Оттоманской Порты. Но когда вскоре после того, турки не только принуждены были очистить Венгрию, но еще потеряли большую часть [7] Сербии и Малую Валахию, когда Собиеский, маркграф баденский (Лудовик-Вильгельм I) и принц Евгений Савойский поражали мусульман при каждой встрече, тогда опасения Европы рассеялись. Но и в последующие времена, турки, несмотря на собственное невежество, нередко пользовались ошибками противников своих и побеждали их.

Русским полководцам суждено было постигнуть недостатки обычного боевого построения европейских армий против турок и заменить его новым расположением войска, давшим постоянный перевес регулярным армиям над азиатскими полчищами.

Война, веденная русскими против турок, в царствование Императрицы Анны Иоанновны, ознаменовалась победами Миниха, *русского принца Евгения* — как называл его Фридрих Великий. В 1736 году, он отмстил за вековые набеги крымских татар на южные области России опустошением Крыма; этот успех стоил русской армии до 30-ти тысяч человек, погибших от непривычки к тамошнему климату и от недостатка в продовольствии, но эти потери не оказали ни малейшего действия на дух войск. «Мы готовы идти за нашим соколом на край света», — говорили солдаты, возвращаясь из трудного крымского похода. Несравненно блистательнее был поход, совершенный Минихом в 1739 году. Переправясь с 65-ти тысячною армиею, при которой было не менее 90-та тысяч повозок, через Днестр, у Синьковиц, в 40 верстах выше Хотина, Миних, в половине августа, двинулся чрез преконские дефиле, незанятые турками, по оплошности их начальников, и 16-го приблизился к неприятельской армии, в числе [8] 90 тысяч, под начальством сераскира Вели-Паши, расположенной у Ставучан, в 6-ти верстах от Хотина, на весьма значительных высотах, за болотистою речкою Шулянцем. Между тем Вели-Паша выслал многочисленные отряды, которые, направившись в тыл Миниховой армии, отрезали совершенно подвозы съестных припасов. Русские не могли даже доставать воду, подвергаясь беспрестанным нападениям турок, которые не давали покоя нашим войскам ни днем, ни ночью. Этому способствовало решительное превосходство турецких всадников над тогдашнею нашею легкою конницею. Главнокомандующий, желая выйти из этого затруднительного положения, решился атаковать турок. С этою целью, 17-го августа, русские войска, в трех каре, построенных на одной линии с небольшими интервалами и прикрытых рогатками, двинулись против неприятеля. Чтобы вовлечь в заблуждение турок, на счет пункта, избранного для нападения, Миних приказал Левендалю с левофланговым каре сделать фальшивую атаку на правое крыло неприятельского лагеря, а сам с прочими каре атаковал лагерь с противоположного фланга. Под прикрытием огня многочисленной артиллерии, русские войска устроили из досок и фашин 27 переправ чрез речку, и перейдя на противоположный берег Шулянца, отбили яростные атаки янычар и спагов, пытавшихся остановить движение наших войск, и овладели лагерем. 48 орудий и множество запасов досталось победителям. Урон наших войск не превышал 70-ти человек, а потеря неприятелей, убитыми и ранеными, простиралась более

15-ти тысяч (а по другим сведениям [9] всего до 2-х тысяч) человек. Следствиями этой победы были сдача Хотина и занятие русскими войсками Ясс (*Реляция графа Миниха. Журнал военных действий кампании 1739 года*).

В сражении при Ставучанах, огромные каре, в которые построена была наша армия, обставленные орудиями и рогатками, немного превосходили движимостью прежние каре, составленные из целых армий; к тому же, расположение, принятое Минихом, не доставляло нашим каре взаимной обороны. И потому выгоды боевого порядка, им принятого, ограничивались: 1) тем, что расстройство одного какого либо из трех каре, не имея влияния на прочие, не могло быть так губительно, как расстройство каре, построенного из всей армии, и 2) что разделение войск на три отдельные массы способствовало вообще быстроте движений, в особенности обходному движению правого крыла русской армии и взятию неприятельского лагеря.

После Белградского мира, заключенного в 1739 году между Австриею и Турциею, Россия также приступила к нему, в октябре того же года. В течение тридцати лет, между Россиею и Портою господствовало согласие, возмущаемое, от времени до времени, только набегами на южные наши области крымских татар, состоявших под покровительством турок. Но в 1768 году, султан Мустафа III, завидя влиянию, приобретенному Россиею на дела Польши, и побуждаемый происками Франции, вооружился против Императрицы Екатерины II. Предлогом к войне послужило ему неумышленное сожжение Балты, [10] местечка на Днестре, одним из русских отрядов (*Впоследствии оказалось, что Балта была сожжена одною из разбойничьих шаек, известных на Украине под названием гайдамаков (манифест императрицы Екатерины II, 18-го ноября 1768 года)*), преследовавшим польских конфедератов до турецкой границы (1768 г.). Султан, узнавши о том, немедленно велел заключить русского посланника Обрескова в Семибашенный замок, и потребовал от нашего правительства вывода войск из Польши, объявляя войну в случае отказа. Императрица Екатерина II, не признавая справедливым подобного требования, решилась вести войну.

В это время, для обеспечения южных пределов России от набегов крымских татар, войска наши занимали украинскую линию, простиравшуюся чрез степи от Днепра до Дона; наша граница с Турциею прикрыта была справа Киевом, а слева крепостью св. Димитрия на Дону; ниже Киева, по Днепру, простиралась Сечь Запорожских казаков, подвластных нашему правительству.

Граница Турции, обращенная к России, прикрыта была реками Днестром и Дунаем, со многими на них крепостями, из которых важнейшими на Днестре были Хотин и Бендеры. Крепость Очаков и кинбурнский форт прикрывали Днепровский Лиман и обеспечивали связь между Днестром и Крымом; а крепостца Ор с перекопскою линиею и крепость Арабат преграждали доступ в Крымский Полуостров.

Движение русской армии к Нижнему Днестру представляло затруднения, по близости к пути действий [11] сильной неприятельской крепости Очакова; а при движении в Крым, надлежало проходить обширные степи, где продовольствование значительного числа войск было почти невозможно, и потому выгоднейшею операционною линиею для русской армии была плодоносная Подолия.

Турецкая война 1769 — 1774 г.

Поход 1769 года.

Силы, расположение их и планы действий обеих сторон. — Состояние 1-й русской армии. — Цель действий князя Голицына. — Переправа через Днестр и движение к Хотин. — Взятие турецкого укрепленного лагеря. — Возвращение армии в Подолию. — Вторичная переправа на правую сторону Днестра. — Блокада Хотина. — Возвращение армии на левый берег Днестра и расположение против Хотина. — Поражение турецкой армии. — Уничтожение турецкого отряда. — Занятие Хотина. — Отряжение Эльмта в Молдавию. — Назначение Румянцева главнокомандующим 1-ю армию. — Занятие русскими войсками Молдавии и Валахии. — Зимние квартиры. — Результаты действий Берга и Медема.

Действия начались в феврале вторжением крымских татар в Новороссийскую Область. План действий турок заключался в том, чтобы, усилив главную свою армию до 300 тысяч, двинуться к Днестру, овладеть Каменцем-Подольским и заставить русские войска очистить Польшу. [12]

С нашей стороны, вооруженные силы, назначенные для действий против турок, распределены были следующим образом: 1-я армия, генерал-аншефа князя Александра Михайловича Голицына, силою в 65 тысяч (в числе которых 9 тыс. казаков), назначена была для занятия оборонительной линии по Днестру и для прикрытия Подолии; 2-я армия, генерал-аншефа графа Румянцева, состоявшая из 60 тысяч (и в том числе 30 тыс. иррегулярных войск), должна была прикрывать южные наши границы от Днепра до Донца. Отряду генерал-майора Медема назначено было двинуться к Кубани; наконец, небольшой отряд генерала Тотлебена отправился в Тифлис, для поддержания закавказских владетелей, изъявивших намерение восстать против Порты (*Бутурлин. Краткое изложение первой войны русских против турок, и проч.*).

Князь Голицын, которого армия должна была удерживать главные силы турок, сын славного фельдмаршала, сподвижника Петра Великого, отличался личною храбростью и хладнокровием; но не довольно постигал хозяйственную часть управления армии, и действуя слишком осторожно, не умел пользоваться одержанными успехами.

Войска, бывшие в составе армии, имели в рядах едва половину комплектного числа чинов; а некоторые из полков вовсе не прибыли ко времени открытия военных действий, и потому в начале 1-я армия состояла всего-навсего из 24-х тысяч человек, не считая казаков. Солдаты, по свидетельству очевидцев, были дурно одеты и обуты, конская сбруя [13] истерта, лафеты непрочны. Движения войск, по недостатку офицеров, знакомых с механизмом их, производились медленно и неловко; подобным образом и аванпостная служба находилась в жалком состоянии (*Дневник графа Генделя, прусского офицера, находившегося при князе Голицыне в походе 1769 года*).

В то время, когда 1-я русская армия собиралась в Подолии, главные силы турок находились еще на правой стороне Дуная, а в Бессарабии, кроме хотинского, бендерского и аккерманского гарнизонов, было не более 20-ти тысяч турецких ополчений, под начальством Карамана-паши, расположенных близ Хотина.

Пользуясь этими благоприятными обстоятельствами, князь Голицын предпринял овладеть Хотинском. С этою целью, устроив магазины в Бердичеве, он сосредоточил свою армию у Антоновки, близ местечка Минковцы, переправился чрез Днестр, в 60-ти верстах ниже Хотина, у Калюса, 14-го апреля, и 18-го ввечеру расположился в пяти верстах от Хотина, на яской дороге (*Описание маршей Российской Императорской Первой армии, с 1769 по 1775 год*).

19-го апреля, в день Светлого Христова Воскресения, по полудни, русские войска двинулись к неприятельскому лагерю, расположенному под Хотинском; турки, находившиеся в шанцах, оказав незначительное сопротивление, бежали частью в крепость, частью по дороге в Бендеры; войска наши преследовали неприятелей до палисада прикрытого пути; но [14] не успели ворваться в крепость. Три знамени и семь орудий были трофеями победителей. В подробной реляции об этом деле, князь Голицын с особенною похвалою отзываясь о действии артиллерии, именуя в числе отличившихся полковника Мелиссино, начальника всей артиллерии под Хотинском, и капитана Караулова, который «с первого выстрела неприятельскую батарею сбил и опрокинул» (*Обстоятельная реляция Ее Императорскому Величеству от генерал-аншефа князя Голицына, из лагеря при Хотине, от 20-го апреля, 1769 года*).

Несмотря однако на этот успех, Голицын, не имея при себе осадной артиллерии и не обеспечив

своей армии заблаговременно на счет доставки военных и съестных припасов, принужден был идти обратно за Днестр (*Сугубо счастлив был бы я, еслиб в тоже время достиг я и до второго предмета моего предприятия овладением крепости. Но я ее нашел больше укрепленною и столько артиллериею снабденною, с гарнизоном семнадцати тысяч человек, что распоряженные мною первые меры на краткую и скорую экспедицию в тому довольны быть не могли, чтоб не останавливаясь ни мало, тут же окончить все мое предприятие, вышедонесенного времени», и проч. Обст. реляция князя Голицына от 20-го апреля 1769 года*). 25-го апреля, переправился он у Калюса и оставался в Подолии целые два месяца, до конца июня, в ожидании подвоза припасов.

Невыгоды продолжительного пребывания войск в палатках, где солдаты валялись на голой земле, по недостатку в соломе, и дурное качество воды были причинами необыкновенного увеличения числа больных, наполнявших госпитали в мест. Менджибо же и окрестных селениях. Эти больные оставались [15] без всякого призрения; докторов почти вовсе не было, и потому обязанности их лежали на невеждах-цирюльниках.

Между тем турецкая армия, под начальством Верховного визиря Магомед-Паши, собравшись, еще в начале мая, у Исакчи, переправилась 22-го чрез Дунай и двинулась к Рябой-Могиле (на правом берегу Прута, в 60-ти верстах от Ясс и в 100 верстах от Бендер).

Несмотря на побеги, ослабившие турецкую армию, силы ее все еще простирались до 100 тысяч. Для противодействия ей, 1-я армия получила приказание переправиться снова на правую сторону Днестра. В то же время большая часть 2-й армии, в числе 40 тыс., расположилась у Елисаветграда, для наблюдения к стороне Бендер и Очакова, а генерал Берг, с остальною частью сей армии, в числе 22-х тысяч, направлен был от Бахмута к Сивашу, для прикрытия от татар Таганрога и вновь заселенного Азова.

Расположение визиря с турецкою армиею у Рябой-Могилы заставило князя Голицына избрать пункт для переправы через Днестр, выше Хотина. Переправясь, 25-го июня, близ мест. Устье, он расположился у деревни Замоши, и двинувшись весьма окольным путем в обход Буховинского Леса, пришел в окрестности Хотина, 1-го июля. По сведениям, собранным от пленных, тамошний гарнизон усилился, в это время, беспрестанно приходившими подкреплениями, до 70-ти тысяч. 2-го июля, князь Голицын повел свои войска, построенные в продолговатое каре, против неприятельских окопов, устроенных впереди Хотина. Турецкие полчища вышли навстречу [16] нашей армии, но были разбиты и частью прогнаны обратно в крепость, частью рассеяны в различные стороны. Из донесения князя Голицына об этом деле, видно, что наши гренадеры просили, чтобы им дозволено было отбросить рогатки; «они мешают нам подойти к неприятелю» — говорили наши воины. Таким образом здравый ум русского солдата предупредил тактические улучшения военачальников.

Не имея возможности вести правильную осаду Хотина, по недостатку осадной артиллерии, князь Голицын предпринял блокаду крепости, чтобы голодом принудить гарнизон ее к сдаче. С этою целью, генерал Ренненкампф с частью армии оставлен был против Хотина, на левой стороне Днестра; главные силы расположены были на правой стороне реки, выше Хотина, а ниже крепости, с той стороны, с которой гарнизон преимущественно мог ожидать подкреплений, поставлен был небольшой отряд генерал-майора князя Прозоровского. Несмотря однако на ошибочность расположения нашей армии, визирь не отважился идти сам к Хотину, а приказал Крымскому Хану, стоявшему с татарским ополчением у Бендер, двинуться в помощь осажденной крепости. 22-го июля, хан, с 25-ю тысячами человек, явился в виду блокадного корпуса и атаковал его одновременно с вылазкою гарнизона; но русские войска, отразив неприятеля на всех пунктах, заставили хана отступить к Липканам на Пруте, где татары остановились, получив от визиря в подкрепление отряд сераскира Молдаванчи-Паши.

Получив известие об усилении неприятеля у Липчан, [17] князь Голицын стянул к главным силам все свои отряды и освободил от обложения крепость. Между тем, полчища хана то приближались к крепости и производили частные нападения на русскую армию, то продолжали окапываться в укрепленном лагере своем у Липкан. Голицын, терпя большой недостаток в припасах и особенно в фураже, и надеясь заманить неприятелей на левую сторону Днестра, где местность более способствовала наступательным действиям русских войск, решился снова отойти за Днестр (*Донесение князя Голицына, помещенное в прибавлении к С. Петербургским Ведомостям, 8-го сентября 1769 года*). С этою целью, 2-го августа, войска наши переведены были, по понтонному мосту, устроенному в нескольких верстах выше Хотина, на левую сторону реки, и расположились сперва в 10-ти, а потом в 4-х верстах от крепости. По окончании переправы, понтоны отправлены были в Полонное, за 150 верст от места расположения армии.

Между тем султан, недовольный нерешительностью действий визиря Магомеда-Паши, назначил на его место сераскира Молдаванчи-Пашу; вместе с тем новый визирь получил повеление переправиться на левую сторону Днестра. После нескольких неудачных попыток проникнуть в Подолию, турки устроили мост на Днестре у Хотина; сам Молдаванчи-Паша, с 80-ю тысячами человек, перешел частью по мосту, частью вброд на левый берег. Голицын приблизился к крепости, но, желая заманить [18] противника, не препятствовал переправе неприятельской армии, и, в ожидании решительного сражения, приказал генерал-лейтенанту Брюсу с 5-ю пехотными полками занять весьма важный пост в Рачевском лесу, который обеспечивал от обхода левый фланг нашей армии. Войска эти усилены были, в вечеру 28-го августа, 20-ю гренадерскими ротами и 4-мя кавалерийскими полками. 29-го, в 7 часов утра, турки атаковали нашу армию и возобновляли многократно свои нападения в течение целого дня, до 7-ми часов вечера, но были каждый раз отбиваемы с уроном, и потеряв одними убитыми до 3 тысяч человек, переправились на правую сторону Днестра. В ночи, с 5-го на 6-е сентября, турки снова переправили на левую сторону реки 9 тысяч, (а по

другим сведениям 12 тысяч) человек. На следующее утро, внезапная прибыль воды в реке от дождей уничтожила мост; переправа вброд сделалась невозможной; таким образом турецкий отряд, находившийся на левом берегу Днестра, был отрезан от армии Верховного визиря. Князь Голицын, пользуясь затруднительным положением турок, отрядил против них восемь гренадерских батальонов и двенадцать гренадерских рот, под командою полковников Вейсмана, Сухотина, барона Игельстрома и Кашкина, которым приказано было напасть на неприятельский отряд в ночи с 6-го на 7-е, чтобы не подвергать наши войска огню крепости, под пушками коей расположены были турки. Для поддержания же их, в случае надобности, назначены были три пехотных полка, под командою полковника Кречетникова. Войска наши, приблизясь с нескольких [19] сторон к турецким окопам, бросились в атаку, по данному сигналу, с громкими криками ура! да здравствует Екатерина! Неприятель сопротивлялся отчаянно, но частью были переколоты штыками, частью же потоплены в реке; весь лагерь, со множеством знамен и с двумя орудиями, достался в добычу победителям. С нашей стороны убито и ранено 600 человек (*Извлечено из донесения князя Голицына*).

Турецкие полчища, находившиеся у Хотина, поражены были таким ужасом, что, очистив город и лагерь, бежали в беспорядке к Дунаю. Голицын получив о том сведение от легких войск, переправившихся на правую сторону Днестра, немедленно послал, на собранных по течению реки плотах и лодках, генерал-поручика Эльмпта с двумя полками для занятия Хотина, 9-го сентября. В городе и окопах найдено 228 орудий (*Донесение князя Голицына, помещенное в прибавлении к №76-му С.-Петербургских Ведомостей, сент. 22-го, 1769 года*).

Таким образом неожиданный случай, вместе с оплошностью турецких военачальников, доставил нашему полководцу возможность достигнуть предположенной им цели.

Три дни спустя, князь Голицын, отрядив генерала Эльмпта, с тремя карабинерными полками, гренадерскими ротами всех пехотных полков и с частью легких войск, к Яссам, двинулся с остальными силами армии, для расположения их по квартирам, к Каменец-Подольску, и на пути к этому городу, по повелению Императрицы, сдал начальство над войсками генералу Румянцеву, на место которого, главнокомандующим [20] 2-ю армию назначен был граф Панин. Эти распоряжения последовали в первой половине августа, в то время, когда действия князя Голицына не удовлетворяли ожиданий Екатерины. Но, отдавая справедливость прежним заслугам своего полководца, Императрица удостоила его весьма милостивым рескриптом; за последние успешные действия свои, он произведен был, 20-го октября, в фельдмаршалы, а в последствии, по случаю празднования, в 1775 году, мира с Турциею, пожалован шпагою, украшенною бриллиантами, с надписью: *за очищение Молдавии до самых Ясс*.

По принятии начальства над 1-ю армиею, Румянцев, пользуясь успехами Эльмпта, занявшего Яссы 26-го сентября, и отступлением турок за Дунай, усилил отряд, посланный в Молдавию, и поручив его генералу Штофельну, предписал ему наблюдать за Бендерами и занять Валахию. Главная квартира этого отряда находилась всю зиму в Бухаресте. В Феврале 1770 года, Штофельн, получив сведение, что турки усиливались в Курже, овладел этою крепостью и разорил ее. Главные же силы 1-й армии расположены были на зимних квартирах в Подолии.

Граф Панин, по принятии начальства над 2-ю армиею, послал к Бендерам и к Очакову отряды Зорича и графа Витгенштейна (отца фельдмаршала), которые, встревожив турок, удержали их от набегов на наши пределы. За тем 2-я армия расположилась на зимние квартиры в Украине, от Умани до Полтавы.

Генерал Берг ограничивался наблюдением Крымского [21] полуострова, а потом расположил свой отряд на зимние квартиры от Изюма до Бахмута.

Действия генерала Медема, между Черным и Каспийским морями, были весьма удачны: разбив кубанских татар, он побудил тем жителей Кабарды и части Абхазии отдаться под покровительство России.

Поход 1770 года.

Цель действий русских армий. — Румянцев. — Баур. — Русские войска. — Силы обеих сторон и распределение их. — Переправа 1-й армии через Днестр и движение вниз по Пруту. Движение хана вверх по Пруту; — отступление его за Ларгу. — Сражение при Ларге. — Переправа 2-й армии через Днестр. — Переправа визиря на левый берег Нижнего Дуная. — Расположение сил обеих сторон. — Сражение при Кагуле. — Осада и взятие Бендер. — Занятие Браилова. — Расположение русских армий на зимних квартирах. — Результаты действий русского флота.

Цель действий, с нашей стороны, в эту кампанию, заключалась в том, чтобы довершить покорение страны, лежащей по левую сторону Дуная, взятием важной крепости Бендер. Осада Бендер поручена была 2-й армии, между тем как 1-я армия назначалась для прикрытия этой осады со стороны Дуная.

Румянцев, один из тех полководцев, которыми справедливо гордится Россия, был главнокомандующим войсками 1-й армии. До этого времени, военная [22] известность его ограничивалась подвигами, совершенными в Семилетнюю войну: при Иегернсдорфе, он вырвал из рук неприятеля победу; при Франкфурте, вместе с Лаудоном, содействовал Салтыкову в поражении великого короля-полководца; под Кольбергом, получив дозволение фельдмаршала Бутурлина снять блокаду, он принял на свою ответственность успех действий. Ни храбрость Гейдена, уже два раза отстоявшего крепость, ни усилия принца Виртембергского, ни труды и лишения русских войск, в продолжение глубокой осени, ничто не могло поколебать твердости духа военачальника, уверенного в войсках своих. Кольберг покорился ему. Не менее важны были гражданские заслуги Румянцева: быв назначен (в 1764 году) генерал-губернатором Малороссии, он вполне оправдал выбор великой монархини, способствовал к слиянию сей обширной страны с прочими областями Империи и водворил в ней порядок и владычество законов. Румянцев соединял в себе необыкновенную быстроту ума с основательностью рассудка, хладнокровие с отвагою и решительностью. Все его действия и распоряжения отличались невозмутимым спокойствием духа. Ясен в суждениях и взглядах на предметы, точен и определен в отдаваемых им приказах, он никогда не колебался в сомнении. Его деятельность не имела предела: начальствуя армиею, он беспрестанно являлся на коне между солдатами, старался видеть все сам, и между тем занимался неусыпно кабинетными работами, писал собственноручно важнейшие предписания и подписывал точные, ясные резолюции на полученных бумагах, иногда посвящая целые ночи этим занятиям [23] после тяжких трудов на полях сражений и утомительных переходов.

Румянцев обращал особенное внимание на соблюдение строгой дисциплины в войсках, говоря, что «потворством можно испортить лучшую армию.» Но строгость его всегда была неразлучна со справедливостью, и вот почему немногие из начальников были так любимы своими подчиненными офицерами и солдатами, как Румянцев. В домашней жизни и в обращении, он отличался простотою, и, в этом отношении, Карамзин справедливо сравнивает его с Тюренем.

Успеху действий Румянцева в эту кампанию весьма много способствовал генерал-квартирмейстер 1-й армии, Баур. Этот генерал, образовавшийся под знаменами славного Фердинанда Брауншвейгского, был главным помощником, правою рукою нашего великого полководца. В то время, когда люди, специально приготовленные к военному делу, встречались весьма редко, Баур обладал вполне искусством соображать диспозиции маршей и сражений, строить мосты, вести осады; его военный глазомер заменял недостаток в хороших топографических картах; его верный взгляд обнимал все пространство полей сражения.

Приступая к описанию походов Румянцева в Турции, считаю не излишним изложить вкратце современное состояние наших войск.

Русские армии делились на дивизии и авангардные корпуса, но ни те, ни другие не имели определенного состава. Пехотные дивизии и корпуса разделялись на бригады, и сверх того к ним придавалась полковая [24] и полевая артиллерия, а иногда и кавалерия. Пехотные бригады состояли из двух полков, либо из нескольких гренадерских батальонов.

Пехотные полки, как гренадерские так и мушкетерские, состояли каждый из двух батальонов; гренадерские батальоны состояли из четырех гренадерских рот, а мушкетерские из одной гренадерской и трех мушкетерских рот. Число рядовых в батальоне полагалось от 650 до 700, но в сражении при Кагуле батальоны были силою всего от 350 до 500 человек. Иногда придавались дивизиям егерские батальоны, которые, кроме обмундирования, почти ничем не отличались от прочих.

Пехота строилась в четыре шеренги, из которых, при пальбе, первые две становились на колена. при построении каре, Фасы его составлялись из развернутого фронта. Колонны же употреблялись исключительно для походных движений.

Мушкетеры вооружены были ружьями со штыками и шпагами, а гренадеры, кроме того, носили, в особых сумах, по две гранаты. Егеря имели ружья несколько короче, с длинными плоскими штыками. Иногда часть пехоты вооружалась пиками, и для этого полагалось иметь в полку по 216 *пикинерных* копий. Сверх того, при каждом полку возилось по 3.500 *рогаточных* копий, из которых составлялись рогатки,

посредством петель и смычных крючьев. Несмотря на то, что Румянцев, в кампанию 1770 года, отменил употребление рогаток, русские войска продолжали возить их за собою, и не прежде оставили их совершенно, как в следующую войну с турками. [25]

Кавалерия разделена была на бригады, заключающие в себе по два полка. Кирасирские и карабинерные полки состояли из восьми рот, или четырех эскадронов, кроме одного запасного, а гусарские из шестнадцати рот, или восьми эскадронов, кроме двух запасных. Число людей в эскадронах, в сражении при Кагуле, не превосходило 60 — 80-ти.

Кавалерия строилась в три шеренги, а спешившись, перестраивалась в две шеренги.

Кирасиры вооружены были палашами, имели по паре пистолетов и носили железные кирасы; вооружение карабинера состояло из палаша, карабина со штыком и пары пистолетов; а гусара из сабли, карабина и пистолетов.

Артиллерия разделялась на полевую и полковую. Первая составляла роты, по 10-ти или 12-ти орудий в каждой; вторая придавалась пехотным полкам (по четыре 3-х Фунтовые орудия каждому).

Для действий против турок, составлялись каре из пехоты с артиллериею; полковые орудия становились по флангам батальонов, а полевые соединялись в батареи, на углах и на середине длинных фасов каре; небольшая часть пехоты помещалась внутри каре, в виде резерва, либо составляла особое небольшое каре, вблизи той части войск, которой должна была служить резервом. Пальба производилась шеренгами и плутонгами (взводами). Переноска рогаток (до отмены их) производилась, при передвижениях войск в бою, шестью человеками в каждом плутонге. Кавалерия располагалась в интервалах между каре. Еще в Северную Войну, Петр Великий требовал от кавалерии, чтобы она [26] действовала исключительно холодным оружием. Румянцев употреблял ее также для атак, но сила привычки, либо ложное убеждение в превосходстве турецких всадников, нередко заставляли нашу кавалерию действовать стрельбою.

При расположении в лагере (кампаменте), главные силы пехоты (кор-де-баталь) и большая часть артиллерии располагались в две линии, в расстоянии одна от другой ста или двух сот шагов, а по концам линий, в перпендикулярном к ним направлении, ставились по одному, либо по два (преимущественно гренадерских) батальона. Таким образом составлялось большое каре, в середине которого помещались легкие обозы. Отдельные (авангардные) корпуса и кавалерия располагались по флангам, либо впереди главных сил; а часть артиллерии и тяжелые обозы составляли парк и вагенбург, позади лагеря армии. Обозы были уменьшены против прежнего, однако все еще были весьма значительны.

В походе армия разделялась на несколько колонн, двигавшихся на одной высоте. Если движение производилось в соседстве неприятельской армии, то пехота каждого каре двигалась в двух колоннах, артиллерия между ними, а кавалерия в особых колоннах. Подобное разделение войск на многие колонны способствовало скорому переходу в боевой порядок (*Сведения о русских войсках извлечены из описаний сражений и из современных ведомостей и расписаний*).

Силы 1-й армии вообще простирались до 50 тысяч, а второй до 30-ти тысяч регулярных и 17-ти тысяч иррегулярных войск. Отряды Берга и Медема по-прежнему [27] назначались против крымских и кубанских татар. Сверх того, положено было послать флот из Кронштадта и Ревеля в Архипелаг, и с содействием греков, восставших против турок, произвести сильную диверсию (*Сведения о мерах, принятых Румянцевым для продовольствования 1-й армии, как в 1770, так и в последующих годах, помещены в приложении под лит. А*).

Со стороны турок, 80 тысяч татарского ополчения собиралось у Кишенева; а главная турецкая армия долужна была собраться, в числе 150-ти тысяч, на Нижнем Дунае, у Исакчи. Султан, недовольный действиями визиря, назначил на его место Халиль-пашу; а на место крымского хана Девлет-Гирея назначен был Каплан-Гирей: последний выбор имел вредные последствия для Порты, потому что татары не любили своего нового хана.

В конце апреля, войска 1-й армии выступили с зимних квартир, взяв с собою двухмесячный запас продовольствия (*Половина этих припасов везена была на казенных, а остальная на обывательских подводах*), сосредоточились, 11 мая, у Каменца-Подольского, и на следующий день перешли к Хотину. 15-го, 1-я армия переправилась через Днестр, по понтонному мосту, у местечка Жванца, и по мосту на козлах, устроенному в Хотине; часть этих войск (6 пехотных и 4- кавалерийские полка) оставлена была в крепости и для охранения мостов на Днестре (*Военный журнал Российской Императорской Первой Армии, 1770 года*).

Ненастная погода, совершенно испортившая дороги, [28] заставила Румянцева простоять близ Хотина целые 10 дней. Наконец, выступив 25-го мая, 1-я армия следовала семью колоннами к Липчанам, и далее вниз по левому берегу Прута.

Вторая армия сосредоточилась у Елисаветграда, 12-го мая. Граф Панин, отрядив Прозоровского с частью сил, для наблюдения Очакова, двинулся к Бугу, переправился чрез сию реку, 11-го июня, и прибыл к Днестру в конце этого месяца.

Между тем Верховный визирь, прибыв в Исакчу, покушался построить мост на Дунае, но, по причине большего разлития реки, принужден был отказаться от своего намерения, и ограничился переправою на лодках 10и тысяч человек, посланных к Кишеневу, в помощь хану. Получив это подкрепление, татары предприняли переправиться на правую сторону Прута, и как болотистая местность ниже Фальчи представляла большие затруднения, то хан двинулся вверх по реке, предполагая устроить переправу выше Фальчи, но был удержан отрядом Штофельна, вслед затем поступившим, по случаю смерти

сего генерала, под начальство князя Репнина и присоединившимся к армии, 11-го июня. В это время, главные силы Румянцева состояли из двух передовых (авангардных) корпусов, генерал-квартирмейстера Баура и генерал-поручика князя Репнина, и трех дивизий, состоявших под командою генерал-аншефа Олица и генерал-поручиков графа Брюсса и Племянникова. 15-го июня, авангардный корпус Баура опрокинул передовые войска ханской армии и заставил их отступить на главные силы татар, расположенные за ручьем Кальма, против [29] Рябой-Могилы. Румянец имел намерение атаковать неприятеля, по утру 17-го, но татары не отважились сразиться с нашими войсками, отступили поспешно, соединились с высланным к ним в помощь турецким отрядом сераскира-Молдавского Абда-паши, и в числе 80-ти тысяч, расположились, в четырех укрепленных лагерях, на высотах за речкою Ларгою. Румянец, присоединив к главным своим силам отряд Потемкина, незадолго пред тем отряженный на правую сторону Прута, и оставив небольшую часть войск в Фальче, для прикрытия находившихся там мостов и складов съестных припасов, двинулся к Ларге и расположил свои войска, не доходя этой реки, в пяти верстах от ханского лагеря, 4-го июля. Как в сей день, так и на следующий, неприятели нападали на передовые войска русской армии, но каждый раз отражаемы были с уроном (*Военный журнал Российской Императорской 1-й Армии, 1770 года*).

Несмотря на огромное превосходство неприятеля в числе войск, Румянец решился атаковать его, чтобы предупредить соединение татар с войсками Верховного визиря, все еще находившимися на правой стороне Нижнего Дуная. Пунктом для главной атаки избран был правый фланг расположения татарской армии, действуя на который, можно было оттеснить ее к Пруту; для достижения сей цели, назначались оба авангардные корпуса, Баура и князя Репнина, стоявшие на флангах армии, и все остальные войска армии, за исключением дивизии Племянникова, [30] долженствовавшей атаковать левофланговый татарский лагерь, чтобы отвлечь внимание неприятеля от пункта главной атаки. Желая поразить противника неожиданностью нападения, полководец наш назначил к тому ночь с 6-го на 7-е августа; приказано было отправить в вагенбург все повозки, но не снимать палаток. Румянец, считая штык лучшею защитою своих войск, решился атаковать татар без пособия рогаток, и чтобы еще более обмануть неприятелей, приказал, с наступлением ночи, развести и поддерживать большие огни. Дивизия Баура, после пробития зари, переведена была с правого крыла на левое, и получила приказание устроить четыре моста на Ларге, выше неприятельского лагеря, перейти по ним на противоположный берег реки, и взойдя на высоты, прикрыть переправу главных сил, которые должны были выступить с места в первом часу по полуночи.

Корпус Баура, переправясь прежде всех прочих войск, построился в каре, и взойдя на высоту, наткнулся на передовую цепь татар, которая обратилась в бегство и встревожила неприятельскую армию. Затем корпус князя Репнина, построенный в двух каре, стал в линии с войсками Баура, несколько правее их. Все эти три каре пошли в атаку на правое крыло неприятельской армии; за ними следовали в резерве главные силы Румянцева, составлявшие одно большое каре; регулярная кавалерия двигалась позади резерва, а все находившиеся при армии арнауты и казаки посланы левее Баура, в тыл неприятелю. Татары открыли сильную пальбу из орудий по наступавшим войскам; но действие [31] этой артиллерии, второпях стрелявшей наудачу, было ничтожно и не могло остановить войска Баура и Репнина, которые, овладев двумя татарскими лагерями, атаковали третий. В это самое время, неприятельская кавалерия, стоявшая за ретраншементом, устроенным позади окопов, сделала вылазку оттуда и кинулась в обход левого Фаса большого каре (резерва), но была отражена картечью батареей, управляемой генерал-майором Мелиссино; вслед за тем, левофланговой неприятельский лагерь был атакован двумя кареями Племянникова. Сражение, начавшееся на рассвете, кончилось в полден взятием четырех передовых окопов. Неприятели, не отваживаясь обороняться в ретраншементе, обратились в бегство; множество их было настигнуто и истреблено, либо потоплено в Пруте; но войска наши, утомленные боем, не могли долго преследовать неприятеля. В отбитом лагере найдено 30 пушек, 3 мортиры, несколько знамен, несколько тысяч палаток и множество добычи. Потеря татар в точности неизвестна; с нашей стороны, убито и ранено (по донесению Румянцева) всего 91 человек. В числе наиболее отличившихся были: Племянников, Репнин, Баур, Вейсман, Потемкин, Гудович, Кутузов, Михельсон и Ферзен (*План сражения при Ларге. Донесение о победе при Ларге*). Знаки ордена Георгия 1-го класса были воздаянием подвига знаменитого полководца; он первый получил эту высшую военную награду.

В сражении при Ларге, русская армия, в числе [32] около 30-ти тысяч, расположена была в одном большом и пяти малых каре: это построение доставило нашей пехоте возможность двигаться с быстротою и обойти неприятельскую позицию частью сил. Русские войска атаковали татарскую армию, не укрываясь за рогатками, и убедились на опыте в их бесполезности. Без всякого сомнения, отмена рогаток была одною из главных причин постоянного перевеса, приобретенного нашими войсками над турецкими полчищами; но в то время никто не мог предвидеть всей важности этого нововведения, и даже в реляциях о сражениях при Ларге и Кагуле, не было сказано о том ни слова.

Между тем граф Панин, с главными силами 2-й русской армии, переправился через Днестр, у Ягорлыка, 30-го июня, двинулся к Бендерам, и обложил эту крепость 15-го июля (чрез восемь дней после сражения при Ларге).

Верховный Визирь, получив известие о поражении хана при Ларге, в то самое время, когда турецкие войска переправлялись у Исакичи, не упал духом. Имея в виду отстоять Бендеры, он перевел на левую сторону Дуная всю свою армию, в числе 150-ти тысяч, двинулся по восточному берегу озера Кагула и открыл сообщение с татарскою армиею, отступившею за речку Ялпух и усилившеюся в несколько дней до 100 тысяч человек.

17-го июля, Румянец, желая предупредить соединение хана с Верховным Визирем, перешел через

речку Кагул и расположил небольшую свою армию у деревни Гречени. Для прикрытия магазинов и для обеспечения движения обоза с 10-ти дневным провиантом, [33] шедшего к войскам из Фальчи, отряжен был генерал Глебов с четырьмя гренадерскими батальонами и частью регулярной и иррегулярной кавалерии; а для прикрытия армии со стороны речки Ялпуха, посланы туда отряды Гудовича и Потемкина. Главные силы армии, ослабленные отделением этих отрядов, состояли из 17-ти тысяч пехоты и нескольких тысяч регулярной и иррегулярной кавалерии (*).

(*) В подлинных делах, относящихся к Турецкой Войне 1769 — 1774 годов, находится следующее расписание войск русской армии, участвовавших в сражении при Кагуле: *дивизия генерал-аншефа Олица* состояла из полков: гренадерских 1-го и 2-го; мушкетерских; Новгородского, Ярославского, Выборгского, Куринского, 2-го Московского и Смоленского; 45-ти орудий полевой артиллерии и 216-ти казаков; *дивизия генерал-поручика Племянникова*: из 4-го гренадерского; мушкетерских: Астраханского, 1-го Московского, Муромского и Бутырского и 26-ти полевых орудий; *дивизия генерал-поручика графа Брюса*: из гренадерских батальонов Бегичева и Ливена, мушкетерских полков; С. Петербургского, Апшеронского, Кабардинского и Копорского и 26-ти полевых орудий; *корпус генерал-квартирмейстера Баура*; из одного егерского батальона; 7ми гренадерских батальонов: князя Меншикова, графа Воронцова, Нейбуша, Тутленга, Петерсона, Аршеневского, Ферзена; гусарских полков Сербского и Ахтырского; сводного карабинерного, 26-ти орудий и 1164-х казаков; *корпус генерал-поручика князя Репнина*; из 3-х гренадерских батальонов Толстого, Эттенгена и Коллопанова; мушкетерских полков: Киевского, Ширванского и Архангелогородского; 26-ти полевых орудий и 1516-ти казаков. *Кавалерия генерал-поручика графа Салтыкова* состояла из полков: кирасирских, Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Новотроицкого; карабинерных: Астраханского, Рязанского и Нижегородского. Всего же в армии было: *пехоты* 53 батальона, со 106-ю полковыми и 149-ю полевыми орудиями, в числе 23.615 человек; *регулярной кавалерии* 47 эскадр. в числе 3495-ти человек, и 2896 казаков.

И так, из этого расписания оказывается, что число русских войск, сражавшихся под Кагулом, простиралось до 30-ти тысяч; но в действительности их было гораздо менее, потому что, при составлении расписания, не было принято в расчет отряжение Потемкина и Гудовича, с несколькими тысячами войск, для прикрытия армии со стороны реки Ялпуха. [34]

20-го июля, армия Верховного Визиря приблизилась к русской армии и расположилась в шести верстах от нее, по южную сторону Траянова Вала, также на левом берегу речки Кагула. Цель действий визиря заключалась в том, чтобы, пользуясь чрезвычайным превосходством своим в числе войск, окружить и уничтожить русскую армию: для достижения этой цели, он намерен был атаковать Румянцева с Фронта, между тем как Каплан-Гирей долженствовал направиться в тыл нашей армии.

Но Румянцев, для избегания опасности быть окруженным огромными силами неприятельских армий, решился предупредить визиря и атаковать его, прежде нежели татары могли прибыть на место сражения. 21-го июля, во втором часу по полуночи, русская армия выступила из своего лагеря и двинулась, в нескольких колоннах, к Траянову Валу. Пехотные колонны, приблизясь к неприятельской позиции, должны были перестроиться в пять каре, различной величины, из которых самое большое, под начальством генерал-аншефа Олица, построенное в виде прямоугольника, должно было находиться в центре общего расположения армии; каре генерал-поручика Племянникова — правее его; каре генерал-квартирмейстера Баура на правом фланге армии; каре генерал-поручика Брюса — левее Олицева; а генерал-поручика князя Репнина — на левом фланге общего расположения. В каждом каре должен был находиться резерв. Кавалерию назначено было расположить между кареями; артиллерию — по углам и фасадам всех каре. Сам главнокомандующий предполагал находиться при дивизии Олица. На основании диспозиции, [35] генерал Баур получил приказание атаковать левое крыло турецкой армии, стоявшее близ Кагула; Племянников и Олиц — атаковать центр; генералу Брюсу поручена атака правого крыла; а князю Репнину приказано принять еще более влево и обойти неприятельский лагерь с правого Фланга.

Войска наши, на рассвете, перестроились в и ять каре, перешли Траянов вал и двинулись к турецкому лагерю. В этот самый момент, многочисленная неприятельская кавалерия бросилась на каре Брюса и князя Репнина, которые, подобно острову, поглощенному наводнением, были со всех сторон окружены толпами спагов, кидавшихся с дикими воплями в атаку. Но пушечная и ружейная пальба наших каре отбила у них охоту сражаться против русской пехоты и заставила обратиться против кавалерии, стоявшей между кареями, которая, в свою очередь, с содействием пехоты, отражала турок стрельбою, до тех пор, пока прибыли к ней в помощь высланные из каре графа Брюса и князя Репнина генерал-майор Херасков, с гренадерским батальоном и четырьмя орудиями, и подполковник Толстой, также с гренадерским батальоном и двумя орудиями; удачный огонь их обратил в бегство турецких всадников. Затем неприятельская кавалерия кинулась вдоль по ложине на большое каре, частью с Фронта, частью же с тыла, дебушируя из рва, лежащего вдоль Траяновой дороги. Но когда главнокомандующий приказал резерву большого каре открыть пушечную и ружейную пальбу вдоль рва, и когда, в тоже время, главное каре, подавшись влево, [36] стало обстреливать ложину, то неприятель принужден был отступить.

Между тем, в восемь часов утра, войска наши приблизились на хороший пушечный выстрел к неприятельским окопам. С обеих сторон гремела сильнейшая канонада; концентрическое действие наших батарей доставило нам большой перевес над неприятелем, которого артиллерия между тем обстреливала преимущественно каре Племянникова и Олица. Многие турецкие орудия были сбиты меткими выстрелами

наших орудий; каре Племянникова и Олица, приблизившись к неприятельским окопам, уже готовились штурмовать их, но внезапно огромные полчища янычар, скрывавшихся в лощине, пролежавшей поперек окопов, выскочив оттуда, кинулись на каре Племянникова и ворвались в середину его; некоторые наши полки были опрокинуты и принуждены искать спасения в каре Олица. Турки, торжествуя победу, оглашали дикими воплями место побоища...

«Теперь наша очередь», сказал хладнокровно Румянцев находившемуся при нем герцогу Брауншвейгскому, и поскакал к расстроеному каре. Присутствие героя, обожаемого войсками, дало делу совершенно иной оборот. Каре Племянникова сомкнуло расстроенные ряды свои; 1-й гренадерский (ныне лейб-гвардии гренадерский) полк, *(Получивший в награду подвига, совершенного им при Кагуле, название лейб-гренадерского)* под предводительством бригадира Озерова, отразил янычар; солдаты наши ударили в штыки и с громкими восклицаниями: [37] «да здравствует Екатерина!» опрокинули густые турецкие полчища. Напрасны были все последующие усилия турок остановить русскую армию; неприятельские войска, поражаемые картечью и настигнутые нашею конницею, под начальством генерал-поручика графа Салтыкова и генерал-майора князя Долгорукого, принуждены были укрыться в окопах. Главные наши силы атаковали неприятельский лагерь с Фронта, между тем как Репнин, обойдя его в тыл, громил турок огнем своей артиллерии. Мусульманские полчища, пораженные ужасом, обратились в бегство, оставив победителям в добычу свой лагерь со всею артиллериею и множеством запасов. Сам Верховный Визирь ускакал в Измаил. Сражение кончилось в три часа пополудни. Преследование разбитой армии поручено было авангардному корпусу Баура, усиленному одним пехотным полком и двумя гренадерскими батальонами; эти войска преследовали неприятеля до самого Дуная и захватили множество пленных и значительные обозы. 140 орудий и 60 знамен были трофеями сей славной победы. Потери турок в войсках, по самым умеренным показаниям, вообще простирались до 20-ти тысяч человек; Русские потеряли убитыми и ранеными до 1000 человек *(Донесение Румянцева о сражении при Кагуле. План движения атаки и совершенной победы, одержанной победоносною армиею ее Императорского Величества, под предводительством господина генерал-аншефа и кавалера графа Петра Александровича Румянцева над турецким войском, под командою Верховного Визиря, при речке Кагуле, 1770 года июля 21-го дня)*. В награду этого подвига, Императрица [38] возвела Румянцева в достоинство фельдмаршала (2-го августа 1770 года).

В сражении при Кагуле, разделение нашей пехоты на пять каре (из которых в главном было до 6-ти тысяч, а в прочих до 3-х тысяч человек в каждом), доставило нашим войскам возможность подкреплять одни части армии другими, поддерживать, в продолжение 7-ми часов, непрерывный бой против многочисленных турецких полчищ, сбить неприятельскую артиллерию концентрическим действием наших батарей и обойти турецкий лагерь с Фланга. Победа сия доставила Румянцеву неограниченное доверие русских войск и распространила славу его во всей Европе. «Он прямой солдат!» говорили о Румянцеве наши воины, эти правдивые судьи боевой доблести; «приветствую победителя Оттоманов,» сказал Фридрих Великий, при свидании с кагульским героем *(По случаю приезда Румянцева в Берлин (1776 г.), Король собрал весь потсдамский гарнизон и представил примерное кагульское сражение, управляя сам движениями войск, участвовавших в маневре)*.

Победы, одержанные Румянцевым, способствовали занятию страны между Днестром и Дунаем.

Граф Панин открыл траншеи под Бендерами, на обеих сторонах Днестра, в ночи с 19-го на 20-е июля. Осадными работами распоряжался инженер-генерал-майор Гербель; траншей-майором был майор Ферзен (в последствии победитель Костюшки). С 28-го на 29-е, заложена 3-я параллель. Успехи осады были весьма медленны, по причине частых вылазок гарнизона равнявшегося числом осаждавшей армии. [39]

В ночи с 4-го на 5-е августа, начаты были нашими войсками минные работы, встретившие противодействие в контр-минах осажденных; несколько раз минеры обеих сторон встречались между собою в подземных галереях, завязывали перестрелку и даже вступали в отчаянный рукопашный бой. Наши галереи были повреждены несколько раз взрывами турок. Но наконец, в начале сентября, заложен был усиленный горн (заряженный 200 пудами пороха). Несмотря на чрезвычайное ослабление армии, от потерь в делах и болезней, граф Панин решился штурмовать крепость. 14-го сентября, в 10 часов вечера, был взорван горн; этот взрыв образовал огромную воронку и разрушил часть гребня гласиса и прикрытого пути *(При осаде Бендер 1770 года, в первый раз употреблены были с успехом усиленные подкопы, изобретенные Белидором и испытанные довольно неудачно Фридрихом Великим, в Семилетнюю войну, при осаде Швейдница)*. Войска, назначенные для приступа, заняли прикрытый путь, быстро спустились в ров, и взобравшись по лестницам на вал, распространились по нем в обе стороны. Немедленно крепостные пушки, стоявшие на валу, обращены были против города; туда же, со всех мортирных батарей, бросаемы были зажигательные снаряды. Чрез несколько времени, город загорелся во многих местах; но турки, во всю ночь, продолжали обороняться; кавалерия, в числе 2-х тысяч всадников, прорубилась сквозь наши войска; большая же часть гарнизона отступила в замок и на следующее утро положила оружие, в числе 11-ти тысяч человек. Потери турок, убитыми и погибшими в пламени, [40] в точности неизвестна; по самым умеренным показаниям, она простиралась более 5-ти тысяч человек. С нашей стороны, на штурме, убито и ранено 2561 человек. В крепости найдено 350 орудий и множество различных запасов *(Извлеч. из журнала осады Бендер. Краткий журнал и.г. описание действий 2-й российской армии, от начала турецкой войны до окончания оной, приведенное в порядок инженер-генерал-майором Мордвиновым. 1775 года. (рукопись))*.

Для занятия же крепостей на Нижнем Дунае, был послан от 1-й армии авангардный корпус Репнина, который, 26-го июля, занял без сопротивления Измаил, а 21-го августа Килию. 25-го сентября, бригадир

Игельстром, отряженный с частью корпуса Репнина, к Аккерману, овладел этою крепостью после 10-ти дневной правильной осады. Бессарабские татары, утрашенные победами русских войск и падением турецких твердынь, заключили с графом Паниным условие, по которому покорились России и получили позволение переселиться на левую сторону Днестра.

Победа при Кагуле имела непосредственным следствием рассеяние татарской армии. В начале августа, главные силы 1-й армии перешли к озеру Ялпук и оставались там в лагере более двух месяцев; а 13-го октября, выступили оттуда к Фальче. Фельдмаршал намерен был довершить в эту кампанию покорение турецких областей, лежащих по левую сторону Дуная, и с этою целью, отправив, еще в конце сентября, отряд генерал-майора Глебова для овладения Браиловым, перешел [41] 18-го октября, чрез Прут, у Фальчи, и расположил свою армию близ сего местечка, на правой стороне реки; чрез несколько дней, отряд Глебова, после осады Браилова, продолжавшейся четыре недели, штурмовал эту крепость, в ночи с 23-го на 24-е октября, но был отражен с уроном, что заставило его снять осаду и отступить к Максимени, на реке Серете. Румянцев, получив известие об этой неудаче, усилил значительно отряд Глебова и снова направил его к Браилову. Настойчивость нашего полководца произвела такое влияние на турок, что они, очистив крепость, переправились на правую сторону Дуная. 10-го ноября, Русские заняли Браилов, где найдено было 75 орудий и множество военных припасов (Журнал военных действий 1-й армии, за 1770 год).

10-го же ноября, 1-я армия выступила из лагеря на Пруте против Фальчи и следовала вверх по правой стороне реки, к Яссах; а по прибытии туда, 18-го, расположилась на зимние квартиры: главная квартира в Яссах; часть войск в Молдавии; другая часть, под начальством Олица, в Валахии; отряд генерала Вейсмана в Бессарабии, на Нижнем Дунае; резервы в Подолии.

2-я русская армия, по взятии Бендер, выступила также на зимние квартиры и расположилась по левую сторону Днестра; главная квартира ее находилась в Полтаве.

В сем же году, русский флот, под начальством графа Алексея Григорьевича Орлова, сделал высадку в Морею, в надежде на содействие тамошних жителей; [42] но буйство и безначалие, господствовавшее в майнотских (морейских) ополчениях, не позволило русским одержать решительных успехов. Граф Орлов, совершенно потеряв доверие к грекам, обратился со вверенным ему флотом к острову Хиосу и совершенно уничтожил турецкий флот у берегов Малой Азии, в Чесменском заливе.

Поход 1771 года.

Цель действий русских армий. — Расположение 1-й армии. — Действия Потемкина, князя Репнина, Эссена, Милорадовича и Вейсмана: результаты их. — Движение 2-й армии вниз по Днепру. — Атака и взятие Перекопских Линий. — Занятие Кафы. — Экспедиция Брауна. — Экспедиция князя Щербатова. — Довершение завоевания Крыма. — Зимние квартиры.

В этом году главной целью действий русских войск было завоевание Крыма. Это предприятие поручено было генерал-аншефу князю Василию Михайловичу Долгорукому со 2-ю армиею; а генерал-фельдмаршал граф Румянцев получил повеление охранять завоеванные области, по левой стороне Дуная, и беспокоивать частными нападениями турок, чтобы отнять у них возможность подавать помощь Крыму.

С этою целью, 1-я русская армия, в числе 60-ти тысяч, не считая гарнизонов, разделена была на несколько отрядов, расставленных по Дунаю: на правом фланге, в Малой Валахии, стоял Потемкин; впереди Бухареста - Олиц, (по смерти его, сперва князь Репнин, а потом генерал Эссен); у [43] сел. Дульцешти, к северу от Галаца, сам фельдмаршал; в Измаиле Вейсман; резервы, под начальством генерала Кречетникова, стояли по левую сторону Днестра (*Операционная карта войны 1769 — 1774 г.*).

В продолжение зимы, произведено было войсками Олица и Вейсмана несколько поисков; результатами их было занятие Журжи и истребление неприятельских магазинов в Тульче и Исакче. Новый Верховный Визирь, Мугаммед-Паша расположил свою армию по Дунаю, от Тульчи до Видина, и оставаясь в Бабадаге, ограничивался частными наступательными действиями. Пользуясь движением отрядов Потемкина и князя Репнина к Турно, турки овладели Журжею; но были разбиты этими отрядами близ Бухареста. Генерал Эссен, по болезни Репнина принявший начальство над его войсками, разбил корпус сераскира Мусын-Оглу, назначенный для овладения Бухарестом, и занял Журжу, в конце октября 1771 года. Поиски Милорадовича (отца героя Отечественной Войны) и Вейсмана также были весьма удачны: первый разбил 7-ми тысячный турецкий отряд при Мачине; а генерал-майор Вейсман одержал еще блистательнейшие успехи. Выступив с небольшим отрядом (*Состав отряда: 8 батал., 5 эскадронов, 3 казачьи сотни, 10-ть полевых и 10-ть полковых орудий*) из крепости Измаила, он переправился чрез Дунай, выше Тульчи, овладел этою крепостцою и взорвал ее, 20-го октября. Затем, обратясь к Бабадагу, где стоял Верховный [44] Визирь с 20-ю тысячами войск, Вейсман атаковал турок, заставил визиря оставить лагерь и всю артиллерию в добычу победителям, 21-го, и отправив захваченные орудия в Измаил, под прикрытием одного батальона, направился к Исакче, овладел тамошним Фортком, взорвал его и возвратился в Измаил, 27-го октября. Вообще, в эту экспедицию, отбито было им 170 орудий. Потери турок простирались до 800 человек убитыми и 150 пленными; с нашей стороны убито и ранено 110 человек (*Извлечено из журнала действий 1-й армии, 1771 года (рукопись)*).

Успехи малой войны, веденной войсками 1-й армии, заставили турок обратить внимание исключительно на оборону правого берега Дуная. Пользуясь тем, Румянцев расположил свою армию, в ноябре, на зимние квартиры, в Молдавии, Валахии, Бессарабии и Польше. Главная квартира снова перенесена была в Яссы.

Обратимся к действиям 2-й армии.

В конце апреля, князь Долгорукий сосредоточил главные силы своей армии у Царыценки, (на реке Орле, впадающей в Днепр ниже Кременчуга), между тем как корпус генерал-лейтенанта Берга собирался у Бахмута. 5-го мая, войска, собранные у Царыценки, двинулись по левой стороне Днепра, а генерал Берг, отрядив часть своего корпуса для вторжения в Крым чрез Геничайский пролив, следовал с остальными своими войсками к Нижнему Днепру и присоединился к армии, 25 мая. 5-го июня, армия, достигнув пункта (в расстоянии 70-ти верст [45] от Перекопа), на котором войска наши должны были отойти от берегов Днепра и продолжать дальнейшее движение чрез степи, остановилась для сооружения укрепления (шагин-гирейского ретраншамент), и оставила там свой подвижной магазин. 9-го, главные силы армии выступили к Перекопу и 12-го, в вечеру, расположились лагерем в четырех верстах от сего укрепленного пункта.

Перекопская линия была сооружена между Черным морем и Сивашем (Гнилым морем); она пересекала поперек перешеек, соединяющий полуостров Крым с твердою землею, и простиралась на 7¼ верст. В пяти верстах от Черного моря и в двух от Сиваша, находилась крепостца Ор. Князь Долгорукий решил сштурмовать эту линию, несмотря на то, что она была обороняема 70-ю тысячами татар. Главным пунктом атаки избрана была западная часть линий, примыкающая к Черному морю; туда назначено было направить большую часть пехоты, в обход крепостцы Ор; для отвлечения внимания неприятелей, послано было несколько баталионов против восточной части линий; а генерал-майор князь Прозоровский, с конницею и с частью пехоты, получил приказание идти чрез Сиваш, в обход. Часть пехоты, построенная в

трех каре, оставлена была позади, для охранения наступавших войск с тыла и для прикрытия вагенбурга. В ночи с 13-го на 14-е июня, русские войска двинулись по указанным направлениям; батальоны, назначенные для ложной атаки, завязали с неприятелем живую перестрелку и заставили его стянуть силы к восточной части линии; вслед затем, войска, посланные [46] для действительного штурма, спустились под неприятельскими выстрелами в ров, набросав в него Фашин. Затем надлежало им взобраться на вал, в высоту от 30-ти до 40-ка футов; штурмовые лестницы оказались коротки, но русские воины, несмотря на то, взлезли на вал с помощью штыков. Неприятель, изумленные смелостью нападения, обратились в бегство.

В продолжение штурма перекопских линий, генерал Прозоровский, пользуясь отливом, который, от северного ветра, был весьма значителен, повел войска свои по иловатому вязкому дну Сиваша. Солдаты наши, во мраке ночи, двинулись бодро по этому необыкновенному пути, и к рассвету 14-го построились в боевой порядок, Фронтом к Орской крепости. Неприятель атаковал их густыми толпами пехоты и конницы, но был опрокинут и преследован на протяжении 30-ти верст.

На следующий день, 15-го, гарнизон крепостцы Ор, в числе 800 человек, сдался на капитуляцию, и по условию долженствовал быть препровожден на жительство в город Козлов (*Краткий журнал или описание действий 2-й армии, приведенное в порядок генералом Мордвиновым. 1775 г. (рукопись)*).

После кратковременного отдыха, армия направилась 17-го, во внутрь полуострова, к Кафе (Феодосии), имея в авангарде кавалерию и часть пехоты, под командою генерала Прозоровского; в то же самое время, генерал Браун, с другим отрядом, был послан к Козлову (Евпатории), на пути к сему [47] городу, он был окружен со всех сторон многочисленными татарскими полчищами и находился в весьма затруднительном положении, тем более, что ему надлежало, в оду и то же время, отражать неприятельские атаки и содержать в повиновении гарнизон Орской крепостцы, следовавший к Козлову под его наблюдением. Генерал Браун, построив в каре свой отряд, числом в 2.500 человек, поместил внутри его повозки и Орских татар, и в таком порядке сделал несколько переходов. Город Козлов найден был совершенно оставленным жителями, и потому Браун, заняв его без сопротивления, 22-го июня, двинулся на соединение с главными силами армии к Кафе, и привел с собою татар орского гарнизона. Между тем, князь Долгорукий, достигнув этого города, где сосредоточены были многочисленные татарские полчища, разбил их и занял Кафу, многолюднейший из всех городов Крымского полуострова, 29-го июня; в продолжение марша от Перекопа к Кафе, устроено было, по пути следования армии, несколько почтовых станций, обнесенных валом и рвом, и сооружено довольно значительное укрепление, на реке Салгире, для помещения магазинов (*Краткий журнал или описание действий 2-й армии, приведенное в порядок генералом Мордвиновым. 1775 г. (рукопись)*).

В продолжение времени описанных нами действий, генерал Князь Щербатов, посланный для вторжения в Крым чрез Арабатскую Косу (перешеек), действовал с большим успехом. Отряд его, состоявший [48] из одного пехотного полка, двух гренадерских рот, ста егерей, 8-ми эскадронов регулярной кавалерии и 1.500 казаков (*Кампаментные планы 2-й армии. 1771 года (рукопись)*), выступив, 27-го мая, от устья реки Токмака в реку Молочные-Воды, следовал вниз по течению последней, и далее к проливу Геничи, куда прибыл 12-го июня, в тот самый день, в который главные силы Князя Долгорукого подошли к перекопским линиям. Немедленно приступлено было к построению на сем проливе моста, длиною в 50 сажень, из лодок, доставленных с флота. 14-го, войска князя Щербатова двинулись далее, по узкой Арабатской Косе (*Имеющей, в некоторых местах, не более полуверсты в ширину*), и прошли по ней от Геничи до Арабата около 100 верст; в последний день этого марша, отряд, совершив усиленный переход в 44 версты, приблизился к Арабатской крепости, под вечер 17-го; войска, несмотря на усталость, немедленно приготовились к приступу, пошли на штурм и овладели крепостью, в ночи с 17-го на 18-е июня. Оттуда князь Щербатов следовал далее к проливу, соединяющему Черное море с Азовским, овладел, в начале июля, без сопротивления, крепостями Керчью и Еникале, и переправясь, с содействием азовской флотилии, на остров Тамань, занял город того же имени. Но вскоре повальные горячки, свирепствовавшие в отряде, заставили Щербатова возвратиться к Кафе.

Главные же силы 2-й армии, по взятии Кафы, оставались в лагере близ сего города до начала сентября. [49] Князь Долгорукий употребил это время для распространения успехов нашего оружия, посылая беспрестанно отряды в различные стороны и покоря важнейшие пункты полуострова. Татары, убедившись на опыте в слабости защитников своих, турок, заключили с князем Долгоруким договор, по которому Крым объявлен был независимым от Порты и состоящим под покровительством России. Селим-Гирей, возведенный незадолго пред тем Портою в ханы, был низложен, и на его место назначен, с содействием русского Правительства, Сахиб-Гирей.

Таково было начало водворения нашим Правительством общественного порядка и владычества законов в благословенной стране, которой жители, в течение веков, грабили всех соседей своих. Под державою Царей Русских, страна сия перестала быть убежищем хищников.

В начале сентября, князь Долгорукий, оставив князя Щербатова с частью армии в Крыму, для занятия завоеванной страны, двинулся, с главными своими силами, в Украину, и расположил их на зимние квартиры.

Наградами завоевателя Крыма были орден Св. Георгия 1-й степени и титул *Крымского*.

В этом походе, князь Долгорукий, по следам Миниха, совершил завоевание Крыма; но этот подвиг

не стоил русским войскам таких огромных потерь, какие понесли они в Минихову экспедицию. Князь Долгорукий, по всей справедливости, заслуживает славу полководца, заботившегося о потребностях вверенной ему армии, действовавшего с осмотрительностью [50] и наносившего неприятелю верно рассчитанные удары. Не прежде двинулся он вниз по Днепру, как обеспечив снабжение своих войск съестными припасами; не прежде углубился в степи, лежащие к северу от Перекопа, как соорудив на Нижнем Днепре укрепленный пункт, служивший основанием при дальнейших его действиях. Подобным образом, при движении от Перекопа к Кафе, он имел несколько укрепленных этапов и довольно сильно укрепленный пункт на реке Салгире. Вникая в распоряжения нашего полководца, видим, что каждый шаг его был соображен на основании глубокой опытности в военном деле.

1772-й год.**Причины, побудившие обе стороны к открытию переговоров. — Фокшанский конгресс. — Переговоры в Бухаресте.**

Предшествовавшие три похода показали на опыте несбыточность надежд турецкого Дивана, основанных на воспоминаниях прежнего могущества. Вместо исполнения горделивых замыслов — ограничить преобладание России на востоке Европы и положить предел влиянию на Польшу нашего отечества, Порты принуждена была обратить исключительно все свои усилия на защиту себя от тяжких ударов русского оружия. Побеждаемые при каждой встрече, на суше и на море, турки утратили Бессарабию, Молдавию, Валахию и Крым; многие крепости на Дунае были завоеваны нашими войсками; в довершение затруднительного [51] положения Турции, в Морее, в Грузии, в Египте господствовало волнение, либо не признаваема была власть султана. Расстройство финансов и прежние потери в войсках затрудняли образование новых ополчений. Надежды на вмешательство соседей России, Императора Иосифа II и Фридриха Великого, оказались тщетными; общее участие трех держав в разделе Польши и обещание, данное императрицею Екатериною, не домогаться уступки Молдавии и Валахии, согласили требования России с видами Австрии и Пруссии. Тем не менее оба сии государства желали окончания турецкой войны. Князь Кауниц знал, что продолжение борьбы нашей с турками могло послужить к возвышению России, а король-полководец, узнавши на опыте силу русского оружия, был убежден в неспособности турок одержать какие-либо успехи, и к тому же, на основании договора между Россиею и Пруссиею (31-го марта (11-го апреля) 1764 года, в С. Петербурге), Фридрих обязан был платить нашему правительству довольно значительные субсидии во все продолжение войны.

Императрица Екатерина, несмотря на победы русских войск, служившие ручательством новых будущих успехов, также с нетерпением желала мира. В то время, когда гром победоносного русского оружия распространял во все пределы света славу великой монархини, нежное сердце Матери Отечества скорбело о бедствиях ее подданных. Жестокая [52] моровая язва, занесенная из Молдавии в южные области империи, разлилась оттуда и свирепствовала с такою силою, что в одной Москве погибло более 130-ти тысяч человек. В то же самое время, юный, предприимчивый Король шведский Густав III, увлеченный происками Франции, обнаруживал недоброжелательство к России.

Таковы были причины, побудившие обе воевавшие стороны к прекращению военных действий и к открытию переговоров о мире в Фокшанах, в августе 1772 года. Кроме уполномоченного Императрицею Екатериною, князя Григория Григорьевича Орлова, и турецкого посла Рейс-Эфенди Османа-Паши, на этом конгрессе находились, без всякого непосредственного участия в переговорах, австрийский и прусский поверенные в делах, барон Тугут и майор Цегелин. Со стороны России, основными условиями мира положены были независимость крымских татар и свободное плавание наших кораблей по Черному и Эгейскому морям. Но Осман-Эфенди не хотел и слышать о независимости Крыма, объявляя, что такая уступка со стороны Порты повела бы к основанию двух калифатов, противному правилам мусульманского учения. Князь Орлов, с своей стороны, настаивал на этом условии, говоря, что «покровительство, оказываемое Портою татарам, подавало повод к нападениям на русские области, и всегда было причиною к несогласиям между Россиею и Турциею.» Успеху переговоров много препятствовали происки Тугута; наконец, с одной стороны высокомерие [53] и надутость Османа-Эфенди (*Русские, находившиеся на Фокшанском конгрессе, удивляясь странности обхождения Османа-Эфенди, выражали свое мнение таким образом: «Конечно, с нашей стороны, было бы неприлично назвать этого человека глупым, и потому лучше скажем, что он умен в таком роде, в каком мы еще никого не встречали»*), а с другой нетерпение князя Орлова возвратиться в Петербург, прекратили занятия Фокшанского конгресса.

Несмотря однако же на безуспешный ход переговоров, обе стороны убеждены были в необходимости мира. В особенности же Верховный Визирь, имевший много случаев убедиться на опыте в упадке духа турецких войск, старался войти прямо в сношения с Румянцевым, который, зная волю Императрицы, охотно согласился на возобновление переговоров. С этою целью съехались в Бухаресте турецкий посланник, бывший Рейс-Эфенди, Абдер-Резак, и бывший резидент наш в Константинополе Обресков (незадолго перед тем выпущенный из Семи-Башенного Замка). Сначала они оказывали готовность к обоюдным уступкам, но в последствии призвание независимости татар снова сделалось камнем преткновения, тем более, что Россия домогалась уступки Керчи, Еникале и Кинбурна. С своей стороны, Абдер-Резак, не соглашаясь на то, предлагал, взамен, 25 миллионов пиастров (около 14½ миллионов рублей серебром). Несмотря на незначительность этих трех фортов, они были важны для русских, потому что от обладания сими пунктами зависело плавание их кораблей по Черному морю; турки, опасаясь преобладания русского флота на Черном [54] море, так же высоко ценили важность этих пунктов; но никак не могли понять, почему Русские предпочитали признание независимости Крыма 25-ти миллионам пиастров.

Сребролюбивый Визирь, удивляясь безрассудству *кафиров* (неверных), сказал: «25ть миллионов легко сказать, да не легко уплатить. Может ли признание независимости татар поставить нас в худшее положение, при настоящем перевесе России над Портою? Впоследствии можно возвратить потерянное, но теперь нам всего нужнее мир.» Тем не менее Визирь не отважился принять решение вопроса на свою ответственность и донес Султану о результатах веденных им переговоров. Диван, которому поручено было рассмотрение этого дела, решил, по влиянию Османа-Эфенди, что независимость татар несовместна с духом исламизма. Решено было отринуть предложенные условия. Переговоры прекратились в марте 1773 года (*Ахмет-Ресми-Эфенди*).

Поход 1773 года.

План действий русских армий. — Расположение 1-й Армии. — План действий турок и распределение их войск. — Важность Шумлы. — Затруднения предположенного похода за Дунай. — Малая война. — Взятие Гирсова и Туртукая. — Поиски Вейсмана. — Переправа Румянцева через Дунай у Гуробал и движение к Силистрии. — Отступление русской армии на левую сторону Дуная. — Дело при Кючук-Кайнарджи. — Смерть Вейсмана. — Вторичный поиск Суворова на Туртукай. — Оборона Гирсова Суворовым. — Экспедиции князя долгорукого и Унгерна на правую сторону Дуная.

[55] Императрица Екатерина, желая превозмочь упрямство турок и побудить их к заключению мира на тех условиях, которые предложены были им на Фокшанском конгрессе, повелела, чтобы в сем году Румянцев с 1-ю армиею, состоявшею в числе 35-ти тысяч регулярных войск и 10-ти тысяч казаков, перенес войну на правую сторону Дуная, между тем, как князь Долгорукий, со 2-ю армиею, должен был охранять Крым и наблюдать Очаков. Сомнительное расположение шведского правительства и удержание в повиновении областей, незадолго пред тем возвращенных от Польши, не позволяли России усилить войска, действовавшие против турок. Румянцев, которому были вполне известны все затруднения, сопряженные с действиями на правой стороне Дуная, доносил императрице, что за отделением части сил вверенной ему армии, для усиления гарнизонов покоренных крепостей и для охранения подвоза припасов, оставалось для наступательных действий не более 27-ми тысяч человек. Из числа этих войск, нужно было отделить часть для обложения значительных турецких крепостей на Дунае, Рушук и Силистрии, либо, по крайней мере, для наблюдения за ними, и потом углубиться во внутрь страны, которой климат и местные свойства могли оказать самое неблагоприятное влияние на успех наших действий. Представляя на усмотрение [56] императрицы все эти затруднения, фельдмаршал полагал, что, для перенесения войны за Дунай, необходимо было удвоить, либо даже утроить, число вверенных ему войск. Но Екатерина II настоятельно требовала, чтобы Румянцев исполнил начертанный ею план действий. Оставалось исполнить волю монархини.

Готовясь к движению за Дунай, Румянцев расположил свою армию следующим образом: в окрестностях Журжи, генерал-поручик граф Салтыков сын победителя при Кунерсдорфе, с 12-ю тысячами регулярных войск и с 3-мя тысячами казаков (10 полков пехоты, два батальона егерей, 7 полков регулярной кавалерии и 7 казачьих полков); между устьями рек Яломицы и Серета, генерал-поручик Потемкин, с 4-мя тысячами регулярных войск и с 2-мя тысячами казаков (4 полка пехоты, один батальон егерей, 4 полка регулярной кавалерии и 4 казачьих полка); в Бессарабии, на Нижнем Дунае, генерал-майор Вейсман с таким же отрядом; сам же фельдмаршал, с 15-ю тысячами регулярных и с 2-мя тысячами иррегулярных войск (10 пехотных полков, 6 полков регулярной кавалерии и 4 казачьих полка), оставался в Молдавии до конца апреля (*Операционная карта маршей 1-й армии с 1769-го по 1774-й года. Журнал военных действий сей же армии*).

Турки, наученные опытом трех предшествовавших походов, Убедившись в невозможности противостоят Русским в открытом поле, решились ограничиться [57] обороною многочисленных крепостей своих. Важнейшие из них, Рушук и Силистрия, заняты были сильными гарнизонами; удобнейшие пункты переправы через Дунай находились под наблюдением особых отрядов. Сам верховный визирь, осторожный, предусмотрительный Мушин-Заде-Мегемет занимал с значительными силами Шумлу, пункт, которого стратегическая важность в первый раз тогда оценена была турками. Там соединяются многие пути, ведущие от Дуная и Черного моря; отсюда можно легко поспевать в помощь на каждый из угрожаемых пунктов, и, действуя на сообщения противника, прикрывать доступы, ведущие чрез Балканы. Наконец Шумла, по местному своему положению, почти неприступна. Армия Верховного Визиря, расположенная в Шумле, служила резервом гарнизонам дунайских крепостей и отряду, поставленному у Карасу, для наблюдения за низовьями Дуная и берегом Черного моря.

Итак, русские войска должны были преодолеть множество затруднений: надлежало, прежде всего, переправиться через широкую реку, на которой немногие удобные для переправы пункты были укреплены и заняты сильными турецкими гарнизонами; эта переправа могла быть предпринята не ранее конца мая, потому что весною, от таяния снегов, Дунай разливается на большое пространство. С наступлением лета, иссыхают все ручьи, исчезает всякая растительность и вся страна превращается в степь, где вода встречается весьма редко. В продолжение дня господствует палящий жар; ночью сменяют его прохлада и сырость, оказывающие вредное влияние на [58] людей, истомленных зноем. Появляются болезни, и войска тают, еще не успев сразиться с неприятелем.

В продолжение весны, предпринято было нашими войсками несколько удачных поисков на правую сторону Дуная. Цель их заключалась в том, что бы, обеспокоивая турок, заставить их ограничиваться

собственной обороною; к тому же для русских войск весьма важно было занятие, на правой стороне Дуная, таких пунктов, которые могли обеспечить переправу нашей армии.

Генерал Потемкин овладел Гирсовым и укрепил этот пункт; вслед за тем генерал-майор Суворов, находившийся у монастыря Негоешти, на реке Аржисе, с частью дивизии генерала графа Салтыкова, состоявшею из одного пехотного, одного карабинерного и одного казачьего полков (*Астраханские полки, пехотный и карабинерный; казачий Леонова полк*), в числе 1500 человек, решился атаковать турок, занимавших, в числе 4-х тысяч, местечко Туртукай, на правом берегу Дуная. Средством к переправе могли служить двадцать судов, из которых в каждом помещалось от 20-ти до 30-ти человек. Из расспросов оказалось, что устье Аржиса находилось под пушками турецкой батареи, устроенной на противоположном берегу Дуная, что ширина Дуная, в этом месте, не менее тысячи шагов, и что крутой берег реки, на котором расположен был неприятель, значительно господствовал над левым берегом. Все эти затруднения не могли заставить Суворова отказаться [59] от задуманного им предприятия. По прибытии отряда и судов к сборному пункту, назначенному в закрытой местности, в трех верстах от устья Аржиса, 9-го мая, Суворов, в сумерки, двинулся с войсками и послал свою флотилию вниз по Аржису; достигнув устья реки, он оставил, для прикрытия батареи, поставленной на сем пункте, половину своего отряда, посадил на суда, соблюдая глубочайшую тишину, 700 человек и отплыл от берега. Двести кавалеристов, при нем находившихся, держали поводья своих лошадей, плывших за ними. Турецкая артиллерия открыла огонь по нашим войскам; но они, без больших потерь, достигли болгарского берега и совершили высадку. Суворов немедленно построил три каре, каждый из одной роты, и атаковал с нескольких сторон турецкие шанцы; карабинеры и казаки следовали сзади, а часть пехоты (одна рота) оставлена была в резерве. Неприятель, устрешенный стремительным нападением русских войск, наступавших с громким криком ура! и с живою стрельбою, сочли наш отряд гораздо сильнее, нежели он был в действительности, и обратились в бегство, оставив свой лагерь и флотилию, стоявшую у Туртукай, в добычу победителям. Число убитых турок простиралось до 1500. Войска наши захватили множество различных припасов и 4 орудия, затопили в Дунае остальную турецкую артиллерию, сожгли Туртукай и возвратились к вечеру того же дня, в Негоешти, потеряв всего-навсего убитыми 60 и ранеными 150 человек (*Планы и описания сражений в 1773 году, составленные инженер-генерал-майором Ригельманом (рукопись)*). [60]

Достоинно замечания, что наши рекруты, едва умевшие владеть оружием, дрались, в этом деле, как старые солдаты.

Кому из русских неизвестно лаконическое донесение Суворова Румянцеву:

Слава Богу! Слава вам!
Туртукай взят и я там!

Чтобы объяснить каламбур второго стиха, должно знать, что, вместе с Туртукаем, взято было селение Ятам.

Фельдмаршал представил императрице оригинальный рапорт Суворова; но предал его военному суду, за то, что он предпринял этот поиск, получив приказание не переходить за Дунай. Екатерина написала на докладе Военной Коллегии об этом деле: «победителя судить не должно:» и вслед за тем наградила Суворова, (за второй удачный поиск к Туртукаю), орденом Св. Георгия 2-го класса (*Анекдоты Князя Итальянского, Графа Суворова-Рымникского, изд. Фуксом 1827 года*).

Между тем Вейсман, рассеяв, еще в апреле, частью своего отряда, одно из турецких полчищ, стоявшее у Карасу, снова предпринял экспедицию на правую сторону Дуная. Переправясь через реку у Измаила, 17-го мая, он направился к Карасу, разбил там 8ми тысячный турецкий корпус, 27-го, и взял с боя 16 орудий. Фельдмаршал, пользуясь успехами своих отрядных начальников, решился наконец переправить главные силы армии на правую [61] сторону Дуная у Гуробал, в 30-ти верстах ниже Силистрии (*Румянцев мог бы, с большою удобностью, переправиться у Измаила, либо у Гирсова, но он предпочел переправу у Гуробал, желая, вероятно, избежать продолжительного движения по правой стороне Дуная. К тому же, дорога от Гирсова к Силистрии оказалась неудобною к провозу артиллерии и обозов*). Но как на этом пункте стоял Джафер-али-паша с 6-ю тысячами турок, то генерал Вейсман получил предписание двинуться туда от Карасу и атаковать неприятеля с Фланга, между тем как Потемкин должен был, собрав значительное число судов, содействовать успеху этого предприятия фальшивою атакою с фронта. Турки, не отваживаясь удерживать русские войска, отступили, 7-го июня, на главные силы корпуса Османа-паши, в числе 10-ти тысяч отборных войск, расположенных в укрепленном лагере, в 5-ти верстах ниже Силистрии, левым флангом к Дунаю. В продолжение времени этих действий, Румянцев, в конце мая, двинулся от Браилова вверх по Дунаю, между тем как суда, прибывшие от Измаила, поднимались на одной высоте с войсками; перешел, 5-го июня, через Яломицу, и переправив главные свои силы на судах через Дунай, у Гуробал, соединился с Вейсманом, (отряд которого поступил под начальство генерал-поручика Ступишина), и направил часть армии к Силистрии, 12-го июня. Впереди следовала дивизия Ступишина, имея в авангарде отряд арнаутов и три батальона, под командою Вейсмана; за нею дивизия Потемкина. Сам же фельдмаршал, с главными силами армии, оставался двое суток у Гуробал. [62]

На стороне Осман-паши, кроме превосходства в силах, были также и выгоды местности. Для атаки позиции, занятой турками впереди Силистрии, русские войска должны были пройти чрез теснину, которая, в некоторых местах, имеет не более двух или трех сажен в ширину; самые незначительные силы могли, заняв ее, остановить наступавшую колонну. Но Осман-паша допустил русских беспрепятственно пройти дефиле;

уже дивизии Ступишина и Потемкина успели перейти, по двум понтонным мостам, через речку Галицу, и войска Вейсмана (1-й гренадерский полк; егерский батальон; 6 полковых и 4 полевых орудия) оказались в виду неприятельского передового лагеря, когда турецкая конница, выехав оттуда, кинулась на сей небольшой авангард и окружила его; но Вейсман успел построить каре, отразил все неприятельские атаки и дал время подоспеть, в помощь авангарду, нашей кавалерии, которая заставила неприятеля податься назад. Пользуясь тем, Вейсман, поддержанный войсками Ступишина, настойчиво преследовал турок, и заставил их очистить занятый ими ретраншамент и укрыться под стенами Силистрии. Русские, в этом деле, захватили 18-ть орудий, из числа которых 9-ть отбито Харьковским гусарским полком. Смятение неприятельских войск простиралось до такой степени, что если бы Фельдмаршал не остановился у Гуробал, и не дав туркам времени опомниться, явился с главными силами русской армии под стенами Силистрии, то, может быть, овладел бы без сопротивления этою важною крепостью. [63]

Но, по всей вероятности, Румянцеву не было известно расстройство турецких полчищ, и потому русская армия подошла к Силистрии не прежде 14-го, чрез двое суток после поражения турок, которые, между тем, успели оправиться и приготовиться к упорной обороне.

По прибытии нашей армии в окрестности Силистрии, войска правого крыла, под командою Ступишина, расположились близ дороги из Гуробал; войска левого крыла, под начальством Потемкина, на пути из Кайнарджи в Силистрию; прочие войска стали в промежутке между ними. Силы нашей армии вообще простирались до 20-ти тысяч человек; а силы Османа-паши до 30-ти тысяч.

Крепость Силистрия лежит у подошвы крутых высот, изрезанных глубокими оврагами и покрытых садами и виноградниками. Ближайшие к городу возвышения были укреплены и заняты значительным турецким корпусом, и потому, для действия против крепости, необходимо было овладеть господствующими над нею высотами.

С этою целью, на основании рекогносцировки, произведенной генералом Потемкиным, сделаны были следующие распоряжения: Потемкин должен был атаковать неприятеля с фронта; Вейсман (переведенный с правого крыла на левое) — обойти турок с правого фланга и ударить им в тыл; Ступишин — оставаться в резерве, а генерал Игельштром, с 2-мя тысячами человек, спуститься к Дунаю, и угрожая городу со стороны реки, удерживать гарнизон. Кавалерия назначена была для сохранения связи между различными частями армии. Прочие войска оставлены [64] были назади для охранения лагеря и вагенбурга.

Атака поведена была по утру 18-го июня. Дивизия Потемкина, построенная в четыре колонны, (из которых три передние находились под командою полковников Лунина и Языкова и премьер-майора Фаминцына, а резерв под начальством подполковника Розенберга) двинулась на приступ к укрепленному лагерю. Войска наши быстро подавались вперед, взлезая на крутые высоты, спускаясь в глубокие рытвины, преодолевал самые невозможности (по словам графа Румянцева), и уже достигали подошвы окопов; в эту решительную минуту, храбрый Лунин поражен был пулею; колонна его остановилась, подалась назад. Неприятельская кавалерия кинулась на эти войска и привела их в расстройство; они отступили, обратились в бегство и увлекли с собою прочие колонны Потемкина.

Турки могли бы одержать решительный перевес над русскими войсками, если б не подоспел, в помощь опрокинутым колоннам, Ступишин с полками 1м гренадерским и Куринским и с гренадерским батальоном подполковника графа Румянцева (сына фельдмаршала). Между тем полковник Кличка, направленный Вейсманом, ворвался с Кабардинским полком в окопы, со стороны крепости, а полковник Леонтьев, с Рижским карабинерным полком, ударил в тыл турецким полчищам, преследовавшим наши колонны. Пользуясь тем, майор Цыглер, с одним из батальонов дивизии Потемкина, вытеснил из окопов остальных турок. Но за то Игельштром был опрокинут сильною вылазкою [65] из крепости и потерял три орудия. В продолжение боя, 8 тысяч спагов, прибывших из Базарджика, бросились на обозы дивизии Потемкина, но были удержаны гренадерами, посланными из резерва, и рассеяны конницею. Войска обеих сторон сражались с переменным успехом; но турки принуждены были уступить занятые ими укрепления и укрыться в Силистрии. Русские потеряли до 300 человек; урон турок в людях был, по крайней мере, вдвое; сверх того у них отбито 14-ть орудий (*Операционная карта маршей 1-й армии, с 1769-го по 1774-й год. Планы сражений в 1773-м году, составленные инженер-генерал-майором Ригельманом. Описание походов россиян против турок. 1827 г. (рукопись)*). Тем не менее однако же Румянецв решился отказаться от предположенной им цели действий, овладения Силистриею, и предпринять обратное движение за Дунай.

Не многочисленность турецких полчищ, не мужество неприятелей заставили отступить победителя при Кагуле, но неуверенность в успехе действия, предпринятого с недостаточными средствами, против собственного убеждения. В то самое время, когда он сражался под Силистриею, получено было известие о движении из Шумлы Намана-паши, с сильным корпусом, в помощь крепости и для отрезания отступления русским. Румянецв, оставив за собою широкую реку, не имел на ней ни опорного пункта, ни надежной переправы, обеспеченной значительными силами, и потому, опасаясь потерять сообщения, приказал войскам отступать. Вейсману предписано было очистить в ночи взятые им укрепления и присоединиться [60] к армии, которая заняла, 20-го июня, лагерь в десяти верстах от крепости.

Но уже, в это время, Наман-паша, с 20-ю тысячами человек, прибыл в окрестности селения Кючук-Кайнарджи, предполагая двинуться оттуда в тыл русским войскам. Румянецв, имея в виду не позволить туркам отеснить его армию к Дунаю, решился отбросить неприятеля от своего пути отступления. С этою целью, на рассвете 21-го июня, Вейсман, с 5-ти тысячным отрядом (*Состав отряда: пехотные полки*

*Ширванский, Троицкий, Кабардинский и Невский; гренадерские батальоны подполковника графа Румянцева и подполковника Блюхера, (всего пехоты 10-ть батальонов); Московский и Тверской карабинерные и Харьковский гусарский полки, один казачий полк и сотня арнаутов), послан был для нападения на турецкий лагерь, расположенный между селениями Буюк-Кайнарджи и Кючук-Кайнарджи. Войска Вейсмана, выступив скрытно из своего лагеря, двинулись к речке Галице, переправились через нее и, повернув вправо, следовали, с большим трудом, по теснине вверх по речке и по Галицкому озеру, и остановились в 5-ти верстах от неприятельского лагеря. На следующий день, 22-го, войска выступили к Кайнарджи, построились в два каре, из которых меньшее, находившееся на правом фланге, состояло из передовых войск отряда, а большее из остальных сил, и двинулись против турок, расположенных в укрепленной позиции, на двух высотах. Под сильным огнем неприятельской артиллерии, стройно и безостановочно двигались наши каре; уже успели они взойти на высоту [67] до половины покатости, когда турецкая конница атаковала и окружила правое каре со всех сторон. Но войскам нашим удалось отразить неприятеля. Между тем, большое каре, в котором находился сам Вейсман, подошло к ретраншаменту, занятому всею турецкою пехотою. В этот самый момент, янычары, с саблями в руках, ворвались чрез передний фас в каре; Вейсман кинулся им навстречу с резервом, стоявшим внутри каре, опрокинул горстью войск многочисленных неприятельские полчища, и восстановил порядок в рядах расстроенного фаса. Но в это время, один из янычар, ворвавшихся в каре, исколотый штыками наших гренадер, умирая, выстрелил из пистолета в Вейсмана. Герой, пораженный пулею, которая, пробив его руку, поразила в сердце, успел сказать только: «не говорите солдатам». Офицеры, при нем находившиеся, прикрыли плащом его тело, опасаясь невыгодного впечатления на дух войск. Но Вейсман и за пределами гроба был грозен неприятелям. Солдаты узнали о потере любимого начальника, и вместо того, чтобы придти в уныние, одушевились жаждою мщения. С оружием в руках, они кинулись вперед, истребляя турок и не щадя даже пленных, обратили неприятеля в бегство и овладели его лагерем, обозами и 25-ю орудиями (*Известия из армий, помещенные в С. Петербургских Ведомостях 1773 года. Планы маршрутов и кампаментов 1-й армии*).*

Таков был конец героя, на которого вся Россия возлагала большие надежды. Сам Суворов, говоря о [68] событиях Румянцевской войны, сказал: «Вейсмана не стало; я остался один». Уважение к заслугам Вейсмана было достойным воздаянием его подвигов; но нельзя не пожалеть, что оно заставило современников Румянцева быть несправедливыми в отношении к этому великому полководцу, которого слава всегда была и будет славою России. В то время, когда он потрясал могущество Турции, в то самое время нашлись люди, упрекавшие его в зависти к Вейсману, и даже в его смерти: утверждали, что фельдмаршал послал храброго воина на верную гибель. Одному лишь Сердцеведцу известны тайны человеческих помыслов; не станем вдаваться в напрасные исследования на счет отношений Румянцева к Вейсману, но не оставим без внимания упрека в умышленной его гибели. Весьма естественно, что Румянцев, как многие из людей, стоявших на высоте почестей и славы, иногда подвергался неблагоприятным толкам. Но эти обвинения падают сами собою. Тот, кто при Кагуле разбил в восемь раз сильнейшую армию, тот, без всякого сомнения, мог с твердою надеждою успеха, послать одного из надежнейших своих генералов против четверных сил. Румянцев, давая Вейсману опасное поручение, открывал ему вернейший путь к отличиям и славе, которые на войне всегда сопряжены с опасностями.

A vaincre sans peril, on triomphe sans gloire
(Победа, не сопряженная с опасностями, бесславна)

Победа при Кайнарджи способствовала главным [69] силам русской армии отступить, через Гуробалы, за Дунай, без всякого препятствия со стороны турок (в конце июня). Румянцев, желая показать им, что он не избегал с ними встречи, приказал генералу Райзеру, принявшему начальство над войсками Вейсмана, отступить, по правой стороне Дуная, к Измаилу (*Бутурлин*).

В то время еще, когда фельдмаршал наступал к Силистрии, генерал Салтыков получил приказание переправиться также на правую сторону Дуная и содействовать главным силам. Но он, неизвестно почему, оставался в бездействии, ограничиваясь отряжением Суворова против турок, снова занявших Туртукай.

Этот пункт, важный по положению своему между Рушуком и Силистриею, был укреплен и занят 5-ю тысячами войск. Суворов, которого отряд усилен был до 2.400 человек (*Состав отряда: Астраханский и Апшеронский пехотные полки; рекрутский батальон Копорского пехотного полка; егерский батальон; Астраханский (спешенный) и Ингерманландский карабинерный полки; казачьи полки Леонова и Касперова; команда арнаутов*), немедленно сделал нужные приготовления к переправе через Дунай. Предположено было сплавить лодки в Дунай вниз по Арджису, и построить, близ устья сей речки, батарею для 6-ти орудий, долженствовавшую обстреливать противоложащий берег Дуная. Прикрытие орудий составлено было из 600 человек; а прочие силы отряда, в числе 1.800 человек, назначены для нападения на Туртукай. Большая часть этих войск [70] состояла из рекрут, либо из кавалеристов, вооруженных ружьями со штыками.

В сумерки 16-го июня, отряд выступил из Негоешти, и в полночь достигнул сборного пункта на Дунае. Как собранных судов было недостаточно для одновременной переправы всех войск, то назначено было переправить их, разделив на три отделения: первое, под командою полковника Батурина, состояло из 6-ти рот Астраханского полка; второе, секунд-майора графа Меллина, из 4-х рот Астраханского полка и рекрутского батальона; третье, полковника Мещерского, из спешенных карабинеров. Часть кавалерии, состоявшая из 100 карабинеров, 250 казаков и 200 арнаутов, получила приказание переправиться вплавь. Сам Суворов, изнемогавший от продолжительной болезни, не иначе мог ходить, как с пособием двух

солдат, которые водили его под руки. Сначала он оставался на левом берегу, для ускорения переправы, но вскоре, Убедившись в необходимости присутствия своего под Туртукаем, переправился со вторым отделением на правую сторону реки.

Полковник Батулин высадил свою команду на правый берег и овладел ближайшим укреплением, но не воспользовался этим успехом, а оставался в бездействии. Между тем прибыл сам Суворов со вторым отделением, овладел другим шанцем, и в ожидании прибытия спешенных карабинеров, имевших при себе пушку, ограничивался перестрелкою с янычарами и отражением спагов, кидавшихся на укрепления, взятые нашими войсками.

Уже начинало светать. Карабинеры, вместе с казаками, [71] пошли в атаку на турок, между тем как спешенные карабинеры вышли на берег и открыли огонь из своей пушки, в тыл неприятелю. Но спаги не подавались назад. Начальник их, прекрасный собою, славный силою и мужеством Сари-Мегемет-Паша, стал в челе своих всадников и помчался во весь карьер на ближайший к нему шанец. Но в то самое время, когда он старался увлечь за собою спагов, пуля сразила его; казаки и спаги смешались в толпу вокруг его тела; наконец одному из донцов удалось пронзить пикую начальника турок. Суворов, заметив смятение неприятельских войск, бывшее следствием гибели вождя их, вывел своих гренадер из укреплений; вся пехота его дружно ударила в штыки, опрокинула турок и обратила их в бегство. Неприятельский лагерь, 15 орудий (*А по другим сведениям всего два орудия*) и 24 лодки достались в добычу победителям. Турки потеряли более 1000 человек; с нашей стороны урон неизвестен. В тот же день, 17-го июня, в вечеру, Суворов, со всем своим отрядом, переправился обратно на левую сторону Дуная (*Планы и описания сражений в 1773 году, составл. генералом Ригельманом (рукопись)*).

В продолжение двух месяцев, июля и августа, войска взаимно противных сторон, разобщенные одни от других Дунаем, оставались в бездействии. Главная квартира нашей армии находилась в деревне Жигалее, против Гуробал, а потом в Браилове. На правой стороне Дуная русские занимали только один пост Гирсов, сообщение с которым производилось [72] посредством судов. Оборона этого пункта поручена была Суворову с 2.500 человек (*Состав отряда: пехотные полки 1-й Московский, 2-й Московский и Севский; егерский батальон майора Ширкова; Венгерский гусарский полк и несколько казачьих сотен*).

Суворов, по прибытии в Гирсов, в половине августа, немедленно обозрел окрестную местность, исправил находившиеся там укрепления и построил новые, усилив их палисадами и волчьими ямами. Несмотря на обычную деятельность Суворова, еще не все приготовления к обороне были окончены в то время, когда получено было известие о наступлении из Карасу сильного неприятельского отряда. 3-го сентября в вечеру, уже видны были из нашего лагеря огни, разведенные турецкими передовыми постами. Суворов, зная, что турки неохотно предпринимали ночные нападения, полагал весьма основательно, что неприятель не имел намерения атаковать его прежде рассвета. План действий Суворова был очень прост: он решился, допустив турок без выстрела к укреплениям, встретить их внезапно картечным и ружейным огнем, и потом ударить в штыки на ошеломленного неприятеля. С этою целью, укрепления были заняты 500 человек 1-го Московского полка; остальная пехота и гусары расположились в долине позади укреплений, а казаки высланы были вперед для завязки боя.

4-го, в 8 часов утра, неприятели., в числе 7-ми тысяч (4 тысячи янычар и 3 тысячи конницы), приблизился к укреплениям. Руководимые французскими [73] офицерами, турки двигались в трех линиях, янычары в центре, спаги на флангах. «Смотрите, сказал Суворов окружавшим его, эти нехристи хотят драться в рядах и шеренгах; плохо им будет».

Между тем турки продолжали подаваться вперед; ни огонь наших войск, ни волчьи ямы и рогатки, не могли остановить их. Не отставая от Байрактара, шедшего со знаменем впереди войск, они подошли к палисадам и стали рубить их. Но в этот самый момент, русская пехота и гусары, стоявшие в засаде, кинулись на турок и ударили им с обоих флангов. Неприятели, расстроенные огнем войск, занимавших укрепления, и не привыкшие сражаться в порядке, были обращены в бегство. Казаки и гусары преследовали их на расстоянии 30-ти верст и изрубили несколько сот турок, потеря которых вообще простиралась более 1000 человек; 7 орудий и множество военных и съестных припасов досталось в добычу победителям, урон которых не превосходил 400 человек (*Планы и описания сражений в 1773 году, составл. генералом Ригельманом (рукопись)*). — *Smidt, Suworow's Leben*). Вскоре после того, Суворов произведен был в генерал-поручики.

Императрица была весьма обрадована известием о переходе 1-й армии за Дунай; но вслед за тем получены были донесения о неудачном покушении на Силистрию, о смерти храброго Вейсмана и о возвращении Румянцева на левую сторону Дуная. Несмотря на все неудачи, Екатерина не изменила принятого ею [74] намерения, отправила подкрепления в Турцию, и подтвердила фельдмаршалу неизменную волю свою, чтобы вверенная ему армия возобновила решительные действия (*Признать Я должна с вами, что армия ваша не в великом числе; но никогда из памяти Моей исчезнуть не может надпись Моего обелиска, по случаю победы при Кагуле, на нем начеканенная, что вы, имев нс более 17-ти тысяч человек в строю, однако славно победили многочисленную толпу, предводимую тогда Визирем Галиль-Беем, с которым считалось до полтораста тысяч человек, что весьма во мне утвердило правило, до меня римлянами выдуманное и самыми опытами доказанное, что не число побеждает, но доброе руководство командующего, совокупленное с храбростью, порядком и послушанием войск. (Извлеч. из письма императрицы Екатерины II к Румянцеву, от 18-го июля 1773 года)*).

Румянцев готовился исполнить повеление Императрицы, и только выжидал глубокой осени, времени, когда турки обыкновенно расходятся по домам. Фельдмаршал намерен был переправить войска через Дунай, неожиданно на нескольких пунктах, и действуя со всевозможною настойчивостью, одержать, в продолжение кратковременного осеннего похода, по возможности, наибольшие успехи. С этою целью, генерал-поручику князю Долгорукому (Юрию Владимировичу), с 5-го тысячами войск, предписано было переправиться, в начале октября, у Гирсова, и соединиться у Бабадага с находившимися там уже два месяца войсками бывшей дивизии Вейсмана, в числе 3-х тысяч, поступившей под команду генерал-поручика барона Унгерна. Затем сии войска должны были атаковать турецкий отряд, стоявший у Карасу, и разбив его, направиться к Шумле и Варне, для овладения этими важными пунктами. Ослабление турецких [75] войск на берегу Черного моря и разногласие начальствовавших ими пашей подавали надежду на успех этого предприятия. Для отвлечения же внимания турок и для скрытия цели наших действий, предполагалось, чтобы генерал Глебов, с несколькими полками, переправился у Гуробал; а Потемкин и Салтыков сделали демонстрации нападений на Силистрию и Руцук.

16-го октября, войска Унгерна и Долгорукого соединились у Карамурата, и на следующий день, 17-го, двинулись против турок, расположенных в лагере у Карасу. Неприятель, не выждав нападения русских войск, обратился в бегство; казаки, гусары и карабинеры преследовали его, побили до 80-ти человек и захватили 960 пленных и 8 орудий, в числе которых 4 русских. 23-го октября, войска наши при были в Базарджик и овладели 23мя орудиями, брошенными неприятелем (*Военный исторический журнал Российской Императорской первой Армии Бессарабского Корпуса, бывшему вторичному за Дунай походу 1773 г. (рукопись)*). Здесь возникло несогласие между начальниками русских отрядов, . положившее предел успехам их. Целые четыре дня оставались . они в бездействии; наконец, 28-го, двинулись в различные стороны: Унгерн к Варне, а князь Долгорукий к Шумле. Действуя в совокупности, они могли бы иметь надежду на покорение одного какого-либо из сих пунктов; напротив того, действие разобщенными силами ослабляло оба отряда.

29-го октября, войска Унгерна прибыли в окрестности [76] Варны (*Состав отряда Унгерна, пехотные полки Ширванский, Кабардинский, Троицкий и Невский; егерский батальон подполковника Мекноба, Харьковский гусарский и четыре казачьи донские полки; отряд арнаутов. В последствии присоединились к отряду шесть гренадерских рот Бутырского, Киевского и Навагинского полков*). Эта крепость, важная по своей гавани, и могущая служить одним из опорных пунктов для действий против Константинополя, лежит между двумя рядами высот, на равнине, омываемой с востока Черным морем, а с запада озером Дивно. Она окружена высокою каменною стеною с башнями; впереди рва, сооружено было множество шанцев. Гарнизон усилен был экипажами военных кораблей, стоявших в гавани. В таких обстоятельствах, для успешных действий против Варны, нужно было иметь гораздо более значительные силы, нежели отряд, которым командовал Унгерн,

Надеясь на храбрость своих солдат, Унгерн решился штурмовать крепость. Предпринимая это опасное действие с недостаточными силами, он должен был, по крайней мере, приготовить все вещественные средства к предстоявшему приступу; но это было упущено из вида. 30-го октября, в четыре часа утра, русские войска двинулись к городу; пехота наступала в трех каре, из которых главное, под командою самого Унгерна, находилось в центре, а меньшие, генералов Райзера и принца Бернбургского, по флангам. Кавалерия, под начальством генерал-майора Чорбы, двигалась в интервалах между кареями. Подойдя на 350 сажень к крепости, Унгерн [77] открыл канонаду; которая как можно было предвидеть, не оказала никакого успешного действия; тогда велено было идти на штурм; войска подошли к самому контрэскарпу, но не могли спуститься в ров, за неимением лестниц и фашинов, и оставались несколько часов, на самом близком расстоянии от крепости, под смертоносным огнем неприятеля. Наконец Унгерн, Убедившись в бесполезности усилий своих, приказал войскам отступать. Шесть орудий, увязших в грязи, достались неприятелю в добычу. Целая треть отряда сделалась жертвою этого необдуманного покушения (*). Затем генерал Унгерн, не обращая внимания на отряд князя Долгорукого, оставил его против главной массы турецких сил (*Все три карея, подвигаясь под неприятельскими пушечными выстрелами к ретраншаменту, расстоянием до 350 сажень, начали производить по неприятельским батареям канонаду, сперва от каре генерал-майора Райзера, потом из главного и от принца, и сделав несколько выстрелов, г-н генерал-поручик и кавалер барон Унгерн, приметя, что от оного пользы мало, и иного способу нет, как штурмовать засевишего в ретраншаменте неприятеля, приказал генерал-майору Райзеру с кареем приступить к неприятельскому ретраншаменту, с левой стороны к воротам, и атаковать бывшую подле оных батарею. А каре принца Бернбургского по правую сторону ворот к батарее, а из главного каре, отделя четыре гренадерские роты, Невского полка, под командою секунд-майора Озерова в средину ретраншамента, а Троицкие, под командою премьер-майора Глебова, которые соединились с, гренадерским батальоном принца Бернбургского, и пока они приближались к ретраншаменту, неприятель производил по ним сильнейшую ружейную пальбу, под которою дойдя до самого ретраншамента, усиливались всякими способами взойти на ретраншамент, но увидив невозможность, по великой глубине и широте того рва, и притом непрерывного от неприятеля ружейного огня и жестокого отпора, начали назад подаваться, что приметя командующий корпусом, приказал всем атакующим с порядком отступить, и проч. (Извлеч. из военного журнала Бессарабского Корпуса)*) [78] и повел свои войска, по береговой дороге, на Бальчик, Каварну и Мангалию, к Измаилу, куда и прибыл 23-го ноября (*Военный журнал Бессарабского Корпуса, 1773 года*).

Между тем как Унгерн направился к Варне, князь Долгорукий остался в Базарджике, довольствуясь

отряжением по дороге, ведущей к Шумле, легких войск, под начальством подполковника Розена, который, встретив у Козлуджи сильный неприятельский отряд, обратил его в бегство. Мушин-Заде, встревоженный приближением наших войск и не имевший верных сведений о силе их, собрал военный совет, который решил, чтобы выждать русских в лагере под Шумлою. Вместе с тем, Рейс-Эфенди Абдер-Резак вызвался идти против наступавшего отряда и оттеснить его за Дунай; с этою целью, Абдер-Резак, собрав остатки корпусов, разбитых при Кайнарджи и Карасу, расположился в окопах при Иени-Базаре и выслал к Козлуджи сильную партию, которая атаковала передовой отряд Розена и заставила его отступить. Подполковник Розен, вместо того, чтобы определительно разведать о силах неприятельского отряда, отступил поспешно к Базарджику, и донес князю Долгорукому о наступлении визиря со всею турецкою армиею, стоявшею у Шумлы. Долгорукий, с своей стороны, получив известие о неудаче Унгерна, и опасаясь быть подавленным превосходными неприятельскими силами, отступил, чрез Карасу, к Гирсову, [79] и переправился там на левую сторону Дуная, 8-го ноября (*Описание походов россиян против турок (рукопись). Операционная карта маршей 1-й армии с 1769 по 1774 год. (рукопись)*).

В продолжение времени этих действий, генерал Глебов переправился у Гуробал, Салтыков обложил Руцук, а Потемкин начал бомбардировать Силистрию. Румянцев, изнемогавший от болезни, но сильный духом, получив первые сведения о неудачах князя Долгорукого и Унгерна, приказал Глебову усилить их и возобновить вместе с ними наступательные действия; по начальники задунайских отрядов донесли Фельдмаршалу, что они не могли решиться на такое предприятие, по чрезвычайному истощению людей и лошадей и по совершенному недостатку в Фураже.

Получив сии донесения, фельдмаршал перенес свою главную квартиру из Браилова в Яссы, и расположил войска на зимние квартиры: 1-я дивизия, генерал-аншефа графа Салтыкова, находилась в Верхней Валахии; вторая дивизия, генерал-поручика Глебова, между реками Серетом и Прутом; третья дивизия, генерал-поручика Унгерна, в Бессарабии; резервный корпус, генерал-поручика Потемкина, между реками Мостищем и Серетом. Отряд генерал-майора Энгельгардта занимал Малую Валахию (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

Поход 1774 года.

Новый Султан Абдул-Хамид. — Положение обеих воевавших сторон. — Силы и расположение войск. — Планы действий. — Переправа русских войск на правую сторону Дуная. — Дело при Козлуджи. — Обложение Рущука и движение Румянцева к Силистрии. — Движение Каменского к Шумле и расположение его на сообщениях визиря с Константинополем. — Бедственное положение турецкой армии. — Переговоры. — Мирный договор, заключенный в Кючук-Кайнарджи. — Новые недоразумения между Россией и Турцией. — Ратификация мирного трактата султаном. — Зимние квартиры. — Выгоды, доставленные Кючук-Кайнарджиским миром России. — Торжество по случаю заключения мира. — Награды, пожалованные Румянцеву. — Влияние войны 1769 — 1774 года на успехи военного искусства.

[80] Уже шестой год продолжалась война; обе воевавшие стороны имели большую нужду в мире, но ни одна из них не склонялась к уступчивости. Россия чувствовала свое превосходство в силах; а Порты находилась под влиянием Версальского Кабинета, побуждавшего турок к продолжению войны.

В начале 1774 года, последовала перемена в турецком правительстве. Непреклонный, постоянный в своих видах, Мустафа III скончался, и на место его воссел брат его, Абдул-Хамид. Новый султан, проведший всю свою жизнь, от младенчества до старости, в стенах Серая, не имел ни [81] малейшего понятия ни о людях, ни о том, что делалось на свете; до этого времени, он не видал никого, кроме женщин, невольников и евнухов. Воспитанный и проведший весь свой век в постоянном опасении за жизнь свою, слабый духом и незнакомый с государственными делами, Абдул-Хамид вверил управление ими визирю Мушин-Заде-Мегемету, а сам обратился к продолжению праздной жизни в хареме. Против этого женоподобного властителя действовала великая государыня с мужественным духом: возможно ли было сомневаться в успехе? Предшествовавшие неудачи турок ослабили еще более нравственные силы народа и войск, и истощили государственные средства Оттоманской Порты. Верховный визирь успел, с большим трудом, собрать, в начале весны, под Шумлюю, до 50-ти тысяч войск, с которыми намеревался перенести войну на левую сторону Дуная; но деятельность его противника, Румянцева, не позволила исполнить это намерение.

Со стороны России, сделаны были большие усилия для укомплектования армии. Только лишь новые победы могли доставить нашему отечеству мир, в котором Россия тогда имела крайнюю нужду. В то самое время, когда борьба с Турциею и моровая язва истощали средства Империи, вспыхнул пугачевский мятеж, в сентябре 1773 года, и в продолжение целого года волновал юго-восточные области государства. В то же время, юный шведский король обнаруживал намерение воспользоваться затруднительным положением нашего отечества. Но Императрица Екатерина, не обращая внимания на грозные тучи, скопьявшиеся над Россиею, постоянно стремилась к [82] достижению предположенной ею цели, и, сознавая необходимость мира с Турциею, готова была заключить его только на таких условиях, которые были согласны с выгодами Империи. Последние действия русских войск хотя и ознаменовались некоторыми успехами, однако же, в сравнении ст. победами при Ларге и Кагуле, казались неудачами. Румянцев, огорченный событиями, помрачавшими его славу, впал в тяжкую болезнь, и просил увольнения от должности главнокомандующего. Но императрица послала ему значительные подкрепления, и уполномочила продолжать войну, по его усмотрению (*Описание походов россиян против турок. Smidt, Suworow's Leben. Переписка императрицы Екатерины II с Румянцевым*).

В продолжение зимы 1773 года, русская армия, действовавшая на Дунае, была укомплектована войсками, прибывшими из Польши, и рекрутами, которых образование составляло предмет особенной заботливости главнокомандующего. В тоже время устранены были препятствия по части снабжения запасами магазинов передней линии, устроенных в Браилове, Ораше (против Гирсова) и Слободзее. Армия, назначенная для действий в предстоявшем походе, состояла из четырех дивизий и двух корпусов: 1-я дивизия, генерал-поручика Глебова, должна была собраться в Браилове; 2-я дивизия, генерал-поручика князя Репнина, у Слободзеи; 3-я дивизия, генерал-поручика Каменского, у Измаила; 4-я дивизия (резервная), генерал-майора Суворова, близ устья Яломицы. Резервному корпусу генерал-аншефа графа Салтыкова указан [83] сборный пункт на реке Арджисе; отряд генерал-майора Энгельгардта занимал Крайову. Резервный корпус генерал-майора Ширкова находился в Подолии (*Состав дивизий и корпусов: 1-й дивизии: 9 пехотных, один кирасирский, 4 карабинерных, 2 гусарских и 2 казачьих полка; 2-й дивизии: 6 пехотных, один кирасирский, один карабинерный, два гусарских, один пикинерный и один казачий полки; 3-й дивизии: из 5 пехотных полков, двух гренадерских и одного егерского батальона, двух карабинерных, одного гусарского и 6-ти казачьих полков; резервной дивизии: 3-х пехотных полков, двух егерских батальонов, одного гусарского, одного пикинерного и одного казачьего полков, отряда арнаутов и 2.000 запорожских казаков. Резервный корпус графа Салтыкова, вместе с отрядом генерала Энгельгардта, состоял из 10-ти пехотных*

полков, 2-х егерских батальонов, 5 карабинерных, одного гусарского и 5 казачьих полков, и отряда арнаутов. Резервный корпус Ширкова; из 15 пехотных рот, одного кирасирского полка и 1.500 казаков. Кроме того, по крепостям находились: 5 пехотных полков, 4 гарнизонных батальона и часть регулярной и иррегулярной кавалерии. (Военный исторический журнал Российской Императорской первой Армии, 1774 года).

Наступательные действия против турецкой армии, расположенной у Шумлы, могли быть ведены двояким образом: занимая постепенно страну и важнейшие пункты, остававшиеся во власти турок, либо, наступая решительно и угрожая неприятельской столице. Первый из сих способов действий был сопряжен с потерей времени и отлагал решительную развязку дела; надлежало овладеть, по крайней мере, двумя из важнейших турецких крепостей, ближайшими к пути действий нашей армии, Рушуком и Силистриею, устроить основание действий на Дунае и потом уже устремиться чрез Балканы к Царьграду. — При действиях решительных, нельзя было оставить [84] без внимания Силистрию, которая, по положению своему, могла оказать весьма важное влияние на успех предприятия нашей армии против турецкого корпуса, занимавшего Шумлу. И потому, предпринимая вторжение в неприятельскую страну, следовало отделить часть армии для обложения Силистрии, либо, по крайней мере, для наблюдения за гарнизонами ближайших турецких крепостей на Дунае.

Фельдмаршал, имея в виду исполнить волю императрицы, открыв непосредственно действия против визиря к Шумле, и вместе с тем овладеть Рушуком и Силистриею, покорение которых могло упрочить успех наших действий за Дунаем, решился распределить вверенную ему армию следующим образом: дивизия Салтыкова, в числе 10-ти тысяч, назначена была для обложения Рушука; сам фельдмаршал, с 12-ю тысячами человек дивизии Глебова, принял на себя осаду Силистрии, а дивизии Каменского и Суворова, в числе 14-ти тысяч, долженствовавшие двинуться чрез Базарджик к Шумле, назначены были для удержания в бездействии Визиря, в продолжение осады Рушука и Силистрии.

Этот план действий, составлявший некоторым образом средину между постепенным занятием страны и быстрым вторжением во внутренность Турции, сопряжен был с разделением сил. Фельдмаршал, предпринимая вдруг две осады, и направляя, в то же время, часть своих войск против неприятельских сил, сосредоточенных у Шумлы, подвергался опасности потерпеть неудачу на всех трех пунктах, Румянцева, действительно, предпринимал много, но последующие события убедительно доказали, что [85] он не предпринимал ничего излишнего. Ему были вполне известны и невежество турок в военном деле, и робкий, нерешительный характер вождя их: на этих двух данных основаны были соображения фельдмаршала. Но должно сознаться, что успех превзошел его чаяние (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

Действия открылись в первой половине апреля. Каменский, переправясь чрез Дунай, у Измаила, двинулся на Бабадаг к Карасу, и выслал передовые войска по дорогам к Базарджику и Кайнарджи; Суворов (незадолго пред тем пожалованный в генерал-поручики) также переправился через Дунай, близ устья Яломицы, и направился к Черноводам, а Глебов следовал от Браилова вниз по Дунаю, и расположил часть своей дивизии у Ликорешти, против Силистрии. Все эти движения, по причине разлития рек, совершены были весьма медленно. В конце мая, главные силы Салтыкова приблизились к Туртукаю, где назначено было им переправиться через Дунай. Часть его корпуса двинулась, на Негоешти, в помощь Глебову, который, с своей стороны, отрядил один карабинерный и два пехотных полка на усиление дивизии Суворова.

В начале июня, Каменский занял с боя Базарджик, надеясь соединиться там с Суворовым, которому приказано было придти к сему пункту, 2-го июня; но медленное движение войск, отряженных Глебовым, задержало Суворова. Каменский продолжал подаваться вперед, и дойдя до разоренного селения [86] Ушенли, 8-го июня, соединился с Суворовым. На следующий день, начальники русских дивизий, послав отряды к Варне и Силистрии, для наблюдения сих пунктов и для открытия связи с войсками Глебова, двинулись к Козлуджи (*Состав дивизий: Каменского: пехотные полки: Ширванский, Кабардинский, Невский, Троицкий и Новгородский; батальоны гренадерские майоров Ребиндера, Неплюева и Познякова, и егерский подполковника Мекноба; Елисаветградский пикинерный, Харьковский гусарский, Московский и Тверской карабинерные полки. Суворова: пехотные полки: Суздальский, Черниговский, Углицкий и Севский; гренадерские батальоны Колтовского и Трейдена; егерские батальоны Ферзена и Река; венгерские эскадроны; Рязанский и Каргопольский карабинерные полки. Сверх того, при каждой дивизии находилось несколько казачьих полков. (Извлечено из Военно-Исторического Журнала действий 1-й армии, 1774-года)*).

Между тем турки оставались в лагере под Шумлою до начала июня. Но когда дошли до них слухи о действиях наших дивизий на правой стороне Дуная, то верховный визирь предложил Янычар-аге идти с отборными войсками на встречу Русским; сначала ага не решался принять на себя это опасное поручение; но когда Рейс-Эфенди Абдер-Резак вызвался командовать посылаемым отрядом, то и Янычар-ага дал слово сопровождать его. Выступив немедленно из Шумлы, Абдер-Резак и Янычар-ага усилились на пути к Иенибазару несколькими отрядами, и расположились, с 40 тысячами войск (в числе которых были 15 тысяч кавалерии), в укрепленном лагере у Козлуджи, 8-го июля, в тот самый день, в который наши войска двинулись из окрестностей Базарджика. Ни Русские, ни турки не знали о предстоявшей им встрече. Густой Делиорманский лес, чрез который можно было пройти [87] только по узкой тропинке, разделял войска противных сторон.

9-го июня, неожиданно встретились Русские с Турками. Дивизия Суворова, выступив с привала,

около полудня, прошла мимо дивизии Каменского и направилась к лесу. Казаки, шедшие в авангарде, войдя в лес, были опрокинуты неприятельскою конницею, поддержанною албанскими стрелками; три батальона (*Гренадерский Трейдена и егерские подполковников Ферзена и Река*), посланные в помощь казакам, имели ту же участь; русские войска были совершенно вытеснены из леса; но когда подошли Суздальский и Севский полки, под командою генерал-майора Озерова, и открыли пушечную и ружейную пальбу, то неприятель принужден был отступить. Суворов, прибывший в продолжение боя, поскакал вперед с конницею, и заметив отступление турок, принял меры для преследования их; пехота направилась через лес; кавалерия двигалась частью впереди пехоты, частью же по сторонам леса, в обход. Движение чрез лес было весьма затруднительно, тем более, что он был загроможден множеством тел убитых турок, застреленных волов и брошенных неприятелем повозок; погода была весьма знойная; многие из наших солдат, истомленные от жара и усталости, падали мертвыми.

Войска русские, сражаясь беспрестанно, тесня турок на каждом шагу, прошли лесом около 7-ми верст; в это время, пошел дождь, ожививший своею свежестью наших солдат, между тем как [88] турки, в измоченной длинной одежде, едва могли двигаться.

Как только русские вышли из леса на открытую местность, то увидели пред собою всю неприятельскую армию, и были встречены огнем нескольких батарей. Суворов построил свою пехоту в несколько батальонных и двухбатальонных каре, расположил кавалерию позади флангов боевого порядка, и подойдя к турецкому лагерю, открыл по нем огонь из 10-ти орудий, успевших придти вместе с пехотою. Турецкая конница вышла из лагеря и бросилась на встречу нашей; вслед за тем янычары неистово напали на русскую пехоту; некоторые из них врывались в наши каре, но были немедленно истребляемы резервами. Несколько раз повторялись эти несвязные атаки; наконец — турки укрылись в окопах своих.

Между тем в неприятельском стане господствовало чрезвычайное смятение. Напрасны были усилия, напрасно было красноречие мужественного Рейс-Эфенди: ему не удалось удержать в порядке войск, уходивших из лагеря толпами. «Хорошо тебе рассуждать, кричали ему янычары, ты на коне и всегда можешь убраться, а мы пеши.» — «Сохрани меня Бог, чтобы я вас оставил; я готов сражаться пешком вместе с вами», отвечал Абдер-Резак; но голос его был заглушен чувствами страха и общей к нему ненависти. Янычары явно восстали против него, и даже один из бунтовщиков сделал по нему выстрел. Волнение умов возрастало, по мере наступления русских войск; различие между начальниками и подчиненными исчезло; всякой думал только о собственном [89] своем спасении. Одни из янычар рубили построики у передков и уезжали на артиллерийских лошадях; другие, чтобы добыть коней, убивали своих же всадников. Между тем появились русские на высотах перед лагерем, и открыли канонаду по неприятелям, толпившимся в беспорядке. Мусульмане, пораженные страхом, не помышляя о сопротивлении нашим войскам, разбежались в различные стороны: одни из них ушли чрез Праводы в Балканы; другие искали спасения в Шумле. Уже день склонялся к вечеру; но неутомимый Суворов, несмотря на усталость войск, отправился, с конницею и с частью пехоты, в погоню за неприятелями и преследовал их до самой ночи. Победители, заняв без сопротивления турецкий лагерь, нашли в нем огромную добычу; 20 орудий были трофеями этого дела. Потеря турок простиралась до 1000 человек. Результаты сражения, в нравственном отношении, были еще важнее: поражение, понесенное турками, подавило в конец их дух, и не позволило визирю надеяться на какие-либо успехи в войне с Россиею (*Военный исторический журнал действий 1-й армии, 1774 года. Описание походов россиян против турок*).

К сожалению, дело при Козлуджи подало повод к несогласиям между начальниками наших войск. Каменский был недоволен тем, что Суворов атаковал и разбил турок, не выждав прибытия его дивизии. Недоразумение между начальниками дивизий было причиною отъезда Суворова, 14-го июня, по болезни, в Бухарест. Начальство над его войсками вверено было генерал-майору Милорадовичу. [90]

В то время, когда Суворов поражал турок при Козлуджи, гул русской артиллерии оглашал берега Дуная.

Граф Салтыков, оставив отряд генерала Энгельгардта в Малой Валахии, для успокоивания турок по направлению к Турно, выступил, в начале июня, из лагеря при Комани, переправился 6-го через Дунай, против Туртукая, рассеял несколько неприятельских отрядов, и обложил Рущук, в половине июня.

Князь Репнин, со своей стороны, приступил к обложению Силистрии. В начале июня, 2-я дивизия, под начальством генерал-майора Ллойда (известного впоследствии своими военными сочинениями), перешла от Слободзеи к Ликорешти (против Силистрии) и сменила находившиеся там полки 1-й дивизии, которая, сосредоточась против Гуробал, переправилась там на правую сторону Дуная, 10-го июня; эта дивизия имела с собою 20-ти дневный запас продовольствия (*Операционная карта, с показанием маршей 1-й армии, 1774 года. Военный исторический журнал 1-й армии, 1774 года*). Граф Румянцев, приняв начальство над нею, направился к Силистрии и расположился, 21-го, близ Галицкого Озера, в 6-ти верстах от крепости; но не приступил к немедленному обложению Силистрии, имея в виду выманить неприятеля в поле, и поразив его, воспользоваться нравственным влиянием победы для покорения крепости. Полководец наш, отрезав визиря от дунайских крепостей, старался, вместе с тем, об открытии сообщения с дивизиями, посланными к Шумле, и, для [91] достижения сей цели, отрядил полковника Розена с Сумским гусарским и с одним казачьим полками, на Афлотар, к Шумле.

Все эти распоряжения были основаны на неотлагательном наступлении дивизий, отряженных к Шумле; но генерал Каменский, вместо того, чтобы воспользоваться, после дела при Козлуджи, бедственным состоянием турецкой армии, простоял на месте целые четыре дни, и чрез то дал возможность туркам не только собраться в Шумле, но и отрядить Янычар-агу, с 2мя тысячами человек, в тыл русским войскам,

действовавшим против Руицука. Наконец, выступив, 15-го июня, от Козлуджи, Каменский рассеял у Иенибазара отряд, занимавший это местечко, и расположился у сел. Аги-бабы, в 10-ти верстах от Шумлы, 18-го июня (*Журнал действий генерал-поручика Каменского*).

Крепость Шумла лежит на высотах отрога Балканского Хребта, огибающих ее, в виде полукружия, с трех сторон, северной, западной и южной. Для пресечения сообщения Шумлы с дунайскими крепостями, достаточно обложить ее со стороны равнины, простирающейся от ней к востоку; гораздо труднее прервать сообщения Шумлы со столицею, потому что южная гряда высот пересечена множеством тропинок, выходящих на константинопольскую дорогу.

Положение турок в Шумле было тем более затруднительно, что у них вовсе не было отважных, предприимчивых начальников. Робкий Мушин-Заде, [92] пораженный беспрестанными неудачами вверенных ему полчищ, изнемогал от болезни, которая быстро вела его к могиле; а Рейс-Эфенди Абдер-Резак был ненавидим янычарами, считавшими его виновником продолжения тягостной для них войны. Внезапно вспыхнул бунт в степях Шумлы; толпа янычар с обнаженными саблями устремилась к дому, занимаемому Абдер-Резаком, который едва успел скрыться в намете, где хранился священный для мусульман санджак-шериф; но янычары не оказали бы никакого уважения к этой святыне, если бы Визирь с Албанцами не рассеял мятежников. Рейс-Эфенди, не находя себе безопасного убежища в Шумле, тайно ушел из города и отправился в Константинополь (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

Несмотря однако же на расстройство турецких войск, Каменский не решился атаковать неприятельскую армию, превосходную и числе и занимавшую весьма крепкую позицию. Оставалось прибегнуть к маневрам, отрезать сообщения визиря с Константинополем и тем побудить неприятелей к миру. С этою целью, Каменский приблизился к Шумле, сделал фланговое движение влево, и в конце июня занял пути, ведущие в Иенибазар и Праводы, а бригадира Заборовского, с 2.500 человек (*Состав отряда: 7 батальонов; полки Харьковский гусарский и Елисаветградский пикинерный; три эскадрона венгерских гусар и 300 казаков (Журнал генерала Каменского)*), отрядил в Балканы, к селению Чаликаваку, для занятия пути от [93] Шумлы к Константинополю. Турки могли, пользуясь растянутым расположением русского корпуса, разбить его по частям, либо, по крайней мере, подавить превосходными силами слабый отряд Заборовского, стоявший в 40 верстах от главных сил Каменского. Но визирь оставался неподвижно в Шумле, а войска его, начинавшие терпеть недостаток в продовольствии, стали уходить по горным тропинкам, сперва по одиночке, а потом целыми толпами. Изнуренный болезнью и упавший духом, визирь обратился к Румянцеву с просьбою о перемирии. Но фельдмаршал, не соглашаясь на то, требовал мира, угрожая, в противном случае, продолжением военных действий. Мушин-Заде Мегемет, принужденный покориться силе обстоятельств, прислал своих уполномоченных, 5-го июля, для заключения мира, в Кючук-Кайнарджи, куда также прибыли Румянцева и Репнин с охранительным отрядом (*Состав отряда: пехотные полки Санкт-петербургский и Куринский, по два эскадрона Сумского и Острогжского гусарских, Киевского кирасирского и Симбирского карабинерного полков. (Журнал действий 1-й армии)*); начальство же над войсками, остававшимися под Силистриею, вверено было генерал-поручику Глебову. Фельдмаршал не хотел вести переговоров под Силистриею, опасаясь обнаружить малочисленность главного своего корпуса. Переговоры были непродолжительны. 10-го июля, почти ровно чрез 63 года по заключении прутского договора (*Договор на Пруте подписан 11-го июля 1711 года*), турецкие уполномоченные Нишанджи-Ресми-Ахмет-Эфенди и Ибрагим-Муниб-Рейс-Эфенди [94] подписали в ставке фельдмаршала, на русском барабане, договор, составленный князем Репниным и заключающий в себе те самые условия, которые бы ли объявлены в Бухаресте.

На основании мирного трактата, заключенного в Кючук-Кайнарджи, Порты обязалась: 1) признать независимость татар Крымских, Буджакских и Кубанских; 2) уступить России Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн, с частью степи между Днепром и Бугом, и допустить уступку татарам, и пользу России, Большой и Малой Кабарды; 3) открыть русским купеческим кораблям свободное плавание из Черного моря в Мраморное и прочие моря, и предоставить русским подданным, в турецких областях, все выгоды, коими пользовались французы, англичане и вообще наиболее покровительствуемые народы; 4) признать священный титул Императрицы Всероссийской и именовать Российскую Государыню, во всех государственных актах, писанных на турецком языке, Падишахом; 5) даровать всеобщую амнистию грекам, славянам, молдаванам и валахам, и допустить в землях, ими обитаемых, свободное исповедание христианской веры; 6) допустить российских резидентов ходатайствовать по делам, относящимся к Молдавии и Валахии; 7) все прежние трактаты (в коих была речь о Польше) отменить (*Извлечено из мирного договора, заключенного в Кючук-Кайнарджи, 10-го июля 1774 года, утвержденного графом Румянцевым и верховным визирем 15-го июля, и ратифицированного султаном 13-го января 1775 года*). Кроме того, особою дополнительною статьею, Порты обязалась уплатить России 4.500.000 рублей. [95]

Договор сей утвержден был верховным визирем, 15-го июля, и отправлен, для окончательного утверждения, в Константинополь. Вместе с тем, на всех пунктах, были прекращены военные действия.

Но впоследствии возникли новые недоразумения между Россиею и Портою. Значительные уступки, сделанные турками, заставили их помышлять о расторжении договора, к чему побуждали их также и происки французского посла, маркиза Шуазеля. Волнения, происшедшие в южной части Крыма, подавали Дивану повод уклоняться от признания независимости татар. Крымский хан, Сахиб-Гирей, обязанный

сохранением владычества покровительству России, допустил своих мятежных подданных выдать туркам находившегося при нем русского резидента, статского советника Веселицкого; между тем турецкий флот оставался, по-прежнему, у берегов полуострова. Императрица Екатерина, негодуя на двуличие врагов, побежденных ее воинством, поручила Румянцеву довершение успешно им начатого дела. С этою целью, фельдмаршал отправил в октябре, для переговоров в Царьград, полковника Петерсона, тонкого дипломата, употребленного графом Румянцевым во всех сношениях с турками в 1772м году. При первом свидании его с турецкими чиновниками, Рейс-Эфенди стал говорить с ним о домогательствах крымских татар, которые, чрез своих депутатов, отказывались от независимости и изъявляли желание оставаться в подданстве Порты. Основываясь на том, Рейс-Эфенди предложил, чтобы Султану предоставлено было право снабжать ханов инвестируемою и дипломом. Но Петерсон решительно [96] отказал в том, возражая на все доводы турецкого дипломата, что внутренние дела Крыма, как независимой страны, не касаются ни России, ни Порты. Предложение оставить Тамань во владении Турции также не имело успеха. Новый визирь Изет-Мегмет-Паша, облеченный в сей сан по смерти Мушин-Заде-Мегмета, относился о том к Румянцеву, но фельдмаршал оставался непреклонным и требовал точного исполнения условий заключенного договора. Постоянство русского вождя превозмогло упорство Дивана, и Кючук-Кайнарджиский договор ратифицирован был султаном, 13-го января 1775 года (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*). Но еще прежде переговоров в Константинополе, русские войска были отведены на левую сторону Дуная, а в последствии расположились, на зимние квартиры, в Подолии и на Волыни.

Выгоды, приобретенные Россией от мира, заключенного в Кючук-Кайнарджи, были весьма велики: наша торговля приобрела новый путь по Черному морю, до того времени совершенно закрытый для земледельческих и мануфактурных произведений России; южные области Империи обеспечены были от набегов хищных соседей. Но важнейшие выгоды этого славного мира оказались впоследствии, когда Крым, не могший оставаться самостоятельным владением, сделался одною из областей Российской Империи, когда Грузия, освобожденная влиянием нашего отечества от позорной дани, которую она платила Турции, вверила судьбу свою могущественному покровительству Царей Русских. [97]

Екатерина предвидела эти последствия, и спешила изъявить Свою признательность народу, войскам и вождям, исполнившим великие ее предначертания. Манифестом 17-го марта 1775 года, объявляя всем верноподданным о заключении мира с Турциею, императрица даровала многие льготы и облегчила налоги. Вслед за тем, 10-го июля 1775 года, в годовщину подписания мирного договора, во всей Империи было общее празднование. Екатерина сама великолепно праздновала это радостное событие в Москве, и установила навсегда торжествовать день заключения Кайнарджиского трактата.

Велики были заслуги Румянцева. Но и награда ему была необыкновенна. Он получил: *за великие подвиги*, похвальную грамоту и наименование *Задунайского*; *за разумное полководство*, алмазный фельдмаршальский жезл; *за храбрые предприятия*, шпагу, осыпанную бриллиантами; *за победы*, лавровый венец; *за мир*, масличную ветвь; *в ознаменование Монаршего благоволения*, драгоценную бриллиантовую звезду ордена Св. Апостола Андрея Первозванного; *в честь ему и в пример потомству*, медаль с его изображением; 5 тысяч крестьян; 100 тысяч рублей на постройку дома; серебряный сервиз, в 68 тысяч рублей, и собрание драгоценных картин. Императрица хотела, чтобы фельдмаршал торжественно въехал в Москву на триумфальной колеснице, но он отказался от сей почести.

Война с 1769 по 1774 год, названная современниками столь справедливо *Румянцевскою*, имела большое влияние на успехи военного искусства. Тактические нововведения нашего полководца дали решительный перевес регулярным войскам над нестройными [98] турецкими полчищами. Прежний неповоротливый боевой порядок наших армий уступил место другому, несравненно более выгодному, как для обороны, так и для наступления. Прежние походные движения, производившиеся в огромном каре, либо в одной колонне, неудобной для быстрого перехода в боевой порядок, были заменены движениями войск в небольших колоннах, которых состав способствовал быстрому и удобному построению нескольких каре. С этою целью, пехота каждого каре, для походного движения, разделялась на две колонны, из коих каждая заключала в себе войска двух фасов; эти колонны двигались на одной высоте, имея в интервале между собою полковую и полевую артиллерию; кавалерия же следовала в отдельных колоннах. Румянцев, образовавшийся в школе Семилетней войны, требовал от своей кавалерии, чтобы она исключительно действовала холодным оружием, и в последнем походе турецкой войны (1774 г.) приказал ей строиться для боя в две шеренги (*«Кавалерию всю построить в две шеренги между кареями, равняясь по задней линии, и имея в ней самые малые интервалы, не более как на взвод. Кавалерии огненного оружия, на собственный свой вред, под ответом полковых командиров, отнюдь не употреблять»*). (*Правила генеральные, что должны быть наблюдаемы, доколе чрез рекогносцирование получится лучшее сведение о неприятельском положении*)).

Румянцев обращал большое внимание на тактическое образование войск и на внушение в них духа подчиненности: свидетельством заботливости его об этих важных предметах могут служить инструкции и распоряжения, составленные им в продолжение войны. [99]

Не довольствуясь преобразованием войск и способа войны, Румянцев улучшил также провиантскую часть, и нашел средства снабжать запасами армию в стране, разоренной продолжительною войною.

Успеху его действий, без всякого сомнения, много способствовало невежество его неприятелей; но кто же из великих полководцев не пользовался ошибками своих противников? Несправедливо было бы упрекать турок в малодушии: они уступали русским не столько в храбрости, сколько в искусстве и дисциплине. Невежество мусульман простиралось до крайности. Вместо того, чтобы вникать в характер

действий своих неприятелей, они обращали преимущественно внимание на списки счастливых и несчастных дней, составляемые их астрологами. Сам Мустафа III-й, убежденный в том, что Фридрих Великий обязан был своими успехами непогрешительности прусских астрологов, просил Короля прислать в Константинополь трех таких искусников. В ответ на эту странную просьбу, Фридрих писал, что «у него, действительно, были три астролога: изучение государственного управления и военного искусства, благоустроенная армия и богатая казна.» Не менее важности, в глазах турок, имела магия; один из захваченных в плен пашей просил русских показать ему заколдованную пушку, которая стреляла сама собою, без содействия прислуги: так понимал он, по-своему, необыкновенную быстроту действия наших орудий. Поражаемые, при каждой встрече, губительным огнем русской артиллерии, турки приписывали неудачи свои вероломному, по их понятиям, способу действий наших войск. «Русские [100] надеются на превосходство своей пальбы, против которой действительно не устоять никому», говори ли они. «Но пусть только они не стреляют в нас, а выступят на бой с нами, как храбрые воины, с мечами в руках; тогда увидит они, на самом деле, могут ли неверные противиться мусульманам». Невежество турок, в соединении с совершенным отсутствием порядка и дисциплины в войсках их, без всякого сомнения, облегчило наши успехи; но главными причинами их были: дисциплина, тактическое образование и дух русских войск; искусство русского вождя и способности сподвижников его, Баура, Репнина, Суворова и Вейсмана: эти отличные военные люди научились и научили других искусству побеждать турок. «Не рогатки, а штык ваша защита» сказал Румянцев русским воинам, и убедил их в истине своих слов на самом деле.

Турецкая война 1787 — 1791 г.

Поход 1787 года.

Присоединение Крыма к России. — Потемкин. — Греческий проект. — Современное положение европейских государств. — Союз России с Австрией. — Путешествие императрицы Екатерины в Новороссийские области. — Неудовольствие турок. — Объявление войны. — Силы русских армий, назначенных для действий против Турции. — Военно-хозяйственные распоряжения Потемкина. — Силы турок. — Планы действий и расположение сил обеих сторон. — Распоряжения Суворова для обороны Кинбурна. — Мичман Ломбард. — Дело при Кинбурне. — Зимние квартиры. — Инструкция Суворова.

[101] Договор, заключенный в Кайнарджи, успокоил на время Восточную Европу; это спокойствие не было продолжительно. Россия приобрела многие выгоды, но для упрочения их не доставало обладания Крымом; [102] только присоединение Крыма к Российской Империи могло обеспечить южные области наши от набегов хищных татар, для которых независимость была тождественна с наглым своеволием; только владение Крымом могло открыть русской торговле путь по Черному морю. Самое занятие крепостей Керчи, Еникале и Кинбурна могло приносить пользу России только вместе с приобретением Крыма. Страна сия считалась независимою, но турки сохраняли над жителями ее прежнее влияние, основанное на единоверии, привычке и сходстве в нравах и обычаях.

Потери, понесенные турками в предшествовавшую войну, заставили их обратиться к обычному оружию слабого — коварству и проискам. Порта старалась умножить число своих приверженцев, и для достижения сей цели не щадила ни трудов, ни издержек. Вместе с тем нарушены были турками и прочие условия Кайнарджиского договора: остановлена уплата денежной контрибуции и загражден путь русским торговым судам из Архипелага в Черное море. Хан Девлет-Гирей, поддерживаемый Портою, старался об уничтожении влияния русского правительства и угнетал приверженцев России.

Императрица Екатерина, желая положить предел этим злонамеренным действиям, повелела расположить армию, возвратившуюся из Турции, на южных наших границах, и когда хан Сахиб-Гирей, изгнанный Девлет-Гиреем, обратился с просьбою о помощи к нашему правительству, то князю Прозоровскому повелено было, в 1776 году, вторгнуться в Крым и содействовать к возведению на ханство брата Сахиб-Гиреева, Шагин-Гирея. Войска наши [103] быстро проникли чрез перекопские линии в полуостров. Воля российской монархини была исполнена: Девлет бежал в Царьград, а Шагин-Гирей, весною 1777 года, воссел на престол. Порта безмолвствовала; но вскоре после того изъявила свое негодование, провозгласив Шагин-Гирея отступником исламу. Сильный турецкий флот блокировал, в течение лета 1778 года, южные берега Крыма, беспрестанно угрожая высадкою; но бдительность Суворова, командовавшего войсками, занимавшими полуостров, заставила турок отказаться от их намерения. Султан, обманутый в своем ожидании, утвердил избрание нового хана; а русские войска, весною 1779 года, вышли из полуострова и расположились на южных границах Империи.

Таким образом снова водворилось спокойствие, но оно было непродолжительно. Хан Шагин-Гирей желал вывести своих подданных из грубого, полудикого состояния, в котором они находились, но не умел приняться за это дело; его непостоянство, слабость характера и страсть к пышности и внешнему блеску не подавали надежды к улучшению состояния обитателей Крыма. Сомнительное положение сей страны требовало от России содержания значительных сил в южных областях империи, для наблюдения за татарами; в продолжение семи лет, чрезвычайные издержки, употребленные на сей предмет, простирались свыше 7-ми миллионов рублей. Россия соблюдала свято условия заключенного договора, несмотря на все невыгодные последствия его; по Порте сама подала повод к изменению существовавшего порядка вещей. Не успев восстановить господство [104] свое над Крымом, турки возбудили закубанских татар к набегам на соседственные им русские области. Между тем произошло восстание в Крыму против Шагин-Гирея,

который принужден был уйти в Россию, отказался от владычества над Крымом и получил значительную пенсию; знатнейшие из татар также отдались под покровительство нашего отечества. Императрица Екатерина, пользуясь благоприятными обстоятельствами, направила несколько корпусов к турецким границам; черноморский флот, созданный в четыре года Потемкиным, по мановению российской царицы, вышел из херсонской гавани и готовился встретить турецкие эскадры у берегов Крыма. Манифестом 8-го апреля 1783 года, объявлено было о присоединении к русской империи Крымского полуострова с Таманью и страны кубанских татар. Жители Крыма немедленно приведены были к присяге на подданство нашему правительству (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

Порта негодовала за присоединение к России Крыма, но грозное расположение русских войск в соседстве турецкой границы не позволяло султану помышлять о войне; версальский кабинет, предвидя пагубные последствия, которые могла навлечь на себя войною Турция, удерживал ее от совершенного разрыва с Россией. Тем не менее однако же Диван долго не изъявлял согласия на уступку Крыма; но наконец, 28-го декабря 1783 года, турецкие полномочные, покоряясь силе обстоятельств, заключили с [105] чрезвычайным посланником российского двора Булгаковым новый договор, на основании коего Крым, Тамань и Кубань признаны были принадлежащими российской империи. Таким образом это важное приобретение, к бессмертной славе Потемкина, совершено было без всякого кровопролития (*«Вы приписываете это мне — писал Потемкин Булгакову — и тем увеличиваются еще более заслуги ваши! Все от Бога; но вам обязана Россия и сами турки: ваша твердость, деятельность и ум отвратили войну. Турки были бы побеждены; но русская кровь также бы потекла!»*). Шагин-Гирей сперва жил в Петербурге, а потом, соскучась пребыванием в России, уехал в Константинополь, откуда, по повелению Султана, сослан был на остров Родос и там удушен: таков был конец одного из последних потомков Чингисхановых!

Потемкин, игравший столь важную роль в присоединении к России Крыма, был щедро одарен природою. Его величественная поступь и мужественная осанка предупреждали в его пользу. Одаренный крепким телосложением, он соединял в себе остроумие с светлым, здравым рассудком. Его память была необычайна; он знал все, что только слышал, удивляя многих своими сведениями, по самым разнородным предметам: все, что он знал, было приобретено им в беседе, потому что он не читал ничего, Подобное образование было довольно поверхностно; тем не менее однако же Потемкин мог говорить с ученым, с художником, с военным, с купцом, с ремесленником и с земледельцем, о предметах обычного их занятия, с такою [106] основательностью, с таким знанием дела, что каждый из них считал его весьма знающим человеком; в особенности же он любил богословие. Иногда, по непонятной прихоти, он заводил речь с духовным о военном деле, либо с военным о таинствах церкви.

Быстрота и живость его ума не мешали ему быть ленивым до крайности. По целым неделям лежал он на диване, в шлафроке и туфлях. Но стоило только задумать ему какое-либо предприятие, и вдруг обычная леность уступала место неутомимой деятельности, за которою, без всякой причины, опять следовало бездействие. Эта неровность характера была главным препятствием Потемкину в достижении высоких целей, им предположенных. Он составлял самые обширные планы, быстро соображал средства к исполнению их; но когда наступало время действовать, то малейшее обстоятельство отклоняло его от цели, и тогда он поручал дело таким людям, которые не могли исполнить его, отдавал противоречащие приказания, либо вовсе не разрешал исполнения по целым неделям, и благоприятная минута проходила невозвратно. Он сделал много; но если бы он имел терпение совершить все, задуманное им, то сделал бы несравненно более.

Потемкин подвергался, и заживо — и по смерти, многим противоречащим толкам, тем более, что он сам подавал к тому повод непостоянством своего характера и неровностью обращения. То строг, то ласков; то горд, то без чинов; но весьма замечательно, что, несмотря на высокомерие свое, он не терпел унижения. Чтобы заслужить его благосклонность, [107] стоило только не оказывать ни малейшего замешательства в его присутствии и говорить с ним смело, без застенчивости.

Без всякого сомнения, он имел много недостатков и слабостей: он был горд, высокомерен, самолюбив, расточителен, не щадил никого, не разбирал средств к достижению цели; но все эти слабости и недостатки, общий удел человечества, искупались его обширным умом, необыкновенными способностями к государственным делам, преданностью монархине, любовью к отечеству, заслугами России. Он считал своими неприятелями тех, которые могли остановить его на пути к почестям и славе; но отдавал справедливость истинным заслугам и способностям каждого. Он был покровителем Суворова в то время, когда Суворов еще имел нужду в его покровительстве, и всегда отдавал справедливость Репнину, хотя и не любил его.

Потемкин имел весьма здравые понятия о военном деле, и в особенности об организации и хозяйственной части войск. Его преобразования и нововведения, предписанные в бытность его президентом Военной Коллегии, были полезны и сообразны с духом русских войск; но он не был великим полководцем, и в этом убеждает нас беспристрастное рассмотрение его походов.

В последние годы его жизни, все силы души его направлены были к исполнению великой мысли императрицы Екатерины, изгнания турок из Европы и водворения образованности в прекрасной стране, преданной на жертву невежеству и изуверству поклонников ислама. Подобно тому, как, в древние времена, [108] неудачное предприятие Ксеркса и отступление 10-ти тысяч греков обнаружили слабость персидской монархии, и заставили Александра предпринять ее покорение, подобно тому победы Миниха и Румянцева

открыли императрице Екатерине возможность ослабить владычество турок в юго-западной Европе. Покорение Крыма было важным шагом к достижению сей цели. Оставалось довершить начатое дело. Успех в этом предприятии обещал бессмертную славу виновникам его и неисчислимые выгоды России. Потемкин, ревностный поборник православной веры, горел желанием положить предел господству неверных в стране, бывшей колыбелью христианского учения: ему открывалось обширное поприще, на котором он надеялся одержать блистательные успехи (*Устрялов*).

Действительно, современное положение дел и отношения, существовавшие между первостепенными европейскими государствами, благоприятствовали исполнению предприятия, задуманного Екатериною.

На западе, Англия и Франция, разрозненные вековой враждою, готовы были к новой борьбе между собою; имея против себя одно из сих государств, можно было с уверенностью надеяться на содействие другого.

В таком же положении находились Австрия и Пруссия. С тех пор, как Фридрих II, пользуясь затруднительным положением Марии-Терезии, отнял у ней одну из лучших областей империи, возникла и укоренилась взаимная вражда между сими государствами. [109] Неприязненное расположение одного из них доставляло содействие и дружбу другого.

На востоке, Россия, кроме Турции, имела еще двух неприятелей, некогда сильных, Польшу и Швецию; но первая, ослабленная, расстроена внутренними смутами, не могла быть опасна своим соседям; а против Шведов можно было вооружить всегдашних врагов их, Датчан.

И так, первостепенные государства Европы, разрозненные взаимною враждою, не могли действовать дружно, для поддержания политического равновесия, нарушенного преобладанием России над Портою.

Россия, в случае новой войны с Турциею, имела нужду в содействии, либо, по крайней мере, в нейтралитете Австрии. Юный Император Иосиф II изъявлял готовность к союзу с Императрицею Екатериною, желая отвлечь Россию от союза с Пруссиею; и как в 1780 году оканчивался срок союзного договора, заключенного нашим правительством с Фридрихом Пм в 1764 году, на восемь лет, и возобновленного в последствии на такое же время, то Российский Двор, отклонив, под разными предлогами, возобновление этого договора, заключил союз с Австриею.

Между тем Потемкин, осыпанный почестями, пожалованный, 2-го февраля 1784 года, президентом Военной Коллегии, с чином генерал-фельдмаршала, и остававшийся, вместе с тем, генерал-губернатором Новороссийского края, обнаружил, в этих должностях, светлый ум и необыкновенные способности свои. По части военно-хозяйственной, замечателен выданный им устав (1786 г.), в котором [110] с величайшею точностью определены были издержки на содержание российской армии; ему же обязаны были войска введением удобнейшей одежды: он велел обрезать косы, вывел употребление пудры, одел солдат в шаровары и длинные куртки, подпоясанные широкими кушаками, и заменил треугольные шляпы красивыми и удобными касками; солдатам приказано было стричься в кружок, отменено все излишнее, и главным правилом поставлено: «солдатской наряд должен быть таков, что встал, то и готов.» Новороссийский край, вместе с Крымом, переименованным в Таврическую губернию, явились в новом виде под управлением Потемкина. Безлюдные, дикие степи оживились переселенными туда жителями; разрушенные города, подобно Фениксу, возникли из пепла, и кроме того, в местах необитаемых, построены новые; созданы флоты; уничтожена Запорожская Сечь, бывшая вечным гнездом грабежа и разбоя. Все эти учреждения и преобразования стоили сотен миллионов. Неприятели Потемкина, не видя, либо не желая видеть пользы, доставленной государству благоразумным употреблением издержанных им денег, внушали императрице, что армия, под управлением президента Военной Коллегии, находилась в совершенном упадке, и что вновь приобретенные области были голые степи, на преобразование которых не стоило тратить огромных сумм, и проч. Императрица, желая убедиться, в какой степени справедливы были эти толки, решила обзреть свои новые владения. Недоброжелатели Потемкина тому радовались, но торжество их было непродолжительно.

Дело говорило за себя само; но Потемкин, несмотря [111] на то, не пренебрегал искусством выказать его во всем блеске. На всяком шагу, удивленному взору Екатерины являлись многочисленные, стройные войска, обработанные поля, красивые селения. Император Иосиф II, под именем графа Фалькенштейна, сопровождавший монархиню от Кайдака, положил, вместе с нею, первый камень основанию Екатеринославля, посетил Херсон, построенный Потемкиным, видел черноморский флот, им же созданный, и отдавал справедливость его уму и способностям. Императрица Екатерина изъявила свою признательность главному виновнику приобретения Крыма, дав ему название *Таврического (Потемкин был награжден, еще 10-го июля 1775 года, в день торжества годовщины Кючук-Кайнарджиского Мира, графским достоинством Российской Империи, а в следующем году императрица исходатайствовала ему княжеское достоинство Римской империи, с титулом Светлейшего)*.

Путешествие государыни в Крым ускорило новый разрыв между Россиею и Портою. Турки с негодованием видели быстрое преобразование страны, долгое время принадлежавшей им, а дружба Екатерины с Иосифом и сбор значительных вооруженных сил на юге России возбудили в высшей степени опасения мусульман. Буйный константинопольский народ гласно восставал против русских, роптал на старого, сонного (как обыкновенно называли тогдашнего султана) Абдул-Хамида, и изъявлял свое неудовольствие пожарами. Уступая общему мнению, Диван стал готовиться к войне. Прусский и английский кабинеты, управляемые нашими врагами, Герцбергом и Питтом, подстрекали своими внушениями намерение Порты; [112] оба они имели причины негодовать на Россию: Герцберг за дружбу с

Австрию, а Питт за вооруженный нейтралитет; оба они возбуждали турок к войне, уверяя, что Австрия была терзаема внутренними смутами, а Россия истощена голодом, и что ежели Порты не воспользуется этими обстоятельствами, то неприятели ее, оправаясь от понесенных ими потерь, сами начнут войну и достигнут исполнения своих высокомерных замыслов. Оба двора, прусский и английский, предлагали туркам содействие свое в войне против России. Эти происки достигли желанной цели: русский посланник Булгаков был посажен в Семибашенный Замок, 5-го августа 1787 года; в то же время Порты объявила России войну, под предлогом вмешательства нашего Двора в дела Молдавии и Грузии. Таким образом турки решились воевать из опасения войны.

Обе стороны еще не успели, в то время, совершенно окончить приготовления к предстоявшей борьбе; к тому же наступала уже осень, и потому первый поход не мог иметь никаких решительных последствий.

Русские войска, назначенные для действия против Турции, состояли из двух армий, Екатеринославской и Украинской, и отдельного Кавказского корпуса. Екатеринославская армия, под начальством фельдмаршала князя Потемкина Таврического, заключала в себе: 35 пехотных (*Гренадерские полки были в 4-х батальонном составе*) и 28 конных полков, 6 егерских корпусов, по четыре батальона в [113] каждом (*Основателем пеших русских егерей был генерал-аншеф Петр Иванович Панин. Сначала число их было весьма ограничено; но пред началом войны 1787 — 1791 г. мы имели восемь егерских корпусов: Бугский, Таврический, Кавказский, Кубанский, Екатеринославский, Финляндский, Лифляндский и Белорусский и два егерские батальона, 1-й и 2-й Сибирские. В каждом корпусе было по 4 батальона, а в батальоне по 6 рот*), и несколько тысяч Донских, Кавказских, Астраханских, Екатеринославских, Бугских и Верных Казаков (*Часть бывшего запорожского войска, привлеченная щедростью Потемкина, поступила в русскую службу, под именем Войска Верных Казаков*), всего же до 80-ти тысяч человек с 180-ю орудиями. Украинская армия, под начальством фельдмаршала графа Румянцева Задунайского, состояла из 15-ти пеших и 12-ти конных полков, одного егерского и 4-х донских казачьих полков, всего же до 30-ти тысяч человек с 90 орудиями. Кавказский корпус, под командою генерал-аншефа Текели, заключал в себе до 12-ти тысяч человек (*Расписание российских императорских армий, на 1787 год, за подписью князя Потемкина Таврического*). Часть черноморского флота находилась у Севастополя; остальные военные суда, вместе с гребною флотилиею, стояли в пристани Глубокой, несколько ниже Херсона.

Продовольственные запасы добывались в эту войну, подобно тому как и в предшествовавшую, подрядами, покупкою в Польше и реквизициею; но как все эти способы оказались недостаточными, то приступлено было к сбору подушного хлеба в ближайших наместничествах. Екатеринославское, Тамбовское, Харьковское, Курское, Новгород-Северское, Белорусское и Смоленское наместничества снабжали [114] запасами обе армии, а Воронежское Кавказский корпус; обыватели получали за эти запасы от казны плату по торговым ценам (*Сведения о расположении магазинов и об устройстве подвижных магазинов помещены в приложении под лит. С*).

Распоряжения Потемкина, по части устройства госпиталей, были применены к быту и образу жизни русских солдат. Он приказал вывезти из употребления яйца, молоко, кур, и вообще все нежные пищи, а довольствовать больных хорошо говядиною; хлеб давать черный, хорошо выпеченный; для питья употреблять квас, а по утрам и вечерам давать по стакану сбитня, тяжело больным слабого, а выздоравливающим морского (с горячим вином) (*Собственноручная записка князя Потемкина Таврического, о содержании больных в госпиталях, помещена в приложении, под лит. Б*).

Со стороны Порты, приготовления к войне замедлены были внутренними неустройствами. Смятения в Египте и восстание албанского правителя Махмута-паши не позволили туркам выставить более 60-ти тысяч человек; из числа этих войск, большая часть собиралась у Адрианополя, а остальные назначены были для наступательных действий. Баталь-паша принял начальство над корпусом, назначенным для завоевания Крыма; Очаковский паша получил приказание овладеть Кинбурном. Капудан-паша Гассан с флотом отправился из Константинополя, для содействия этим предприятиям. Очаковская крепость, по положению своему, преимущественно подвергавшаяся нападению, усилена была новыми укреплениями, сооруженными под руководством французского инженера [115] Лафитта, и снабжена значительным гарнизоном.

Несмотря на значительное превосходство в числе войск, русские армии, в сем году, не могли с выгодой действовать наступательно; войска паши терпели недостаток в продовольственных и военных запасах; у них не было — ни понтонов, ни осадного парка: все это могло быть доставлено в армии не прежде, как в течение осени и зимы. Обладание Крымом и Кинбурном способствовало обороне южных границ России; но за то — положение Очакова, на фланге нашей операционной линии, проходившей от Ольвиополя на Буге, к нижнему Днестру, не позволяло действовать по этому направлению; а учреждение магазинов в Подолии и движение войск оттуда в Молдавию, (подобно тому, как действовала русская армия в предшествовавшую войну), затруднялись неприязненным расположением Польши. Следовательно, для успеха наступательных действий требовалось, прежде всего, овладеть Очаковым; но позднее время года и недостаток в средствах, необходимых для осады этой крепости, заставили Русских отложить сие предприятие до следующего года, и ограничиться прикрытием своих границ от неприятельского вторжения. С этою целью, войска наши, в начале августа, расположены были следующим образом: Екатеринославская армия в Екатеринославском и Таврическом наместничествах, имея сборным пунктом Ольвиополь; из числа

войск, находившихся в ее составе, 20 батальонов и 38 эскадронов с несколькими казачьими полками, всего до 30-ти тысяч человек, под начальством генерал-аншефа Суворова (*Суворов пожалован был в генерал-аншефы в 1786 году*), назначено было для обороны Кинбурна и Херсона; 26 батальонов и 22 эскадрона, под командою генерал-аншефа Каховского, обороняли Крым, а отряд генерал-майора Розена (2 пехотных и 2 драгунских полка) и 27 полков Войска Донского, под начальством атамана Иловайского, находились на Кубани (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

Действия открылись в августе нападением многих турецких судов на фрегат и бот, под командою капитан-лейтенанта Обольянинова, стоявшие у Кинбурна; но они оборонялись весьма храбро, отразили неприятеля и вошли для исправления в Глубокую Пристань.

Суворов, желая прикрыть как сию гавань, так и Херсон, от покушений турецкой эскадры, приказал поставить батарею для 24-х орудий большого калибра, несколько ниже Глубокой, и пять батарей на впереди лежащих островах. Вместе с тем, обращено было внимание на оборону Кинбурна. На длинной песчаной косе, выдающейся в море против Очакова, находится форт Кинбурн, слабо укрепленный, но важный, по положению своему, в то время, когда турки еще владели Очаковым, потому что он находился на прямом сообщении между этою крепостью и Крымом, и господствовал над входом в Днепровский Лиман. Генерал-майору Реку, с 5-ю тысячами человек (*Состав отряда: Орловский, Шлиссельбургский и Козловский пехотные полки; Мариупольский легкоконный и Санкт-Петербургский драгунский полки; казачьи полки: Орлова, Исаева и Сычева*), поручена была непосредственная оборона [117] Кинбурна. В инструкции, данной ему, Суворов, между прочим, писал: «приучите вашу пехоту к быстроте и сильному удару, не теряя огня по пустому; знайте пастуший час; (*Т. е. умейте уловить благоприятную минуту*)» ордер вашего полевого сражения лучше на два карея, и еще лучше коли можете с третьим резервным за двумя в интервале для крестных огней от артиллерии; резерв внутри кареев — думаю 8-я доля, но не худо иметь стрелков, по четыре в капральстве, коим стрелять без приказа (*Предписание генерал-аншефа Суворова генерал-майору Реку, от 24-го августа 1787 года*).

Ночью на 14-е и на 15-е сентября, турки покушались сделать высадку на берег, в нескольких верстах от Кинбурна, но были опрокинуты подоспевшими туда русскими войсками; между тем турецкие суда беспрестанно бомбардировали форт, откуда так же производилась сильная канонада. Суворов, желая оттеснить турок, потребовал из Глубокой несколько вооруженных судов; в числе их находилась галера Десна, вооруженная 16-ю трехфунтовыми пушками и фалконетами, под начальством мичмана Ломбарда. Этот неустрашимый офицер, заметив, что неприятельские суда удалились на большое расстояние от Очакова, пустился против них на всех парусах, обратил их в бегство, заставил уйти турецкую гребную флотилию под пушки крепости, и нанес неприятелю значительный урон, не потеряв ни одного человека. В этом деле сам Ломбард был легко ранен в ухо. Суворов, находивший [118] Ломбарда *чересчур смелым*, запретил ему нападать без приказанья на турок (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

Все эти сшибки были предвестием кровопролитного кинбурнского дела. Суворов, предвидя неприятельское нападение, прибыл в Кинбурн и устроил на косе несколько батарей. 30-го сентября, турецкие суда усилили бомбардирование Кинбурна, а с рассветом 1-го октября, посыпались ядра и бомбы на форт и на ближайший русский лагерь; с нашей стороны не было сделано ни одного выстрела. По случаю праздника, Суворов со своими офицерами отправился в церковь. Неприятели, ободренные бездействием наших войск, сделали высадку при Биенкой, выше Кинбурна, но были отражены казаками, под начальством генерал-майора Река.

В 9 часов утра, турки, в значительном числе, быстро высадились на оконечности косы и стали устраивать окопы, под руководством Лафитта и других французских офицеров. Суворов позволил им произвести без сопротивления эту высадку, намереваясь уничтожить их одним ударом; беспрестанно приходили суда и, оставляя на берегу находившихся на них людей, отправлялись за другими в Очаков. Таким образом, на оконечности косы, собралось до 5-ти тысяч отборных янычар очаковского гарнизона. Командовавший ими паша, желая побудить их к овладению Кинбурном, отослал в Очаков все суда, служившие для высадки войск.

Суворов, предвидя приступ к форту, расположил [119] Орловский и Шлиссельбургский пехотные полки в первую, а Козловский пехотный во вторую линию; казачьи полки за флангами. Кинбурнский замок занят был двумя ротами Шлиссельбургского полка, а обоз помещен позади замка, под прикрытием двух рот Орловского и Козловского полков. Для поддержания войск, расположенных у Кинбурна, и вместе для обеспечения их от обхода с тыла, поставлены, в 14-ти верстах позади фронта, баталион Муромского и два эскадрона Павлоградского и Мариупольского легкоконных полков. Санкт-Петербургский драгунский полк, стоявший в 36-ти верстах, а равно Павлоградский и Мариупольский, находившиеся еще далее от Кинбурна, получили предписание поспешить в помощь войскам, расположенным на этом пункте.

Между тем турки постепенно подавались вперед, под прикрытием своих окопов. Зная, что близость грунтовой воды не позволяла углублять рвов, ой имели с собою мешки, которые, быв насыпаны песком, служили неприятелям для построения бруствера; таким образом, устроив несколько параллельных окопов и переходя от одного к другому, янычары, в первом часу, приблизились к форту на картечный выстрел. В этот самый момент, открыта была, с нашей стороны, сильная канонада, послужившая сигналом к нападению на турок. Генерал-майор Рек, с пехотою первой линии, ударил в штыки и, с содействием казаков, вытеснил неприятеля из десяти окопов; но янычары продолжали обороняться отчаянно, а турецкий флот, приблизясь к берегу, обстреливал с фланга русские [120] войска и осыпал их бомбами и картечью. Войска наши потерпели большую потерю. Сам Рек был тяжело ранен в ногу; солдаты лишились почти всех своих

начальников, из которых одни были убиты, а другие ранены; турки, пользуясь тем, потеснили наши войска и отбили у них несколько орудий; Суворов принужден был ввести в дело Козловский полк и два эскадрона, стоявших в резерве.

В эту решительную минуту, под ним была убита лошадь. Суворов, приняв ближайшего к нему янычара (который сражался верхом) за одного из своих всадников, приказал ему слезть с лошади; уже турок, пользуясь ошибкою русского вождя, занес на него саблю; но, в этот самый миг, гренадер Шлиссельбургского полка, Новиков заколол штыком янычара, застрелил другого и бросился на третьего. Солдаты, заметив опасное положение любимого начальника, окруженного со всех сторон неприятелями, проложили себе дорогу к нему по вражеским трупам и овладели несколькими окопами. Между тем Ломбард, со своею галерою, принял участие в бою и заставил отдалиться от берега неприятельские суда, из числа которых три были затоплены действием нашей артиллерии.

Сражение продолжалось с переменным успехом; войска обеих сторон перемешались между собою до такой степени, что замок и турецкие суда принуждены были прекратить огонь. Суворов был ранен в бок одним из последних карточных выстрелов.

Уже начинало смеркать; в это время войска наши подкреплены [121] были свежими силами: десять эскадронов, стоявших в расстоянии около 40 верст от Кинбурна, прибыли на рысях и кинулись походною колонною в атаку на неприятеля с фронта, между тем как казаки, двигаясь по отмелям, ударили ему во фланги; пехота возобновила нападение; но турки, возбужденные примером своих дервишей, стояли твердо. Суворов был ранен вторично, пулею в левую руку на вылет; потеря крови ослабила его силы; казаки посадили его на берегу, обмыли его рану морскою водою и перевязали галстухом. «Спасибо! мне лучше, сказал он; так погоним же всех раненых турок в море, да и прочих туда же».

Настала ночь; прибыл батальон Муромского полка; его храбрость, как выразился сам Суворов, *дала первый отвес победе*. Турки, опрокинутые на самую оконечность косы, кидались в разные стороны; некоторые из них покушались спастись вплавь, но только немногим, и вместе с ними Лафитту, удалось достигнуть Очакова. Русская кавалерия довершила уничтожение неприятельских войск и возвратила потерянные пушки. В полночь кончилось дело, стоившее нам 138 человек убитыми и 300 ранеными; со стороны же турок, урон простирался до 4.500 человек.

Суворов, в донесении к Потемкину, выхваляя мужество, оказанное турками в этом деле, писал: «Какие же молодцы, Светлейший Князь! С такими я еще не дирался.» Императрица Екатерина, торжествуя победу при Кинбурне молебствием с пушечною пальбою, сказала: «Суворов поставил нас на колена; но жаль, что старика ранили.» Она благодарила своего [122] героя собственноручным рескриптом и пожаловала ему (9-го ноября) орден Св. Апостола Андрея. В последствии, он получил бриллиантовое перо на каску, с лит. К.

3-го октября, контр-адмирал Мордвинов вышел с херсонскою эскадрою из Глубокой Пристани и в следующую ночь покушался сжечь турецкий флот, стоявший на якоре под Очаковым, по это предприятие не имело успеха. Одна из наших плавучих батарей, под командою капитана Веревкина, преследуемая несколькими неприятельскими судами, снесена была быстрым течением на мель, к турецкому берегу; Ломбард, находившийся на этой батарее, хотел взорвать ее, но был удержан своими и не успел совершить это отважное дело. Экипаж продолжал сражаться на берегу, по был подавлен неприятелями, и частью уничтожен, частью захвачен в плен.

Неудачное покушение турок на Кинбурн заставило их флот отплыть, 12-го октября, от Очакова к Варне (*Рапорт Суворова Князю Потемкину. Описание походов россиян против турок (рукопись). Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Соч. Бантыш-Каменского*).

Войска генерала Текели действовали с успехом за Кубанью, и очистили от неприятельских полчищ все пространство от истока этой реки до устья Лабы.

В конце осени, русские войска расположились на зимние квартиры: Екатеринославская армия в Новороссийской Области, по левую сторону Днепра, а Украинская [123] армия в Подолии, между Баром и Брацлавом, и в окрестностях Умани.

В продолжение зимы, неутомимый Суворов принял меры для обеспечения Кинбурна от неприятельских покушений. В инструкции, составленной им для руководства частных начальников, предписано было: 1) приучать артиллеристов к скорой стрельбе, но в бою стрелять реже, не терять напрасно зарядов и не открывать пальбы на слишком большом расстоянии от неприятеля; 2) пехоте строиться в каре; употреблять построение в развернутом строю в редких случаях, а глубокие колонны *только для деплояд*. Открывать пальбу на таком расстоянии от неприятеля, на каком она может наносить ему вред; приучать солдат к батальному огню, а в бою *стрелять реже, но весьма цельно*; кто расстреляет попусту свои патроны, тот достоин шпицрутена. «Постыдно нам, писал Суворов, что варвары стреляют цельно и пуль своих напрасно не тратят; при всяком случае, наивреднее неприятелю страшный ему наш штык, которым наши солдаты исправнее всех в свете работают. Кавалерийское оружие — сабля! Строевых лошадей, на ученьях, приучать к неприятельскому огню, к блеску оружия его и крику; при быстром карьере, каждый кавалерист «должен уметь сильно рубить.» и проч. (*Извлечено из примечаний генерал-аниефа Суворова*).

Поход 1788 года.

Участие, принятое в войне Императором Иосифом II. — Приготовления обеих сторон. — Силы русских армий и назначение каждой. — Силы и назначение австрийской армии. — Распределение турецких войск. — Гассан-Паши. — Потемкин. — Ласси и кордонная система. — Состав русских армий. — Первоначальные действия Принца Кобургского. — Переправа украинской армии на правую сторону Днестра и движение главных сил Екатеринославской армии вниз по Бугу. — Прибытие к Очакову Гассана-Паши. — Морские силы обеих сторон в Лимане. — Принц Нассау-Зиген. — Смерть Сакена. — Действия в Лимане. — Истребление турецкого флота. — Прибытие Потемкина к Очакову. — Действия австрийцев в Бессарабии и Молдавии. — Сдача Хотина. — Неудачи австрийских войск. — Осада Очакова. — Суворов ранен. — Подвиги Ламбро-Качони в Архипелаге. — Медленные успехи очаковской осады. — Штурм и взятие Очакова. — Зимние квартиры.

[124] В этом году, война должна была принять более решительный характер, как по значительным приготовлениям, сделанным, в течение зимы, воевавшими державами, так и по участию, принятому в войне Австриею.

Император Иосиф II употребил всевозможное старание, чтобы отклонить турок от объявления войны, которая, в то время, была для него весьма тягостна; с одной стороны, произошли смуты в принадлежавших ему Нидерландских областях; с другой — образовался сильный союз против Российской империи и Австрии. Новый король прусский, наследник великого Фридриха, соединился с Англиею и Голландиею для противодействия видам Австрии и России. [125]

В таких обстоятельствах, Императору Иосифу невыгодно было воевать в чужую пользу, в опустошенных пограничных областях Турции. Тем не менее однако же, он, желая изъяснить готовность свою содействовать Императрице Екатерине, и надеясь вознаградить потери свои на счет турок, решился объявить войну Оттоманской Порте, 29 января 1788 года. Князь Потемкин, в продолжение предшествовавшей зимы, обратил особенное внимание на укомплектование, снабжение и устройство армии. Войска были пополнены рекрутами и снабжены в избытке всеми средствами, необходимыми для ведения войны. Превосходство турок в коннице заставило Потемкина усилить нашу легкую кавалерию образованием новых конно-егерских и гусарских (легкоконных) полков. Для приобщения солдат к службе в этих войсках, сокращен был срок ее, в сравнении с пехотою, десятью годами. Но в последствии, военные обстоятельства заставили продлить 15-тилетний срок службы этих солдат, и прослужившим лишнее время давать в награду за три года серебряные, а за пять лет золотые медали. Князь Потемкин также с особенною заботливостью занимался формированием и улучшением казачьих войск, что с одной стороны способствовало к прикрытию наших границ без ослабления армии, а с другой очищало Польшу и турецкую границу от беспокойных людей, и лишало турок средств к комплектованию арнаутских и запорожских полчищ (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*). [126]

Со стороны Порты, приготовления к войне были облегчены европейскими державами, неприязненными России и Австрии. Франция и Англия, враждебные между собою, усердно поддерживали турок и помогали им всеми средствами. — Лафитт строил новые крепости и усиливал старые; французские артиллеристы обучали турецких пушкарей. Англичане доставили в Константинополь легкие медные пушки и значительное число судов.

Русские войска разделены были на две армии, Екатеринославскую и Украинскую, и Кавказский корпус.

Екатеринославская армия, под командою князя Потемкина-Таврического, в числе 80-ти тысяч, не считая казаков, назначена была для овладения Очаковым и для охранения Крыма. Украинская армия, под предводительством графа Румянцева-Задунайского, в числе 37 тысяч регулярных войск, должна была действовать на пространстве между Бугом и Днестром, прикрывать осаду Очакова и сохранять сообщение с австрийскими войсками. Кавказский корпус генерала Текели, в числе 18-ти тысяч человек, обеспечивал южную границу России, на пространстве между Черным и Каспийским морями.

Черноморский флот должен был охранять южные берега Тавриды и нападать на неприятельские приморские пункты. Балтийский флот, с высадными войсками, назначался для отправления к острову Негропону и для возбуждения восстания греков и других христиан, подвластных Порте. Образование греческих корсеров (из числа которых впоследствии приобрел наибольшую известность майор Ламбро-

Качони) способствовало нанесению вреда судам [127] неприятельским. В то же время, агенты Потемкина возбудили общее восстание в Черногории и открыли сношения с Скутарским пашою, возмущившимся против Порты.

Со стороны Австрии, сделаны были также большие приготовления к войне. Австрийская армия, в числе 125-ти тысяч человек, на основании кордонной системы (*Под названием кордонной системы разумеют раздробленное расположение войск, занимающих многие пункты, выгодные, в оборонительном отношении, для непосредственного прикрытия страны*) генерала Ласси, расположена была и долженствовала действовать на всем пространстве границ Австрии с Турциею. Главные силы, под личным начальством императора Иосифа, назначались для овладения Шабачем и Белградом и для занятия Сербии; корпус Принца Лихтенштейнского, расположенный в Кроации, угрожал вторжением в Боснию; корпуса Вартенслебена и Фабри назначены были для вторжения в Валахию; а корпус принца Саксен-Кобургского, в числе от 15-ти до 18-ти тысяч человек, для вторжения в Молдавию и для сохранения сообщения между Австрийскою и Украинскою армиями.

Турки, с своей стороны, успели усилить к весне свои полчища до 300 тысяч человек, считая в том числе и крепостные гарнизоны. В Очакове, Бендерах и Хотине находилось более 40 тысяч; такие же силы занимали оборонительную линию по Днестру: следовательно, для действий в поле оставалось не менее 200 тысяч. Турки решились обратить главные усилия против Австрийцев, ограничиваясь с другой стороны удержанием русских войск. С [128] этою целью, до 150-ти тысяч человек, под начальством верховного визиря, назначено было для действий по направлению на Софию к Белграду; очаковский гарнизон усилен был до 20-ти тысяч, а новый крымский хан, Шах-Бас-Гирей, избранный татарскими старшинами в Константинополе, собрал до 50-ти тысяч турок у Измаила. Капудан-паша Гассан отплыл, в первой половине мая, со значительным флотом от Константинополя к Очакову, для поддержания гарнизона сей крепости, уничтожения русского флота и завоевания Крыма. Старый, но бодрый и решительный Гассап, надеясь на огромное превосходство турецких морских сил, уверял, что «он возвратится в Константинополь завоевателем Крыма, либо положит голову.»

Гассан обладал большими практическими сведениями по части командования флотом, и был необыкновенно деятелен. С прискорбием видел он расстройство управления Оттоманской Порты, и не щадил ничего, чтобы замедлить падение своего отечества, которого, в продолжение многих лет, он был надежнейшею опорою. Ничто не могло поколебать его решительности; ничто не было для него невозможным; никакие неудачи не смущали его. После поражения при Чесме, он один не потерял присутствия духа, и спас столицу султанов, заставив русских удалиться от Лемноса. В продолжение мира, он же восстановил морские силы турок, и, начальствуя ими, готовился испытать счастье в новой отчаянной борьбе с русским флотом.

Казалось, никогда еще Порты не была подвержена такой опасности, какая угрожала ей при открытии этого [129] похода. Многочисленные благоустроенные армии, поддержанные средствами двух первостепенных государств, ободренные воспоминаниями постоянных успехов русского воинства, готовились вторгнуться с нескольких сторон в пределы Турции, которая могла противопоставить им только нестройные ополчения, лишенные всех вещественных средств, необходимых для ведения войны. Успех союзников, казалось, не подлежал сомнению; но судьба решила иначе, и причину тому должно искать в характере и свойствах главных вождей союзных армий, Потемкина и Ласси.

Потемкин, командовавший в этом походе главною русскою армиею, и впоследствии всеми русскими войсками, не обладал решительностью и постоянною деятельностью, столь необходимыми качествами для успешного ведения войны. Он был храбр лично в бою и смел в составлении предначертаний; но когда доходило дело до их исполнения, то затруднения и заботы волновали его до такой степени, что он не мог ни на что решиться. В продолжение мира, он составил множество планов для завоевания Константинополя; но когда началась война, то долго не мог решиться на осаду Очакова: сперва останавливали его заботы на счет обеспечения продовольствования войск; потом — неуместная осторожность. «Теперь уже турки не те, какие были прежде, говорил он; они могут побить нас.» Время проходило; между тем, и полководец и вверенная ему армия оставались в бездействии.

Главнокомандующим австрийскою армиею назначен был Ласси, сын русского фельдмаршала, перешедший [130] еще в молодых летах в австрийскую службу. Семилетняя война, в которую он исправлял должность начальника штаба Дауновой армии, проложила ему путь к отличиям и славе: ему приписывали нападение при Гохкирхе и те искусные марши, которыми Даун изумлял своих современников; «Ласси, с австрийским отрядом, участвовал также в нападении Тотлебена на Берлин. Эта война имела большое влияние на военное образование Ласси. Пример Дауна, раздроблявшего свои силы для одновременного занятия многих крепких местных пунктов, и страх, внушенный прежними подвигами Фридриха, заставили австрийцев, в войну за Баварское Наследство, избегать боя и располагать войска в виде растянутой линии: таково было начало кордонной системы. Несмотря на невыгоды и опасность этой системы, она достигла цели, предположенной ее основателем, Ласси. Фридрих, уже в преклонных летах, и ведший войну не для собственного выгода Пруссии, а в защиту неприкосновенности владений Германского Союза, ограничивался наблюдением неприятельской армии; в продолжение целого лета, австрийцы, действуя против Фридриха, не подверглись поражению. Император Иосиф II и Ласси, считая весьма выгодным такой результат действий, вывели заключение, что, для одержания перевеса над противником, достаточно располагать войска, растягивая их в виде кордона. Но вскоре горький опыт показал на деле, что не только система, основанная на столь зыбких началах, но и вообще никакая система действий не должна служить постоянным

руководством для военачальника. [131]

В половине мая, главные силы Екатеринославской армии, назначенные для осады Очакова, собрались у Ольвиополя, в числе 40 тысяч человек регулярных войск и 6-ти тысяч казаков (*Состав главных сил Екатеринославской армии. Лифляндский и Бугский егерские корпуса; гренадерские полки (состоявшие в 4-х батальонном составе): Екатеринославский, Астраханский и Таврический; мушкетерские полки: Тамбовский, Херсонский, Алексопольский и Полоцкий; гренадерские батальоны: Фишера и Сакова; Екатеринославский кирасирский; легкочконные (гусарские) полки: Херсонский, Украинский, Харьковский, Елисаветградский, Изюмский, Полтавский, Ахтырский, Александрийский, Сумский, Ольвиопольский и Воронежский; 13-ть казачьих полков. (Извлечено из Атласа последней Турецкой войны, составл. полковником бароном Тизенгаузеном, в 1793 году)*). В то же время, три дивизии Украинской армии, в числе 27-ми тысяч, собрались на пространстве от Винницы до Ободовки, а дивизия (2-я) генерал-аншефа графа Салтыкова, в числе 10-ти тысяч, расположена была у Нового-Константинова, с тою целью, чтобы содействовать австрийцам (*Состава Украинской Армии: гренадерские полки: Сибирский, Малороссийский, Санкт-Петербургский и Московский; мушкетерские полки: Ингерманландский, Новгородский, Черниговский, Архангелогородский, Углицкий, Смоленский, Апишеронский, Ростовский, Тульский и Витебский; шесть гренадерских батальонов; четыре егерских батальона: всего 46 батальонов. Орденский кирасирский полк; карабинерные полки: Киевский, Черниговский, Глуховский, Нежинский, Стародубовский, Рязанский, Тверской, Северский, Переяславский, Софийский и Лубенский: всего 52 эскадрона; шесть донских казачьих полков; девять артиллерийских рот. (Извлечено из расписаний Украинской армии)*).

Между тем принц Кобургский, надеясь без больших затруднений овладеть Хотинном, и не желая делиться с русскими славою этого успеха, подступил, еще в феврале, к сей крепости; но был принужден отказаться от своего покушения. Затем, сосредоточив до 15-ти тысяч человек в Буковине, он [132] решился осадить Хотин; покорение этой крепости было необходимо, как для обеспечения австрийской армии с левого фланга, так и для открытия принцу надежных сообщений с Украинскою армиею. Но чтобы приступить к исполнению этого предприятия, с верною надеждою успеха, Принц Кобургский желал сперва оттеснить турецкий отряд, расположенный тогда между Яссами и Хотинном, за речкою Ларгою, впадающею в Прут у Липкан (*Эту речку не должно принимать за ту, на которой произошло сражение 7-го июля 1770 года*). Полковник Фабри, посланный с 5-ю тысячами войск к Ларге, разбил, 7-го апреля, 6 тысяч турок, захватил, вслед за тем, молдавского господаря Александра Ипсиланти и занял Яссы (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

Между тем, по взаимном сношении обоих наших главнокомандующих, Румянцева и Потемкина, решено было, чтобы Украинская армия переправилась через Днестр и расположилась между сею рекою и Прутом, для надежнейшего отвлечения турок от Очакова; 2-я же дивизия этой армии, состоявшая под начальством графа Салтыкова, по просьбе принца Кобургского, должнаствовала содействовать ему в осаде Хотина. На основании изложенных соображений, 1-я дивизия, в числе 13-ти тысяч, переправясь, 20-го июня, чрез Днестр, у Могилева, расположилась, 1-го июля, у Плопи; 3-я и 4-я дивизии, в числе 14-ти тысяч, под начальством генерал-аншефа Эльмпта, переправились несколько ниже Сороки и были выдвинуты к Отта-Альба; наконец, 2-я дивизия, графа [133] Салтыкова в числе 10-ти тысяч, переправилась, 15-го июня, у Малиницы, в 15-ти верстах ниже Хотина, и, вместе с корпусом Принца Кобургского, обложила сию крепость, 21-го (*Состав дивизии графа Салтыкова: Санкт-Петербургский гренадерский, Черниговский и Архангелогородский мушкетерские полки; 4-й и 5-й гренадерские батальоны; один егерский батальон: всего 11 батальонов. Глуховский, Нежинский и Софийский карабинерные полки; всего 12 эскадронов; один донской казачий полк, и 2 артиллерийские роты (расписание Украинской армии)*). Осадные работы начались 2-го июня (*Описание Турецкой Войны 1787 — 1791 г. составленное инженер-генерал-поручиком Тучковым (рукопись)*).

Между тем войска Екатеринославской армии, назначенные для осады Очакова, переправились, 25-го мая, на правую сторону Буга, у Ольвиополя, и двинулись вниз по реке, с необычайною медленностью. Суворов, тогда находившийся в Кинбурпе, вызывался штурмовать Очаков; но Потемкин, предоставляя себе самому покорение сей крепости, отклонил это предложение (*Smidt, Suworow's Leben*).

В конце мая, появился в Лимане Капудан-Паша с турецким флотом, состоявшим из 13-ти линейных кораблей, 15-ти фрегатов и 32-х мелких судов (канонирских шлюпок, шебек, карлангичей, и проч.). Цель действий Гассана заключалась в том, чтобы усилить гарнизон Очаковской крепости, уничтожить русский флот и за тем приступить к завоеванию Крыма. В это самое время, наши морские силы, состоявшие из парусной эскадры и гребной [134] флотилии, стояли в Глубокой Пристани, около 50-ти верст от Очакова: первая, в числе 5-ти линейных кораблей и 8-ми фрегатов, находилась под начальством контр-адмирала Поль-Джонса, приобретшего известность в Североамериканскую Войну; а гребная флотилия, состоявшая из 60-ти малых судов (галер, плавучих батарей, шлюпок, и проч.) и 80-ти запорожских лодок, была под командою принца Нассау-Зиген. Этот славный воин, как рыцарь старых времен, искал по всему свету приключений и опасностей, охотился в Африке за львами и тиграми, совершил с Бугенвилем кругосветное путешествие, и командовал, при осаде Гибралтара, одною из плавучих батарей. При открытии действий под Очаковым, принц вызвался начальствовать нашею гребною флотилиею, и показал себя достойным вождем отважных моряков русских.

Появление Гассана под Очаковым ознаменовалось геройским самопожертвованием капитана 2

ранга Сакена.

Этот офицер, посланный принцем Нассау, на большой шлюпке, из Глубокой, с донесением к Суворову, в Кинбурн, должен был отправиться оттуда обратно к флотилии, в то самое время, когда передовые турецкие суда уже входили в лиман. Предвидя угрожавшую ему опасность, Сакен сказал на прощанье командиру Козловского полка, подполковнику Маркову: «мое положение опасно, но честь свою могу еще спасти. Когда турки атакуют меня двумя судами, я возьму их; с тремя буду сражаться; от четырех не побегу; но если нападут более, тогда прости, Федор Иванович! Мы более не увидимся.» Едва лишь успел Сакен отплыть на половину [135] расстояния от Кинбурна до Глубокой Пристани, как погнавшиеся за ним тридцать турецких судов стали настигать его. Желая спасти своих подчиненных, Сакен отправил девять матросов, в бывшей при нем лодке, в Глубокую, и приказал им уведомить флотилию о его опасном положении, и объявить, что ни он, ни вверенное ему судно в руках турок не будут. Неприятельские суда окружили его со всех сторон; два из числа их сцепились с русскою шлюпкою; уже турки готовились кинуться на abordаж... В этот самый момент, Сакен бросил горящий фитиль в открытую пороховую бочку и взлетел на воздух; матросы, спасенные им, уверяли, будто бы ему не удалось истребить турецких судов, его окружавших; но как бы то ни было, а геройская смерть Сакена показала туркам, с какими неприятелями они имели дело. Императрица Екатерина удостоила сожалением своим память храброго, и пожаловала пенсию вдове Сакена (*Донесение императрице Екатерине II князя Потемкина. — Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

7-го июня, произошло довольно упорное дело между гребными флотилиями противных сторон, в Днепровском Лимане. Несмотря на мужество Гассана, ободрявшего личным примером своих моряков, турки принуждены были уйти к Очакову, с потерей трех судов, взорванных удачным действием нашей морской артиллерии.

Суворов, не упускавший никогда из вида средств вредить неприятелю, приказал устроить на оконечности [136] Кинбурнской косы батарею из 24-х орудий большого калибра (24 ф. и 18 ф.), с тою целью, чтобы господствовать над входом в Днепровский Лиман. Эта батарея обеспечена была особым прикрытием, состоявшим из 2-х батальонов (*Anthing. Smidt.*).

Между тем Гассан, возбуждаемый желанием отомстить за понесенную им неудачу, решился на отчаянное предприятие. Несмотря на множество мелей, соделывавших плавание в Лимане опасным даже для малых судов, он отплыл, в вечеру 16-го июня, со всем своим флотом и гребною флотилиею, от Очакова, и, с помощью искусных лощманов, пройдя Фарватером между мелями, приблизился к русскому флоту на пушечный выстрел; суда его стали на якорь в две линии: первая состояла из кораблей и фрегатов, а вторая из кирлангичей, шлюпок, и проч. С нашей же стороны, впереди находилась гребная флотилия, а за нею парусный флот. Турки с презрением смотрели на небольшие наши суда и были совершенно уверены в победе.

Едва лишь начало рассветать, как турецкий флот снялся с якоря; наша гребная флотилия, не выжидая нападения, двинулась на встречу неприятелю, и бой возгорелся по всей линии. Принц Нассау командовал левым крылом, против которого действовали самые наибольшие корабли, а бригадир Алексиано правым. Спустя около часа со времени открытия канонады, 64-х пушечный турецкий корабль сел на мель; в след за тем адмиральский корабль Капудана-пашы [137] подвергся той же участи. Принц Нассау, желая овладеть сими кораблями, послал против них часть своих галер. Турки оборонялись отчаянно и нанесли картечным и ружейным огнем значительный урон черноморским казакам, штурмовавшим трехпалубные корабли неприятельские; наконец, после многих напрасных покушений, черноморцы взлезли на abordаж; но уже не могли спасти своей добычи. Турецкие корабли, зажженные нашими брандскугелями и калеными ядрами, были объаты пламенем; казакам удалось спасти многих неприятелей, захваченных в плен, либо кинувшихся в воду; остальные же все турки, бывшие на кораблях, посаженных на мель, вместе с ними взлетели на воздух. Несколько меньших турецких судов было потоплено; другие захвачены; наконец, после отчаянной борьбы, продолжавшейся четыре часа, русские одержали совершенную победу. Во все это время, Гассан беспрестанно подвергался величайшим опасностям. Герой, развезжая на своем кирлангиче, под жесточайшим огнем русских судов, являлся везде — везде отдавал приказания. Не менее мужества оказали, с нашей стороны, бригадир Алексиано, подполковник Рибас 2-й, Де Винтер, французской службы полковник Рожер Дамас, и в особенности сам принц Нассау.

Гассан-паша, обманутый в надеждах своих уничтожить русскую эскадру, был принужден отступить; но он отступал как лев, прикрыл обратное плавание своих легких судов кораблями и фрегатами, и отошел к Очакову. Наша гребная флотилия преследовала неприятеля, и стала на якорь, в [138] расстоянии пушечного выстрела от турецкого флота, выжидая время снова атаковать его. Между тем Гассан решился оставить Очаков и соединиться с частью своего флота, находившегося в открытом море. Имея в виду уйти скрытно из Лимана, он снялся с якоря в ночи с 17-го на 18-е июня. Но едва лишь турецкий флот поравнялся с батареею, устроенною Суворовым на оконечности кинбурнской косы, как открыта была по неприятельским судам сильнейшая канонада. Турки, не знавшие вовсе о сооружении этой батареи, полагали, что они попали под пушки кинбурнского форта и старались выйти, как можно скорее, в море. Гассану удалось спасти передовые корабли от угрожавшей им гибели; но прочие суда частью сели на мель, частью остановились, потерпев сильный вред от действия нашей артиллерии. Между тем, в первом часу, взшел месяц; почти ни один из наших выстрелов не был потерян; неприятельский флот, поражаемый калеными ядрами и другими зажигательными снарядами, пришел в чрезвычайное смятение; корабли пылали и один за другим взлетали на воздух; кругом их, все пространство усеяно было обломками судов и людьми,

встречавшими смерть во всех возможных видах.

Между тем, на русской флотилии, слышна была пальба кинбурнской батареи; принц Нассау и неустрашимые сподвижники его с нетерпением желали принять участие в бою; но как весьма опасно было предпринять движение ночью, чрез пространство, усеянное мелями, то и решено было дожидаться рассвета. Еще в ночи, получена была записка от Суворова: «непобедимый [139] Дориа, писал он принцу, пора захватить в плен преемника Барбароссы.» В это время, Гассан уже успел уйти в море; оставалось истребить турецкие суда, стоявшие под пушками Очакова. 18-го, на рассвете, принц Нассау, не обращая внимания на огонь крепости Гассан-пашинского замка и турецких кораблей, там стоявших на якоре, направил свою гребную флотилию двумя колоннами, обогнул с обеих сторон неприятельский флот своими судами, в виде полумесяца, и атаковал огромные корабли галерами и шлюпками. Поль-Джонс, не могший за ним следовать с флотом, по мелководью лимана, сопровождал принца, стараясь умерить его пылкость. «Мы идем на верную гибель, сказал он ему; слыханное ли дело атаковать лодками 74-х пушечные «корабли? Нас разобьют в щепы.» — «Отнюдь нет! отвечал принц; этим громадам не достает души, а турецким орудиям меткости. Они стреляют на воздух. Пойдем на турок, под огненным сводом их выстрелов, и уничтожим их.» Принц сдержал свое слово. Русские шлюпки и галеры, несмотря на жестокою канонаду неприятельских кораблей и фрегатов, подплыли к бортам их; наши отважные моряки, сцепившись с неприятельскими громадами, взлезали на них, захватывали пленных, забирали добычу и удалялись прежде нежели плававшие турецкие суда взлетали на воздух. Мало по малу умолкал огонь; наконец, около полудня, мертвая тишина водворилась на месте побоища.

Турки потеряли, в оба эти дни, и в бедственную для них ночь с 17-го на 18-е июня, до трех тысяч человек убитыми и потонувшими; в плен [140] взято 1763; сожжено неприятельских 7 кораблей и 8 других судов; взят 60-ти пушечный корабль и захвачено 2 фрегата и несколько небольших судов. Те же турецкие суда, которым удалось уйти, находились в жалком состоянии; из числа их, два корабля потонули в открытом море. Остальные суда спаслись под пушками Очакова, но ненадолго: принц Нассау совершенно уничтожил их, 1-го июля. С нашей стороны, урон, в оба дни, 17-го и 18-го июня, не превосходил 18-ти человек убитыми и 68-ми ранеными: в числе последних был обер-квартирмейстер подполковник Рибас 2-й, потерявший руку. Потеря же наших войск, 1-го июля, была более значительна и простиралась до 100 человек; в числе убитых находился старый запорожский атаман, Сидор Белый (*Описание Турецкой Войны 1787 — 1791 г., составленное инженер-генерал-поручиком Тучковым — Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

В продолжение времени описанных нами действий, князь Потемкин вел свои войска обоими берегами Буга, двигаясь медленно и останавливаясь везде, где только находил удобства жизни. Получая известия об успехах созданного им флота, Потемкин радовался им, приписывая их покровительству заступника своего Св. Георгия, но не торопился принять участие в действиях, и прибыл к Очакову не прежде 28-го июня. Таким образом для марша, на протяжении около 200 верст, употреблено было пять недель.

Обратимся к действиям наших союзников.

[141] Переправа Украинской армии на правую сторону Днестра и занятие Ясс отрядом Фабри (произведенного, в награду за то, в генерал-майоры) обещали оружию союзников значительные выгоды; но вскоре дела приняли менее благоприятный оборот. Едва лишь начальники австрийских отрядов, выдвинутых в Молдавию (*Отряды сии расположены были у Фокшан, Окна, Бакеу и Ясс*), узнали о скоплении турецко-татарских полчищ хана Шах-Бас-Гирея в окрестностях Рябой-Могилы и о появлении турок у Бухареста, как, предавшись паническому страху, отступили к границам Трансильвании; Фабри, очистив Яссы, ушел к Ботушанам, что поддало возможность хану занять столицу Молдавии, 22-го июня. Румянцев, узнавши, что силы неприятеля простирались до 60-ти тыс. человек, и опасаясь, чтобы он не кинулся к Хотину, в то время обложенному союзниками, решился прикрыть осаду этой крепости русскими войсками. Недостаток в продовольствии несколько замедлил исполнение сего намерения; наконец дивизия Эльмпта выступила, в половине июля, из лагеря при Отта-Альба, и прибыла, 22-го, к босерканскому кургану, в 3½ верстах от Прута, а генерал-лейтенант Сплени, сменивший генерала Фабри, перешел к Строешти. Сообщение между этими отрядами производилось чрез понтонный мост, устроенный на Пруте близ сел. Таборы.

К сожалению, в действиях союзников не доставало согласия. Румянцев хотел, чтобы, для надежнейшего прикрытия осады Хотина от ханской армии, [142] дивизия Эльмпта переправилась на правую сторону Прута и соединилась с австрийским отрядом; но Сплени, возгордясь маловажным успехом, одержанным его войсками в одной из сшибок с турками, отказывался от соединения с Эльмптом; но потом, внезапно изменив образ мыслей, просил, чтобы русская дивизия перешла на правую сторону Прута и соединилась с австрийцами. Между тем, в ханской армии, наскучившей бездействием, начались победы, ежедневно ее ослаблявшие. Румянцев, войдя в сношение с Принцем Кобургским, решился воспользоваться этим обстоятельством, оттеснить хана к Дунаю, и тем обеспечить осаду Хотина. Для достижения сей цели, генерал Эльмпт переправился чрез Прут, 17-го августа, и, соединившись с отрядом Сплени, занял Яссы, откуда хан, не выждав наступления союзников, отступил к Рябой-Могиле. Но вскоре за тем, генерал Сплени

получил повеление императора Иосифа идти к границам Трансильвании, угрожаемой нашествием турок, которым удалось одержать решительный перевес над австрийскими войсками. Румянцев, видя необходимость поддержать Эльмпта, двинулся с первою дивизиею, 31-го августа, от Плопи к Пруту, прибыл, чрез Загаранчу, к Цецоре, и соединился, близ этого пункта, с 4-ю дивизиею Каменского, прибывшею с речки Отгы-Альбы, 17-го сентября (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*). — Бутурлин. — *Карта части Молдавии и Бессарабии, с показанием маршей и лагерей Украинской Армии, в 1788 году*).

Между тем осада Хотина уже продолжалась более [143] двух месяцев. Но медленные действия принца Кобургского и графа Салтыкова не подавали надежды к скорому покорению крепости, Несмотря на то, что она обложена была еще 21-го июня, траншеи открыты не прежде 2-го июля. Три дни спустя, построено было пять батарей на левой стороне Днестра, у деревни Браги, чтобы не допускать осажденных к воде. От действия артиллерии союзников город загорался ежедневно несколько раз; янычары, приведенные в уныние, несмотря на убеждения коменданта крепости, Османа-паши, поговаривали о сдаче. Принц Кобургский, узнавши о том от пленных турок, предложил, с согласия графа Салтыкова, Осману-паше сдать крепость. Турки готовы были согласиться на предложенные им условия, 21-го июля; но, получив от двух переодетых спагов, проникших в город, известие о движении в помощь Хотину сильного корпуса, который, по словам спагов, должен был прибыть через 11 дней, просили отсрочить сдачу крепости до 1-го августа. Начальники союзных войск отказали в том, и действия возобновились 25-го июля. Осажденные произвели несколько вылазок против русских войск, занимавших правое крыло общего расположения союзников; но были отражены с уроном, причем в особенности отличились, 31-го июня, Белорусский егерский корпус и Санкт-Петербургский гренадерский полк. Наконец турки, томимые голодом, сдали город, 18-го сентября, и отправились, под австрийским конвоем, до Рябой-Могилы. Военная добыча состояла из 167 орудий и множества снарядов. Крепость была занята двумя австрийскими батальонами. [144]

Дивизия Салтыкова, назначенная для прикрытия подвозов главных сил Украинской Армии, стоявших у Цецоры, двинулась, чрез Бельцы, к Оргей, куда и прибыла в конце октября. Войска же Принца Кобургского отправились, чрез Батушаны, к Роман, для поддержания трансильванского корпуса (*Описание Турецкой войны 1787 — 1791-гг., составленное инженер-генерал-поручиком Тучковым, — Описание походов россиян против турок*).

Мы уже имели случай упомянуть, что императрица Екатерина предполагала послать балтийский флот в Архипелаг; но внезапное вооружение Густава III против России не позволило исполнить этого намерения. Предлогом к разрыву с нашим правительством послужила королю нота русского посланника графа Разумовского, в которой, между прочим, было сказано: «Императрица желает убедить короля, министерство и шведский народ в искренности своих дружественных видов.» Густав находил оскорбительным, что упоминалось о народе отдельно от его особы, и, под этим ничтожным предлогом, приказал шведскому резиденту в Петербурге, Шлафу, подать ноту, в которой требовал: 1) взыскание с графа Разумовского за (мнимое) оскорбление; 2) уступку Финляндии и Карелии до Систербекка; 3) возвращение Крыма Оттоманской Порте и принятие посредничества короля, в переговорах России с сею державою. Вместе с тем, Густав требовал решительного ответа, *да* или *нет*, объявляя войну, в случае несогласия на предложенные им условия. Ответом на эту дерзкую ноту было повеление Шлафу [145] немедленно выехать из столицы. Когда граф Сегюр, в присутствии Императрицы, заметил, что Густав писал так, как будто бы выиграл уже три сражения, то Екатерина возразила: «если бы он «выиграл их, и даже овладел Петербургом и «Москвою, и тогда не приняла бы я столь унижительных условий, и показала бы, что можно сделать, предводительствуя русскими.»

Последствия не оправдали надежд высокомерного Короля Шведского; но Императрица принуждена была обратить балтийский флот на оборону столицы своей. Турки, обеспеченные со стороны морем, получили возможность усилить ополчения, действовавшие против австрийских войск, и перейти от обороны к наступлению. Между тем как австрийцы теряли время в бездействии, имевшем последствиями повальные болезни и упадок духа в войсках, верховный визирь Юсуф, человек ограниченных способностей, но решительного характера (что всего важнее в военном деле), успел собрать у Ниссы до 70-ти тысяч человек, и в августе двинулся с ними, чрез Орсову, в Баннат, между тем как турецкий отряд, под начальством господаря Маврогени, направился в Трансильванию. Генерал Вартенслебен, командовавший войсками в Баннате, не имея возможности удерживать многочисленную неприятельскую армию, стал отступать, потерпел поражение при Мегадии, 17-го августа, и отошел за р. Темеш. Турецкие полчища опустошили совершенно занятую ими страну, а между тем император Иосиф, с 40 тысячами человек, выступил из Землина к Каран-Шебешу, соединился там с Вартенслебеном и двинулся [146] навстречу визирю. 3-го сентября, произошло сражение при Слатине, в котором австрийская армия была разбита и принуждена отступить. Визирь, не ограничиваясь одержанными успехами, преследовал австрийцев, неожиданно напал на них, в ночи с 10-го на 11-е сентября, при Лугоше, и нанес им совершенное поражение. Артиллерия, обозы и даже собственные экипажи императора попали в руки Турок; император Иосиф и эрц-герцог Франц едва было не подверглись гибели. Беспорядок и замешательство австрийских войск простиралось до того, что одни части их, в темноте, стреляли по другим. Эта страшная ночь долго оставалась в памяти австрийцев. Турки могли одержать еще большие успехи, по внезапно возвратились назад и, при наступлении зимы, разошлись по домам.

При вторжении в Баннат, турки, считавшиеся неспособными к правильным военным соображениям, действовали с искусством и деятельностью. Они производили обходные движения, нападали с флангов,

побеждали на всяком шагу, и показали себя практически знающими в тактике, между тем как австрийские военачальники, раздробив свои силы, принуждены были ограничиться собственной обороной, изнурили свою армию и не умели предохранить себя ни от обходов, ни от нечаянных нападений.

Император, недовольный действиями Ласси, вверил начальство над войсками в Кроации знаменитому Лаудону, который, своею деятельностью, дал совершенно иной оборот действиям, перешел от обороны [147] к наступлению и овладел крепостями на Унце, Дубицею и Нови (*Smidt. Suworow's Leben.*).

Между тем продолжалась осада Очакова.

По прибытии в окрестности города, в конце июня, Екатеринославская армия оставалась в бездействии целые три недели, до 20-го июля. Осадные работы, предпринятые в это время, для вытеснения неприятеля из садов, в которых он укрывался, начаты были в расстоянии 3½ верст от крепости. В одну из первых перестрелок, был убит екатеринославский губернатор, генерал-майор Синельников. Русские войска расположились полукружием, в 3½ верстах от Очакова, упираясь флангами в Черное море и Лиман. Правым крылом и центром командовал генерал-аншеф князь Репнин, а левым крылом генерал-аншеф Меллер; на оконечности этого крыла, стоял Суворов (прибывший с Фанагорийским гренадерским полком из Кинбурна).

В это время, Очаков находился совершенно ином виде, нежели во времена Миниха. Французские инженеры употребили все средства своего искусства для приведения сей крепости в наилучшее состояние. Но не столько важна была она сама, сколько внешние ее укрепления, могущие служить укрепленным лагерем для целой армии. Крепость имела фигуру продолговатого неправильного четвероугольника, примыкавшего одною из сторон к Лиману. Эта сторона была прикрыта простою каменною стеною, а прочие три обнесены валом с сухим рвом и гласисом; [148] кроме того, впереди сооружена была линия редантов, а в углу, образуемом морем и Лиманом, пятиугольный замок с весьма толстыми стенами — *Гассан-Паши*. Гарнизон состоял из 20-ти тысяч человек. Осадные работы затруднялись свойствами окрестной местности, песчаной и каменистой. Турецкие войска, оборонявшие Очаков, готовы были держаться в крепости до последней крайности. Мужественный дух их был еще более возвышен возвращением капудана-паши, который, после нерешительного сражения при Фидониси (*Фидониси (змеиный остров) лежит на Черном море, в 43-х верстах к В. от сулинского устья Дуная*), 31-го июля, против севастопольской эскадры контр-адмирала графа Войновича, направился сперва к берегам Румелии, а потом к Очакову. По прибытии турецкого флота, в числе 15-ти линейных кораблей, 10-ти Фрегатов и 44-х меньших судов к острову Березани (лежащему в Черном море, около 10-ти верст к западу от Очакова), Гассан-Паши расположился близ острова, в конце июля, и беспрестанно тревожил войска осадной армии, в продолжение трех месяцев, пока наконец наступление бурной поры заставило его удалиться от Очакова (*Описание Турецкой Войны 1787 — 1791 г. составленное, инженер-генерал-поручиком Тучковым. — Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

Несмотря однако же на все эти затруднения, можно было, действуя настойчиво, покорить Очаков в непродолжительное время; но главною помехою тому была нерешительность нашего главнокомандующего. [149]

С одной стороны, смущали его преувеличенные сведения о минах, устроенных французскими инженерами, и потому он хлопотал о получении из Парижа верного плана крепости, со всеми ее минными галереями, и не щадил для этого никаких издержек; с другой, он твердо уверен был в том, что очаковский комендант, Убедившись в невозможности при бытия вспомогательных войск, предложит сдать город на капитуляцию. «Зачем терять даром людей? Не хочу брать штурмом Очакова: пусть он добровольно покорится мне,» говорил он с самоуверенностью, и, оставаясь в надежде близкой сдачи крепости, не позволял никому действовать решительно. Такая самоуверенность была весьма неосновательна. Турки переносят с чрезвычайным терпением всевозможные труды и лишения, прежде нежели решаются на сдачу вверенной им крепости. Очаковский паша готов был защищаться до последней крайности, и все покушения Потемкина поколебать его решительность не имели ни малейшего успеха.

Вся Европа обращала напряженное внимание на осаду Очакова; многие молодые люди стремились туда от всех концов Европы, желая принять участие в великом предприятии, обещававшем отличия и славу; но нерешительность вождя поражала бездействием подчиненную ему армию. Лагерь наполнен был множеством посетителей и посетительниц; разнообразные увеселения служили развлечением и отдыхом воинам; между тем, осадные работы подвигались весьма медленно.

Подобный образ ведения войны не нравился многим; в особенности же скучал бездействием Суворов. [150] Несколько раз покушался он побудить фельдмаршала к решительным мерам; Потемкин оставался в бездействии. Наконец Суворов, выведенный из терпения, решился, смелым нападением на Турок, увлечь за собою и главные силы армии, и самого главнокомандующего. С этою целью, 27-го июля, отбив небольшую вылазку турок, Суворов с двумя батальонами Фанагорийского гренадерского полка, построенными в кареях, атаковал неприятельские шанцы, надеясь на содействие вблизи стоявших войск. Но Потемкин приказал им оставаться на месте и послал Суворову строгое приказание отступить. Герой наш, стараясь, под градом неприятельских пуль, отвести в порядке назад своих гренадер, был ранен в шею и принужден оставить место побоища. Потеря фанагорийцев в этом деле простиралась убитыми до 140 и ранеными до 200 человек (*Описание Турецкой Войны 1787 — 1791 г. составленное инженер-генерал-поручиком Тучковым (рукопись)*). Потемкин был чрезвычайно недоволен Суворовым. «Солдаты не так дешевы, чтобы их терять по пустому,» писал ему разгневанный Фельдмаршал.

Между тем высланные из Севастополя крейсера истребили множество турецких торговых судов. Поиски наших моряков простирались до города Синопа, в виду коего, капитан Кундури, отрезав от берега два неприятельские судна, овладел одним из них и затопил другое (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*). Греческие арматы также действовали [151] весьма удачно в Архипелаге. Известный своею предприимчивостью майор Ламбро-Качони вооружил несколько шлюпок, образовал из них небольшую эскадру и овладел, 24-го июля, Фортом Кагель-Орзо, где захватил до 500 турок обоего пола и 27 пушек. В донесении Потемкину, Ламбро-Качони, между прочим, писал: «Турок всех «было двести тридцать, а с фамилиями находилось до пяти сот душ. Намерение мое было некоторых предать смерти, в отмщение вероломства, от их рода происходящего, а других взять в плен, но пребывающий в Кагель-Орзо греческий митрополит и примасы убедили меня наичувствительнейшими просьбами, чтоб оставить оных турок живых, объявляя, что ежели бы я предал смерти их, то после другие турки, пришедши из Анатолии, конечно бы разорили и умертвили всех христиан, коих в Кагель-Орзо домов до 400; почему, а при том рассуждая, что хотя они начали и продолжали несколько часов военные действия, однако наконец покорились, а более всего, воображая беспредельное Всеавгустейшей и Всемилолюбивейшей Монархий матернее ко всякому милосердию, подарил я помянутым туркам и их фамилиям жизнь и отпустил их со всем имением в Анатолию. Однако же, при отпуске, чтобы они никогда не забыли победоносное наше оружие, сделал я, что все турки, наклонясь, прошли под нашею шпагою; на судах же моих, в самое то время, было произнесимо: виват «Екатерина!»

Проходили дни, недели, а осада Очакова почти вовсе не подвигалась вперед; между тем армия ежедневно теряла [152] людей от болезней и неприятельских вылазок. В половине августа, едва лишь была заложена первая параллель, в расстоянии около версты от крепости. Турки, желая разрушить осадные работы, сделали, 18-го августа, сильную вылазку, против правого крыла нашей армии, примыкавшего к морю, которым командовал генерал-поручик Принц Ангальт-Бернбургский, родственник императрицы. Огонь канонирских лодок, присланных в помощь нашим войскам Принцем Нассау, и прибытие генерал-майора Голенищева-Кутузова (Михаила Ларионовича), с Лифляндским егерским корпусом, заставили турок обратиться в бегство, с потерей 500 человек. С нашей стороны, убито два офицера и 113 рядовых. Генерал Кутузов был тяжело ранен пулею в голову, насквозь чрез оба виска. Но Провидение хранило жизнь его для высокой цели отмщения за оскорбленное отечество.

Принц Нассау, которого находчивости обязаны были спасением войска правого крыла русской армии, недолго пользовался благосклонностью фельдмаршала. Стараясь побудить Потемкина к штурму, принц имел неосторожность сказать: «если бы мне вверили начальство над армиею, то я вскоре пробил бы такую брешь, что целый полк мог бы чрез нее войти в город.» Потемкин, недовольный самонадеянностью принца, спросил у него: «а какую брешь пробили вы под Гибралтаром?» Эта колкость не понравилась пылкому принцу, который, жалуюсь на фельдмаршала императрице, испросил у нее позволение уехать из армии.

Неудача вылазки 18-го августа заставила турок [153] оставаться спокойными до 6-го сентября; в этот день, жестокое действие русских батарей, сооруженных в расстоянии от 180-ти до 300 сажен от неприятельского ретраншаменты, побудило турок предпринять вылазку, в надежде разрушить наши батареи; но войска наши отразили неприятеля. Орудия, стоявшие в ретраншаменте, были в это время сбиты действием русской артиллерии, и потому турки действовали по осадным работам только с крепости (*Описание войны 1787 — 1791 г. составленное инженер-генерал-поручиком Тучковым*).

Несмотря на медленность осадных работ, русские батареи, в половине октября, действовали с расстояния не более 150-ти сажен от ретраншаменты; значительная часть города и находившихся в нем магазинов обращена была в пепел. Потемкин, желая избавиться от флота Гассан-паши, замедлявшего присутствием своим у Березани падение крепости, приказал севастопольской эскадре идти к Очакову; но, еще прежде прибытия ее, турецкий флот ушел в море, 4-го ноября. Гассан, отправив корабли и фрегаты в Константинополь, потянулся с мелкими судами в Днестровский Лиман: таким образом наступление глубокой осени, всегда сопровождаемое бурями в Черном море, лишило крепость деятельнейшего из ее защитников.

Удаление Капудана-паши от Очакова подавало возможность овладеть Березанью. Этот остров, почти неприступный, по крутости берегов своих, не заграждал входа в Днепровский Лиман и не представлял [154] ни одной пристани для судов: следовательно, овладение им не могло доставить ни малейшей выгоды русским войскам; но Потемкин решился на это предприятие, надеясь овладением Березани поколебать дух защитников Очакова. Гассан, во время пребывания своего под сею крепостью, усилил березаньский форт, затруднил высадку на остров возвышенною батареею, сооруженною на удобнейшем для высадки пункте, и оставил в Форте гарнизон, числом в несколько сот человек.

Для овладения Березанью назначено было Верное (бывшее Запорожское) войско, под начальством войскового судьи Головатого. 7-го ноября запорожцы отправились на своих дубах (лодках) и овладели батареею. Князь Потемкин поддержал их несколькими фрегатами и канонирскими лодками, под командою бригадира Рибаса; прибытие этой флотилии к острову устрасило турок и заставило их сдаться, в числе 320-ти человек. При занятии Березани, захвачено было 23 орудия, 150 бочек пороха, более 1000 ядер и 2300 четвертей хлеба (*Описание Турецкой Войны, составленное инженер-генерал-поручиком Тучковым*. — *Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

11-го ноября, заложены были, на левом крыле армии, осаждавшей Очаков, бреш-батареи. Генерал-майор Максимович, постоянно находившийся с прикрытием на передовых батареях, во все продолжение

осады, не выставил пикетов в ночи с 11-го на 12-е ноября. Эта оплошность стоила нам дорого. Турки сделали вылазку, и напали врасплох на батарею, [155] построенную возле Лимана (в 190 саж. от крепости); генерал Максимович, пораженный пулею, был изрублен с частью прикрытия орудий, находившегося под его командою.

Отбытие Капудана-Паши содействовало бесполезным дальнейшее пребывание черноморского нашего Флота под Очаковым, и потому эскадра, прибывшая из Севастополя, отправлена была туда обратно; прочие парусные суда отведены в Глубокую, а гребная флотилия в Херсонь.

Осадные работы продолжались уже четыре месяца, а осаждающие все еще не успели дойти до контр-эскарпа внешнего вала. Частые вылазки турок и влияние климата страны на непривычных к нему солдат ослабили русскую армию. За дождливого осенью наступила необыкновенно суровая зима, (оставшаяся долго в памяти малороссиян, под именем очаковской). Солдаты, увязавшие в грязи, засыпанные снегом, укрывались в душных, сырых землянках, дрожали от холода, терпели нужду в провианте, но переносили мужественно все труды и лишения. Иногда только изъявляли они желание окончить удручающих их бедствия, *согреть застывшую кровь* штурмом Очакова. Сам Потемкин ясно видел необходимость этого решительного действия, и даже назначил для штурма день, 24-го ноября, желая поднести ключи Очакова императрице в день тезоименитства ее; но, не успев сделать приготовлений к приступу, отложил его до 6-го декабря. Из всех предположений, составленных для штурма, фельдмаршал предпочел план действий, поданный артиллерии генерал-аншефом Меллером. Несмотря на жестокую [156] стужу, доходившую до 23-х градусов, решено было не откладывать более приступа. Войска узнали о том с радостью; солдаты, встречаясь между собою, поздравляли друг друга; охотников явилось более, нежели было нужно.

Войска, в числе 14-ти тысяч, разделены были на шесть колонн, поддержанных двумя резервами. Четыре колонны, под главным начальством генерал-аншефа князя Репнина, вверенные генерал-поручикам принцу Ангальтскому и князю Василию Долгорукову, (*Состав колонн правого крыла: I-я, генерал-майора барона Палена, из Тамбовского полка, батальона спешенных конных егерей, 1000 спешенных и 200 конных казаков полковника Платова, отряда армянских волонтеров, майора Аврамова, и команды Верных казаков, назначена для овладения Гассан-пашинским замком и для содействия прочим войскам в атаке нагорного окопа. II-я разделена на две части, для удобнейшего обнятия нагорного окопа: I-я часть, бригадира Львова, из гренадерского Екатеринославского полка и одного батальона Таврического гренадерского полка, а 2-я, полковника Байкова, из двух батальонов Екатеринославских егерей и 50-ти охотников Елисаветградского легкоконного полка: обе они должны были идти вслед за первую колонною, а по вступлении ее в Гассан-пашинский замок, подняться в нагорный ретраншамент и ударить неприятелю в тыл, для содействия войскам, наступавшим с фронта. III-я, генерал-майора князя Волконского, из Лифляндского егерского корпуса, одного батальона Херсонского полка и 300 рабочих того же полка, и IV-я, бригадира Мейндорфа, из Бугского егерского корпуса, батальона Астраханского гренадерского полка и 300 рабочих того же полка, назначены для атаки нагорного ретраншамента с фронта. (Ордер атаки на Очаков и расположение генеральной атаки Очакова)*) назначены были для штурмования с западной стороны нагорного окопа и Гассан-пашинского замка. Прочие две колонны, под главным начальством артиллерии генерала Меллера, вверенные генерал-поручику Самойлову (*Составе колонн левого крыла: V-я, бригадира Хрущева, из одного батальона Фанагорийского гренадерского полка, Алексопольского полка и гренадерских батальонов Фишера и Сакова, назначена для озабочивания неприятеля с восточной стороны окопа, между тем, как VI-я, бригадира Горича I-го, из Полоцкого полка, двух батальонов Фанагорийского гренадерского полка, 300 артиллерийских волонтеров, 220 волонтеров полковника Селунского, 140 прочих охотников и 180 бугских казаков, полковника Скаржинского, должна была ворваться в саму крепость, чрез пролом возле Лимана. (Ордер атаки и расположение генеральной атаки Очакова)*), должны были штурмовать [157] с восточной стороны внешний окоп и крепость. Остальные войска образовали два резерва, из которых резервом правого крыла командовал генерал-поручик Гейкинг, а левого — генерал-поручик князь Голицын. Сперва приказано было открыть канонаду пред началом штурма, но потом это распоряжение было отменено; войскам велено идти в атаку как можно быстрее, без выстрела, стараясь решить участь боя стремительным ударом в штыки. При занятии города, приказано щадить детей и женщин (*Донесение Потемкина императрице Екатерине II. Расположение генеральной атаки Очакова*).

6-го декабря, в 7 часов утра, началась атака со всех сторон, между тем как неприятель открыл сильнейшую пальбу по наступавшим колоннам.

Генерал-майор Пален, вступив с I-го колонною в Гассан-пашинский ретраншамент, разделил свои войска на три части: подполковник Пальменбах, с 500-ми человек, послан был к крепостным воротам; полковник Мекноб к Гассан-пашинскому замку, а полковник Платов вдоль ретраншамента, при замке находившегося. Войска наши, ударив в штыки и копья, заняли ретраншамент и замок, в [158] котором захвачено до 300 пленных; генерал Пален, оставив в замке полковника Платова с казаками, обратился к крепости; в этот самый момент, значительная толпа турок кинулась с нагорного ретраншамента на колонну Палена, но когда подоспели туда эскадрон Екатеринославских кирасир из резерва и 400 егерей, отряженных полковником Байковым, то турки, встреченные Паленом, положили оружие, в числе 1500 человек.

Как только 2-я колонна подошла к Новой-Слободе, то полковник Байков, истребив засевших там

турок, отрядил подполковника Гагенмейстера с 400 егерей в помощь генералу Палену, а сам атаковал ретраншамент и занял его до дороги, ведущей из города в Гассан-пашинский замок. В то же время, бригадир Львов, с одним из Екатеринославских батальонов, под жестоким огнем турецких стрелков, ворвался в ворота ретраншаменты; принц Ангальтский и полковник Львов взойшли на ретраншамент несколько левее, а граф Дамас, взойдя также одним из первых на вал, помог взлезть туда следовавшим за ним екатеринославским гренадерам. Вслед за тем, Принц Ангальтский, с батальонами Сумарокова и графа Дамаса, преследуя неприятеля, бежавшего с ретраншаменты, подошел к крепостным воротам; но турки продолжали защищаться отчаянно, до тех пор, пока бомбардиры, под начальством артиллерии майора Карла Меллера (*На штурме Очакова, находились три сына генерала Меллера: один из них, Петр, подполковник артиллерии (впоследствии генерал от артиллерии); другой, Егор, подполковник армии (впоследствии генерал-лейтенант) и третий, Карл, артиллерии майор: последний был смертельно ранен. Когда сказали о том отцу, он отвечал: «так что ж! У меня остаются на штурме еще два сына.»*), ворвавшиеся в город, отворили ворота [159] изнутри; тогда екатеринославцы, ударив решительно в штыки, положили на месте множество турок, и по грудам их тел вступили в город.

3-я колонна, устремившись к указанному ей реданту, встречена была сильным огнем; но это не удержало храбрых егерей; они спустились в ров; подполковник Морков, приставив к валу лестницу, первый взшел на ретраншамент; неприятель защищаясь упорно стрельбою и холодным оружием, но генерал князь Волконский бросился в помощь егерям, овладел редантом и был убит. Тогда полковник Юргенс, приняв начальство над колонною, развернул батальон Херсонского полка против ретраншаменты, открыл пальбу и заставил неприятеля отступить. Подполковник Сипягин, пользуясь тем, срубил палисад и проложил путь колонне в ретраншамент.

Между тем 4-я колонна, при которой находился князь Долгорукий, увлеченная примером бригадира Мейендорфа, овладела другим редантом. Затем, для очищения ретраншаменты, посланы были вправо и влево полковники Киселев и фон-Шталь, каждый с двумя егерскими батальонами. Неприятель, обращенный в бегство, потерял много людей и принужден был укрыться в крепости.

5-я колонна устремилась к ретраншаменту, и, не обращая внимания ни на глубину рва, ни на высоту [160] палисады, ни на упорную защиту неприятеля, взлезла на вал на двух пунктах: одною из частей этой колонны командовали бригадир Хрущов и полковник Ржевский, а другою полковник Глазов. Неприятель взорвал два Фугаса и действием их нанес вред нашим войскам; но они, несмотря на то, продолжали подаваться вперед, спустились, вслед за турками, в передовой ров, глубиною 10 футов, овладели прикрытым путем, усаженным палисадами, спустились в ров глубиною в 25 Футов, взойшли по лестницам на вал, около 40 футов высоты, усаженный палисадами, и, овладев бастионом, соединились с 6-ю колонною.

Генерал-поручик Самойлов и бригадир Горич, с 6-ю колонною, подошли к пролому, пробитому в бастионе. Немедленно приставлены были лестницы; бригадир Горич один из первых взшел на вал, и был убит. Полковник Сытин, приняв начальство над колонною, кинулся на пролом; братья Меллеры (Карл и Егор) , с артиллерийскою командою, взойшли в бастион, и, пройдя чрез всю крепость, впустили туда 2-ю нашу колонну; один из них, артиллерии майор Карл Меллер, был смертельно ранен; подполковники Фишер и Саков и майор Ермолин также ввели в город свои батальоны. Часть войск 6-й колонны кинулась по льду, покрывавшему Лиман, к крепостной каменной стене, в высоту 26 футов, и взойдя на нее по лестницам, спустилась в город. По взятии приречного бастиона, генерал-поручик Самойлов направил войска в обе стороны, для занятия крепости. Прибытие генерал-поручика князя Голицына, с Таврическим [161] гренадерским полком, дало решительный перевес нашим войскам, и доставило им возможность удержаться в городе.

Неприятель, вытесненный с городских валов, засели в домах и продолжали отчаянную оборону. Упорство их имело бедственные последствия: русские солдаты, возбужденные жаждою мести, врываются в дома и истребляли повсеместно турок. Неумолимая смерть являлась во всех видах; умолкли бранные возгласы сражавшихся; почти совершенно прекратилась перестрелка; слышен был только звук холодного оружия, изредка прерываемый стоном и воплями матерей, защищавших детей своих... Наконец все утихло. Приступ продолжался только час с четвертью. Потемкин, во все это время, сидел на земле, близ одной из своих багарей, подперши голову руками, вставая беспрестанно и повторяя: «Господи помилуй!» Город был отдан во власть солдатам на три дня. В числе знатнейших пленных, приведен был к фельдмаршалу очаковский комендант, сераскир Гуссейн-паша. Потемкин гневно сказал ему: «твоему упрямству обязаны мы этим кровопролитием.» — «Оставь напрасные упреки, отвечал Гуссейн, я исполнил свой долг, как ты свой; судьба решила дело.»

Город, наполненный трупами, представлял ужасное зрелище. Не было никакой возможности хоронить их в мерзлой земле, и потому несколько тысяч тел, вывезенных на лед, покрывавший Лиман, оставались там до весны (*В письме к графу Безбородко, Потемкин писал: «теперь спешу донести о взятии Очакова. Подробные сведения получа, пришлю полную реляцию. Не знаю, что делать с пленными, а паче с женщинами. Никто не видал такой резанины; ужасно что их перебито. Первые сутки проходу не было в крепости; в восемь и десять рядов навалены.»*). [162]

Трофеи победителей состояли в 310-ти пушках и мортирах и в 180-ти знаменах. Солдаты приобрели огромную добычу. Число пленных простиралось до 283-х различных чиновников и до 4-х тысяч нижних чинов. Число убитых турок было не менее 10-ти тысяч. С нашей стороны, кроме генерал-майора князя

Сергия Волконского и бригадира Горича 1-го, убито и ранено: штаб и обер-офицеров 147; нижних чинов 2723 (*Донесение Потемкина императрице Екатерине. — Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

Награды, пожалованные императрицею Екатериною князю Потемкину за взятие Очакова, были: давно желанный им орден Св. Георгия 1-го класса, 100 тысяч рублей и шпага, осыпанная бриллиантами. Меллер получил, почти в одно время, ордена Св. Андрея и Св. Георгия 2-го класса и баронское достоинство, с названием *Закомельского*; Самойлов и принц Ангальтский орденовые знаки Св. Георгия 2-го класса; всем офицерам, участвовавшим в штурме, и не получившим орденов Св. Георгия, либо Св. Владимира 4-й степени, пожалованы были золотые кресты на георгиевской ленте, с надписью на одной стороне: «за службу и храбрость», а на другой «Очаков взят 6 декабря 1788»; а нижние чины получили серебряные медали.

По взятии Очакова, Екатеринославская Армия расположилась [163] на зимние квартиры частью между Бугом и Днепром; частью же по левую сторону Днепра.

Между тем, наступление глубокой осени заставило рассеяться татарские полчища, собранные у Рябой-Могилы. Румянцев ожидал с нетерпением окончания осады Очакова, чтобы разместить вверенную ему армию на зимние квартиры; но как уже наступала зима, а осажденная крепость продолжала сопротивляться усилиям наших войск, то Украинская армия, в половине ноября, расположена была на кантонир-квартиры: сам фельдмаршал, с главной квартирою армии, в Яссах; 1-я дивизия между Яссами, Тырго-Формоз и Ботушанами; 4-я, под начальством генерал-поручика Дерфельдена, в Васлуе и Гуше; 3-я, генерал-аншефа Каменского, в Лопушне и Кишеневе; 2-я, генерал-аншефа графа Салтыкова, в Оргее.

После рассеяния татарского полчища, находившегося у Рябой-Могилы, остатки его, под начальством хана, расположились у Гангуры, на речке Ботне. Румянцев, имея в виду отдалить татар от занятых его войсками кантонир-квартир, поручил сие предприятие генералу Каменскому, который, несмотря на глубокие снега и жестокие вьюги, разбил неприятелей, 19-го декабря, при Гангуре, и на следующий день, при Салькуце, и расположил свою дивизию опять на кантонир-квартиры (*Ордера графа Румянцева. — Бутурлин*).

Таким образом кончился поход 1788 года, не оправдав надежд, поданных союзникам огромностью выставленных ими сил. Успехи их ограничились [164] занятием Хотина и Очакова, покорение которых стоило Австрии и России несметных пожертвований. Причинами столь неудовлетворительных последствий были: во 1-х, раздробление австрийских войск на огромном пространстве между Адриатическим морем и Днестром; во 2-х, нерешительность Потемкина, который, избегая урона, сопряженного с штурмом Очакова, потерял несравненно более людей в течение пятимесячной осады, и все таки принужден был штурмовать крепость. Осада ведена была чрезвычайно медленно; вообще все работы производились в слишком большом расстоянии от крепости; батареи открывали огонь в значительной отдаленности от атакованных верков, что требовало употребить гораздо большее число выстрелов для достижения цели, нежели следовало бы по правилам искусства, и повлекло за собою потерю времени и совершенно напрасную потерю в людях. Наконец, в 3-х, одною из главных причин неудовлетворительного результата этой кампании было разногласие союзников. Все эти причины не только не позволили многочисленным, снабженным в избытке всеми средствами, союзным армиям одержать решительные успехи, но и подвергли австрийцев совершенному поражению. А между тем победитель оттоманов, с небольшими силами, терпевшими недостаток и в продовольствии, и в военных припасах, принужден был ограничиваться второстепенными действиями. Турки весьма удачно определили его невыгодное положение, говоря, что «в предшествовавшую войну он был визирем, а в настоящую сераскиром.»

Поход 1789 года.

Отбытие Румянцева из армии. — Соображения к походу и силы союзных армий. — Виды турок. — Открытие действий турками весною в Молдавии. — Дела при Бырладе, Максимени и Галаце. — Смерть Абдул-Хамида. — Виды Селима III. — Обстоятельства, замедлившие возобновление действий. — Новый состав наших армий. — Свойства театра действий в Молдавии. — Расположение принца Кобургского у Аджуда, а Суворова у Бырлада. — Сосредоточение турок у Фокшан. — Движение Суворова в помощь принцу Кобургскому. — Дело при Фокшанах. — Возвращение принца Кобургского к Аджуду, а Суворова к Бырладу. — Движение Потемкина за Днестр. — Наступательные действия турок. — Дело при Сальче. — Расположение принца Кобургского близ Фокшан и движение в помощь ему Суворова. — Сражение при Рымнике. — Взятие Гаджибея. — Занятие Паланки. — Сдача Аккермана и Бендер. — Зимние квартиры.

[165] Неожиданный успех сопротивления, оказанного турками соединенным силам России и Австрии, охладил ревность и остановил вооружения Англии и Пруссии, которые, в случае невыгодного оборота дел для Турции, вероятно приняли бы участие в войне.

В начале 1789 года, Румянцев отозван был, по собственной просьбе, из Украинской армии. Начальство над всеми русскими войсками, действовавшими против турок, вверено было Потемкину. Сосредоточение власти в одном лице обещало выгоднейшие [166] последствия, нежели разделение ее между двумя полководцами независимыми, один от другого. Быть может, Румянцев, получив начальство над всею армиею, мог сделать более, нежели Потемкин; но не должно упускать из вида, что, в это время, уже нельзя было узнать в старом, удрученном болезнями, вожде прежнего Румянцева.

Покорение Очакова позволяло русским войскам действовать по кратчайшей и удобнейшей для них операционной линии от Ольвиополя к Нижнему Днестру, и избрать предметом действий овладение Бендерами и Аккерманом: к этому соображению побуждало нас более и более проявлявшееся недоброхотство поляков, которые не хотели поставлять в Украинскую армию съестных припасов, что заставило Потемкина перенести основание действий из Подолии в Бессарабию, и учредить магазины в Кишиневе, Оргее, и проч. (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*). — *Высочайший рескрипт князю Потемкину Таврическому, от 24-го апреля 1789 года*).

Силы Екатеринославской армии, расположенной пред открытием похода по Нижнему Днепру, простирались до 80-ти тысяч, Украинской армии, стоявшей в Бессарабии и Молдавии, до 35-ти тысяч, а Кубанской армии, под начальством генерал-аншефа графа Салтыкова, до 18-ти тысяч.

Австрийская армия расположена была, при возобновлении действий, в Кроации, Славонии и Баннате. Фельдмаршал Лаудон, принявший впоследствии над нею начальство, предполагал действовать наступательно [167] по направлению к Белграду и овладеть сею крепостью. Принц Кобургский, с 15-ю тысячами человек, стоял в Молдавии.

Со стороны турок, предположено было обратить главные усилия против русских, и стараться овладеть Очаковым и Крымом. С этою целью, турецкие ополчения, большею частью, собирались к Нижнему Дунаю.

В начале марта, деятельный Юсуф прибыл в Мачин, и, в конце этого месяца, отправил 8-ми тысячный отряд на левую сторону Дуная, по направлению к Бырладу. В то время, на правой стороне Прута, находились лишь небольшие русские отряды, и потому генерал Дерфельден направил войска вверенной ему дивизии от Гуша к Фальче, и отрядил полковника Римского-Корсакова, с 5-ю батальонами и небольшим числом кавалерии, к Бырладу. Корсаков разбил турок у Бырлада; но вскоре за тем они усилились подкреплениями, что заставило Румянцева поддержать Дерфельдена частью дивизии Каменского и перевести 1-ю дивизию от Ясс к Васлюю. Между тем, неприятель снова появился у Бырлада и атаковал Корсакова, но был отбит с уроном 200 человек, и принужден отступить к Пуцени. Генерал Дерфельден, еще прежде, получив сведение об усилении турок, немедленно двинулся вперед, соединился с Корсаковым, и, совершив форсированный марш, настиг неприятеля у Максимени. Несмотря на превосходство в числе турецких войск, Дерфельден разбил их, 16-го апреля, и заставил обратиться в бегство. В этом деле неприятели потеряли убитыми 400 и пленными 107 [168] человек, в числе которых был сам начальник отряда Якуб-ага; войска наши отбили пушку и 4 знамени. Вслед за тем, 20-го апреля, Дерфельден, овладел с боя Галацом (*Состав войск, участвовавших в деле при Галаце: пехотные полки: Ростовский, Апишеронский и*

Тульский, 1-й, 2-й, 3-й и 6-й гренадерские и 1-й и 3-й егерские батальоны; карабинерных полков: Рязанского, Стародубского, Переяславского и Тверского семь эскадронов), где погибло до 2000 турок; 7 знамен, вся артиллерия, состоявшая из 13-ти орудий, и 1400 пленных, в числе которых был сам начальник отряда, сераскир Ибрагим-паша, достались в руки победителям, урон которых не превосходил 150 человек. В числе раненых был командир Стародубского карабинерного полка полковник Максимович (*Описание действий Турецкой войны 1787 — 1791 г. составл. инженер-генерал-поручиком Тучковым (рукопись)*). Город, по приказанию Каменского (начальствовавшего войсками в Бессарабии и Молдавии, по отбытии Румянцева), предан был пламени (*Smidt. Suworow's Leben*).

В конце марта, судьбы Оттоманской Порты перешли в руки нового властителя. Жалкий Абдул-Хамид (как он называл себя сам в последнее время) умер 27-го марта. Преемником его был юный Селим III, сын Мустафы. Новый султан, желая приобрести любовь своего воинственного народа, не хотел заключить мира на невыгодных условиях. Надеясь на содействие государств, враждебных России, он помышлял о возвращении областей, потерянных его отцом и дядею, и потому решился продолжать [169] войну с большею настойчивостью, нежели она ведена была его предшественником. Но меры, им принятые, не могли послужить к достижению успеха; в особенности же, быстрое и решительное открытие действий было затруднено сменой верховного визиря Юсуфа, на место которого возведен был виддинский сераскир Кючук-Гассан. Турецкая армия оставалась в бездействии целые два месяца, май и июнь. Потемкин также не спешил открытием действий. По принятии начальства над обеими армиями, Екатеринославскою и Украинскою, составившими *Соединенную армию на Юге*, он разделил все свои войска на две части, из которых одна, находившаяся в непосредственной его команде, состояла из трех дивизий (*1-я дивизия: главная квартира в Елисаветграде. Гренадерские полки: Екатеринославский, Московский, Сибирский, Астраханский, Малороссийский и С.Петербургский; мушкетерские полки: Вологодский, Тульский и Полоцкий; егерские корпуса: Бугский, Екатеринославский и Белорусский; кирасирские полки: Лейб, Екатеринославский и Орденский; С.Петербургский драгунский; легкоконные полки: Александрийский, Лубенский, Изюмский, Сумский и Мариупольский; гусарские: Ольвиопольский и Воронежский; передовой Чугуевский полк; конно-егерские полки: Елисаветградский, Переяславский и Харьковский; донские бригады Орлова и Исаева; казачье войско атамана Платова; 70 орудий. 2-я дивизия, генерал-аншефа князя Долгорукого: гл. кварт. в Кишеневе. Мушкетерские полки: Днепровский, Черниговский, Новгородский, Углицкий и Витебский; карабинерные полки: Северский, Нежинский, Киевский, Глуховский, Софийский и Тверской; Донская бригада; 24 орудия. 3-я дивизия, генерал-аншефа Суворова: гл. кварт. в Фальче. Мушкетерские полки: Ростовский, Архангелогородский, Ингерманландский, Смоленский и Апшеронский; карабинерные: Стародубский, Черниговский и Рязанский; 4 Донских полка; 30 орудий. (Расписание армии, за подписью кн. Потемкина Таврического)); а другая, под начальством генерал-аншефа князя Репнина, из двух [170] дивизий и Таврического Корпуса (*4-я дивизия, под непосредственным начальством князя Репнина: главная квартира в Космешти (близ Рябой-могилы); Таврический гренадерский полк; мушкетерские полки: Троицкий, Ряжский, Ярославский, Тамбовский и Херсонский; Николаевский гренадерский батальон; Лифляндский егерский корпус; легкоконные полки: Херсонский и Полтавский; 3 Донских полка; Бугское и Черноморское Казачье Войско; 40 орудий. 5-я дивизия, генерал-аншефа Гудовича, у Кинбурна: Фанагорийский гренадерский полк; мушкетерские полки: Орловский и Шлиссельбургский; легкоконные: Острогжский, Ахтырский, Павлоградский и Украинский; 4-е донских полка, 20 орудий. Таврический корпус генерал-аншефа Каховского: Киевский гренадерский полк; мушкетерские полки: Севастопольский, Вятский, Белевский, Брянский, Севский и Греческий; Таврический егерский корпус; волонтерный отряд; Кинбурнский драгунский полк; легкоконные полки Константиноградский и Таврический; 5 донских полков; 78 орудий. (Расписание армии, за подписью князя Потемкина Таврического)). Открытие действий, с нашей стороны, замедлено было многими обстоятельствами. Растянутое расположение войск бывшей Екатеринославской армии не позволило собрать ее к Ольвиополю ранее 27-го июня; между тем, начальство над бывшею Украинскою армиею переходило из рук в руки, сперва от Румянцева к Каменскому, а потом к Репнину, что повлекло за собою медленность и неопределительность действий; к тому же, войска этой армии терпели недостаток в продовольствии, от ненастной погоды, испортившей все дороги, и от разлития Днестра. Затруднения по части доставки продовольствия заставили князя Репнина приостановить наступательные действия, и расположиться с главными своими силами у Космешти, на Пруте. Дивизия Дерфельдена, поступившая под начальство Суворова, стояла у Бырлада, для сохранения сообщений с Принцем Кобургским и для наблюдения пространства [171] между Прутом и Серетом, а особый отряд генерала Кречетникова расположен был у Гинчешти, для наблюдения за Бендерами. Таким образом, войска Репнина прикрывали движение к нижнему Днестру главных сил Потемкина, которые, несмотря на то, целые две недели оставались у Ольвиополя; причину тому были полученные Потемкиным известия о появлении турецкого флота в виду Очакова и у берегов Крыма. Но когда генерал-лейтенант Розен, с частью Кубанской армии, прибыл на Тамань, а эскадра Пустошкина вышла из Таганрога в открытое море, то войска, собранные у Ольвиополя получили, 11-го июля, приказание переправиться на правую сторону Буга (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*).**

Между тем турки, ободренные бездействием союзников, открыли наступательные действия в Молдавии.

Эта страна представляет обширную равнину, пересекаемую, во всех направлениях, многими притоками Серета и Прута, образующими овраги, лощины и болота. Эти речки и ручьи пересыхают в летнее время, но иногда от дождей внезапно наводняются и прерывают сообщения. Хотя местность, большею частью открыта, однако же волнообразна и местами покрыта небольшими лесами, либо иглистым кустарником, что затрудняет движения войск. Земледелие находится на низкой степени и ограничивается сеянием кукурузы, вознаграждающей сторицею труды ленивого земледельца; весьма часто встречаются луга, покрытые [172] высокою травою. Дороги вообще находятся в дурном состоянии, и после ненастной погоды всегда требуют значительного исправления.

Единственные значительные реки, орошающие Молдавию, Серет и Прут, текут по направлению от севера к югу, вначале между крутыми берегами, которые постепенно понижаются, и впадают в Дунай, в небольшом расстоянии между собою. Важнейшим пунктом на этом пространстве был Бырлад, где соединялись многие пути, пересекающие молдавское княжество. Суворов, оценив выгоды этой центральной позиции, откуда, с одинаковою удобностью, можно было поспевать ко всем угрожаемым пунктам, расположился там с своею дивизиею, в числе около 10-ти тысяч человек, с 16-ю полковыми и 30-ю полковыми орудиями (*Состав дивизии Суворова в июле: пехотные полки: Апишеронский, Тульский, Смоленский и Ростовский; четыре гренадерских батальона (из которых в 1790 г. был сформирован вторично Фанагорийский гренадерский полк); два егерские батальона и сводный егерский батальон; всего 15 батальонов. Рязанский, Стародубский и Черниговский карабинерные полки: всего 18 эскадронов; казацкие полки Ивана и Григория Грековых и 1200 арнаутов майора Соболевского. (Планы и карты Турецкой Войны 1787 — 1791 г.; рукопись)*).

В половине июля, до 30-ти тысяч турок, под начальством сераскира Мустафы и Османа-паши, собрались у Фокшан, угрожая нападением принцу Кобургскому, стоявшему с 18-ю тысячами человек у Аджуда (в 50-ти верстах от Фокшан). Узнавши о том, принц просил князя Репнина усилить австрийский корпус частью русских войск. Суворов, получив приказание от Репнина идти в помощь принцу [173] Кобургскому, оставил у Бырлада, для охранения своих обозов около 3-х тысяч Человек, а с остальными 7-ю тысячами (*Состав войск: пехотные полки Ростовский и Апишеронский, 4 гренадерских и два егерских батальона: всего 10 батальонов; по три эскадрона карабинерных полков: Рязанского, Стародубского и Черниговского: всего 9 эскадронов; 600 казаков и 800 арнаутов. (План сражения при Фокианах)*), выступил, 16-го июля, в 6 часов по полудни, к Аджуду, известив принца о предстоящем прибытии своем лаконическою запискою: «иду! Суворов.»

Движение наших войск совершено было по кратчайшей, но весьма неудобной дороге; перейдя вброд через несколько ручьев, переправились они через Серет, по понтонному мосту, устроенному австрийцами, и, сделав усиленный переход около 60-ти верст в 28 часов, прибыли, 17-го июля, в 10 часов по полудни, к Аджуду, и расположились на левом крыле союзного корпуса. Принц Кобургский, которому известно было в точности время выступления русских войск из Бырлада, полагал, что они пройдут расстояние, разделявшее их от австрийцев в три или четыре перехода, и потому был весьма удивлен и обрадован прибытием Суворова. Весь следующий день проведен был в приготовлениях к дальнейшему походу и в наведении мостов на реке Тратуше.

Принц Кобургский изъявил желание видеться с Суворовым, чтобы условиться с ним на счет предстоявших действий; но полководец наш, под различными предложениями, отклонил предложенное свидание. Опыт убедил его в бесполезности подобных [174] совещаний, нередко имеющих последствиями несогласие и взаимное недоброжелательство; к тому же он опасался обычной нерешительности и медленности австрийцев, и потому хотел увлечь их с собою и побудить к решительным действиям против неприятелей, побеждаемых русскими при всякой встрече. Распоряжения к походу союзников ограничивались тем, что, для скрытия от турок присутствия русских войск, впереди их следовал авангард, составленный из австрийских войск (2 батальона и 4 эскадрона), под командою полковника Карачая; условлено было также, чтобы союзные войска построились для боя в небольших каре, расположенных в шахматном порядке; артиллерия должна была стоять между кареями, а кавалерия позади их, в 3-й линии. Вечером принц получил от Суворова следующую диспозицию: «Завтра, в три часа утра, войска двинутся в двух колоннах: Цесарцы в правой, а русские в левой, прямо на встречу неприятелю, не теряя времени на осмотр кустарника, лежащего по сторонам дороги, чтобы успеть во время переправиться через Путну и атаковать турок. По слухам нехристей 50 тысяч, да столько же их осталось позади. Жаль, что они не все вместе; можно было бы побить их разом, а теперь начнем дело с тех, которые к нам ближе, и с Божию помощью рассеем их.» Принц Кобургский, без всяких противоречий, согласился на исполнение этой диспозиции.

19-го июля, союзные войска, выступив от Аджуда, в три часа утра, прошли около 25-ти верст и расположились на ночлег у селения Маричешти, не доходя [175] 12-ти верст до реки Путны. Русские стали скрытно в лощине, чтобы не обнаружить своего прибытия. На следующий день войска двинулись далее. В продолжение этого марша, изредка показывались турецкие разъезды, и получено было известие о расположении неприятелей в трех лагерях, одном, по сю сторону Путны, другом по ту сторону реки и третьем, у Фокшан. Суворов послал, для разведания к Путне, исправлявшего должность оберквартирмейстера инженер-майора Воеводского с 80-ю казаками, которые, наткнувшись на 200 турецких всадников, были ими опрокинуты. Турки преследовали с громким криком нашу партию, но были встречены дежурным майором Курисом, с казачьим полком Ивана Грекова, и обратились в бегство. Между тем, с обеих сторон, подходили подкрепления; сам Осман-паша, командовавший передовым турецким полчищем,

прибыл с 3-мя тысячами всадников и принял участие в жаркой кавалерийской схватке; но когда австрийские гусары полка Барко, поддержанные нашими арнаутами и казаками, сделали несколько удачных атак, то неприятель, после 5-ти часового боя, обращен был в бегство и преследован до самой Путны, где потонуло множество турок; вообще же урон их простирался до 400 человек.

В продолжение этого дела, замечено было движение значительного янычарского отряда, с двумя орудиями, расположенного на противоположном берегу реки; но турки не отважились поддержать сими войсками свою кавалерию и удалились от берега.

В продолжение ночи, с 20-го на 21-е июля, устроен был понтонный мост на Путне, почти без сопротивления [176] со стороны турок. Еще до рассвета, совершена была переправа: сначала перешли русские; за ними большая часть австрийских войск; прочие же присоединились впоследствии, на марше к Фокшанам; кавалерия перешла на другую сторону реки через довольно глубокий брод. Союзная пехота построилась в шахматном порядке: на левом крыле, русские, в пяти каре, 2-х баталионного состава, из которых три стояли в первой, а два во второй линии; на правом крыле, австрийцы, в девяти каре; кавалерия расположилась в 3-й линии; полковник Карачай, с бывшим авангардом, находился в промежутке между войсками Суворова и принца Кобургского.

Несмотря на то, что генерал Сплени, с двумя каре правого крыла, оставался еще назади, союзники, в четыре часа утра, двинулись далее с барабанным боем. Едва лишь они тронулись с места, как увидели перед собою густое облако пыли, и вслед за тем были атакованы 15-ю тысячами турецких всадников, которые, обхватив правое крыло союзного корпуса, наскakали со всех сторон на австрийские каре; но когда подоспел Сплени и открыл картечный и ружейный огонь в тыл турецким толпам, то они обратились в бегство. Вслед за тем, атаковали они столь же яростно русские каре; но войска наши, допустив турок на весьма близкое расстояние, встретили их смертоносным огнем; напрасно мусульмане, с дикими воплями, кидались вперед, стараясь ворваться в каре; те, которым удавалось туго отчаянное покушение, в тот же миг истребляемы были русскими штыками. Между тем огонь нашей [177] пехоты и артиллерии ниспровергал густые неприятельские полчища; наконец турки, потеряв охоту к дальнейшим нападениям, ушли с поля сражения, покрытого их трупами.

Дальнейший путь союзников пролегал чрез довольно густой лес, и потому положено было обойти его, движением австрийского корпуса по правую, а русского по левую сторону леса, «в чем соучаствовали наблюдающие ситуацию инженер-майор Воеводский и разносящий приказы в опасных местах дежурный полковник Золотухин. В сем маневре, кареи хранили их дистанцию, подобно исправной экзерциции» (*Описание действий Союзных Императорских Войск, под командою генералов Суворова и принца Кобургского (рукопись)*) Затем союзные корпуса, снова соединившись между собою, должны были пройти около трех верст чрез колючий кустарник, весьма затруднявший движение; но зато, на сей местности, неприятельская конница прекратила свои атаки, и не прежде стала снова нападать на союзников, как по выходе их на открытую равнину, в трех верстах от Фокшан. Когда же они приблизились на пушечный выстрел к неприятельскому ретраншаменту, тогда турки укрылись в нем, открыли сильную пальбу из своих 12-ти орудий, и, в ожидании наступления союзных войск, заняли укрепление 6-ю тысячами янычар; турецкая кавалерия расположилась на флангах пехоты.

Между тем Суворов и Принц Кобургский, восстановив совершенный порядок в боевом расположении [178] своих войск, решились штурмовать турецкие окопы. Подойдя на веруый пушечный выстрел, русская артиллерия, управляемая опытным офицером, подполковником Воейковым, открыла живую канонаду по неприятелю, и вслед за тем вся первая линия, под начальством храброго генерал-поручика Дерфельдена, устремилась вперед ускоренным шагом, с громкими восклицаниями: ура! с нами Бог! Ничто не могло остановить союзников, которые мгновенно ворвались в укрепление. Турецкая конница покушалась удержать их своими атаками, но была опрокинута австрийскими гусарами, под начальством неустрашимого Карачая.

Несколько сот янычар засели в укрепленном монастыре Св. Самуила, решась обороняться там до последней крайности: тогда подвезена была к монастырю артиллерия, которая разбила ворота и проложила путь союзной пехоте. Жестокий рукопашный бой, вт. коем участвовали оба батальона Апшеронского полка, продолжался более часа; наконец — когда случайно взлетел пороховой погреб, паходившийся в монастыре, союзники ворвались туда и истребили пораженных ужасом турок. При этом взрыве, сам принц Кобургский едва не был задавлен обломками монастырской стены; генерал-майор князь Шаховской, бригадир Левашев, подполковник Гастатов и многие другие контужены были камнями и щепнем; ранены пулями бригадир Вестфален и подполковник Воейков. Между тем турки бежали по направлениям к Браилову и Бухаресту, оставив победителям в добычу всю свою артиллерию и лагерь. Число убитых турок простиралось до 1500; в плен взято 100 человек. [179] Русские потеряли убитыми 15, а ранеными 70 человек; урон, понесенный австрийцами, был немного более (*Описание действий Союзных Императорских Войск, под командою генералов Суворова и принца Кобургского (рукопись)*). — *Описание Турецкой Войны 1787—1791 г., составленное инженер-генерал-поручиком Гучковым (рукопись)*. Smidt. Suworov's Leben).

Победоносные полководцы, до того времени еще незнакомые между собою, бросились, при первом свидании, в объятия друг друга; офицеры обоих союзных корпусов поздравляли одни других столь же радушно с одержанною победою. Суворов и принц Кобургский, собственным примером, умели поселить в

своих подчиненных согласие, которого не нарушало самое соревнование между войсками различных наций.

После победы при Фокшанах, принц Кобургский отошел к Аджуду, а Суворов направился кратчайшим путем к Бырладу, на Текуч; по сильный дождь, выпавший 23-го июля, имел следствием необыкновенное разлитие Серета, что не позволило русскому отряду переправиться через сию реку на прямом пути к Бырладу, и заставило Суворова следовать туда на Аджуд. Войска возвратились в Бырлад, 25-го, а обозы, задержанные разлитием Тратуши, прибыли к корпусу не прежде 29-го июля (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

В конце июля, фельдмаршал, оставив особые корпуса у Очакова, Кинбурна и в Крыму, послал авангард главных своих сил, под начальством генерал-поручика [180] Павла Потемкина, от Ольвиополя к Днестру, и выступил за ним сам, 28-го (*Состав главных сил Потемкина: гренадерские полки Екатеринославский и Астраханский; мушкетерские полки: Вологодский и Полоцкий; егерские корпуса: Бугский и Екатеринославский; Екатеринославский кирасирский полк; конно-егерские полки: Елисаветградский и Переяславский; гусарские полки: Ольвиопольский и Воронежский; легкоконные полки: Александрийский, Сумский, Екатеринославский и Мариупольский. Казачье войско. Волонтеры. (Извлеч. из Атласа Турецкой Войны, составленного полковником Тизенгаузеном)*). Авангард, переправясь через Днестр близ устья реки Ягорлыка, прибыл к Кишеневу, 9-го августа; главные силы, на следующий день, достигли Дубоссар; а 2-я дивизия, поступившая под начальство генерал поручика Кречетникова, расположилась между Кишеневым и Прутом, для сохранения связи между авангардом главных сил и войсками Репнина, стоявшими на Пруте, близ Рябой-Могилы, у Космешти.

Между тем верховный визирь, желая отомстить за поражение, понесенное турецкими войсками при Фокшанах, решился перейти сам с 90 тысячною армиею через Дунай, с тою целью, чтобы вытеснить союзников из Молдавии; а для отвлечения оттуда главных сил Потемкина, приказал Гассану-паше и Хану направиться с 30-ю тысячами человек, от Измаила к Лапушне. Сам же визирь предполагал идти от Браилова против принца Кобургского, расположенного в окрестностях Фокшан.

Фельдмаршал, действительно вовлеченный в заблуждение наступлением Гассана-паши, приказал князю Репнину, стоявшему близ Рябой-Могилы, присоединить [181] к себе дивизию Кречетникова и направиться навстречу туркам. По соединении обеих дивизий (2-й и 4-й) близ Лопушны, 1-го сентября, Репнин двинулся к Ларге и перешел чрез сию реку, 5-го, между тем как турки расположились в 30-ти верстах оттуда, между Большою и Малою Сальчею. 7-го сентября, войска наши двинулись вперед четырьмя колоннами: правая состояла из 8-ми казачьих донских полков; обе средние из всей пехоты, а левая из всей регулярной кавалерии. Подойдя к неприятельскому лагерю на расстояние около 10-ти верст, князь Репнин расположил войска в боевой порядок: пехоту в 9-ти четырехбатальонных каре, стоявших в две линии, в шахматном порядке; кавалерию — в интервалах 2-й линии; артиллерию — в интервалах 1-й линии; казачьи полки — впереди. Турецкая конница, в числе 5-ти тысяч, кинулась на казаков; но когда Репнин поддержал их частью регулярной кавалерии, под командою генерал-поручика князя Волконского и генерал-майора Ланского, и одним из каре, под начальством генерал-майора Ласси (*Войска, участвовавшие в этом деле: мушкетерские полки Витебский и Углицкий; Лейб и Орденский кирасирские (прикомандированные из 1-й дивизии); карабинерные полки: Киевский, Нежинский и Глуховский, (извлечено из описания войны 1787 — 1791 г. составленного инженер-генерал-поручиком Тучковым)*), то неприятель был обращен в бегство, с потерю 200 чел. убитыми и 64 пленными; с нашей стороны убито и ранено менее 100 человек. Князь Репнин намеревался, на следующий день, штурмовать турецкий лагерь; но Гассан-паша, не отваживаясь держаться в поле, [182] отступил на Тобак и укрылся в Измаиле. Русские войска преследовали его и овладели 2-мя орудиями и частью неприятельских обозов.

11-го сентября, князь Репнин подошел к Измаилу. Желая побудить турок к сдаче крепости, он приказал подвезти 58 орудий, на 200 сажен от вала, и открыл по укреплениям и городу канонаду, продолжавшуюся три часа, от которой произошел большой пожар; но как неприятели не обнаружили ли ни малейшей склонности к сдаче, то Репнин, не имея средств к ведению правильной осады и не отваживаясь штурмовать сильную крепость, обороняемую многочисленным гарнизоном, отошел от Измаила к Сальче, 20-го сентября (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*). — *Описание войны 1787 — 1791 г. составленное инженер-генерал-поручиком Тучковым (рукопись)*).

В то самое время, когда князь Репнин, по приказанию Потемкина, шел к Нижнему Дунаю, Визирь уже готовился подавить всюю массою своих сил слабые отряды принца Кобургского и Суворова, тогда стоявшие близ Фокшан и при Бырладе, в расстоянии 40 верст один от другого; пространство, их разобщавшее, было пересечено четырьмя реками, Бырладом, Серетом, Путною и Мильковым, которые, от дождей, наводняясь внезапно, чрезвычайно затрудняли сообщение между союзными корпусами.

Суворов, имея в виду сохранить сообщение с левою стороною Прута и получать своевременно известия о движениях турок со стороны Измаила, отрядил [183] к Фальче подполковника барона Сакена (впоследствии генерал-фельдмаршал) с одним батальоном и сотнею казаков, предписав ему наблюдать, посредством разъездов, пространство между Фальчею и Кагулом. Сам же Суворов, оставаясь у Бырлада, получил известия — сперва о сборе значительных турецких ополчений на нижнем Дунае и у Браилова, а потом о наступлении бывшего капудана-паши Гассана с огромною армиею от Измаила против князя Репнина. Вслед за тем получены были, от разъездов, пленных и шпионов, сведения о прибытии вновь назначенного визиря Кючук-Гассана-паши в Браилово и о наступлении его с большими силами к реке Бузею. Из всех этих известий Суворов вывел заключение, что главные силы турок были собраны там, где находился верховный визирь, что наступление Капудана-паши было предпринято лишь для демонстрации и не могло

быть опасно князю Репнину, и что действительная опасность угрожала принцу Кобургскому. На основании этих соображений, (напоминающих те, которые имел в виду Наполеон перед сражением при Риволи), Суворов решился приблизиться к Галацу и Фокшанам, и с этою целью, оставив у Бырлада, для охранения обозов и сообщений с левою стороною Прута, 2 баталиона, 6 эскадронов и 6 орудий, перешел к Пуцей. Полководец наш не ошибся в расчете. Действительно — верховный визирь с большею частью турецких ополчений, в числе от 90 до 100 тысяч человек, переправясь через Дунай у Браилова, двинулся к Рымнику. 6-го сентября, Суворов получил от принца Кобургского известие, что визирь, перейдя [184] через р. Бузео, расположен был у сел. Градешти, в 30-ти верстах от австрийского корпуса. На следующий день, пришла другая депеша, в которой принц извещал о наступлении турок к сел. Мартинешти и о расположении их в 15-ти верстах от австрийцев. Суворов немедленно сделал распоряжения к походу. В полночь с 7-го на 8-е, русские войска (*Состав этих войск: пехотные полки Ростовский и Смоленский; 4 сводн. гренад. батальона, два егерских баталиона; сводный батальон из егерей мушкетерских полков: всего 11 баталионов. Карабинерные полки; Рязанский, Черниговский и Стародубский: всего 12 эскадронов; 2 казачьих полка Грековых; 800 арнаутов; 10 полевых и 20 полковых орудий*), в числе 7 тысяч с 30 орудиями, выступили от Пуцены, и несмотря на дождь, испортивший дорогу, сделали переход в 25 верст, переправились в полдень через реку Бырлад, в Текуче, и отдохнув на привале, прошли еще 15 верст и прибыли к Серету; Суворов предполагал переправиться через сию реку на прямом пути из Текуча к Фокшанам, надеясь, что австрийцы, по сделанному предварительно между союзниками условию, наведут там мост, но разлитие воды в Серете заставило австрийских понтониров устроить мост у Никорешти, 14 верст выше того пункта, к которому пришла русская дивизия. Это непредвиденное затруднение заставило Суворова подняться вверх по реке к Никорешти и увеличило протяжение марша русских 30-ю верстами. Войска наши, несмотря на проливной дождь и сильную бурю, следовали без отдыха, увязая местами по колено в грязи, к пункту переправы; но когда они прибыли туда, то нашли всю окрестную местность [185] затопленною разлитием Серета, и только лишь одна кавалерия успела перебраться на противоположную сторону реки; прочие же войска принуждены были остановиться. Между тем, как они располагались на небольшой высоте, в соседстве леса, доставлявшего им некоторую защиту от бури, Суворов приказал дежур-майору Курису возобновить мост, что было исполнено, в продолжение 12-ти часов, солдатами, с помощью нескольких сот поселян из окрестных деревень. Утром 9-го сентября, войска наши переправились на правую сторону Серета, и следуя далее, по весьма дурной дороге, сделали переход около 20-ти верст и расположились на ночлег близ реки Путны; а на следующий день прошли еще 12 верст, и в 10 часов утра, соединились, не доходя Фокшан, на речке Милькове, с отступившим туда австрийским корпусом принца Кобургского (*Состав австрийского корпуса: 10 батальонов; 30 эскадронов; 600 арнаутов; 13 полевых и 30 полковых орудий*), состоявшим в числе около 18-ти тысяч человек с 43 орудиями. Суворов, немедленно по прибытии, послал к принцу следующую записку: «Я пришел, и чтобы показать это туркам, хочу напасть на них.»

Принц Кобургский спешил видиться с нашим полководцем. Суворов, излагая ему свои предположения, сказал: «должно идти не медля на встречу туркам. Визирь остановился у Мартинешти единственно в ожидании подкреплений, и потому необходимо, до прибытия их, атаковать неприятелей, вознаграждая недостаток в силах внезапностью нападения.» [186] — Но не слишком ли велика несоразмерность в числе войск — заметил принц. Нам придется сражаться почти против четверных сил.» — «Тем «лучше — возразил Суворов. Чем более у них людей, тем большая будет суматоха. К тому же — не столько же их собралось, чтобы они затмили нам солнце.» Принц Кобургский все еще изъявлял сомнения, говорил об усталости русских, после трудного марша ими совершенного, об опасности атаковать изнуренными войсками несметные турецкие полчища, о силе неприятельской укрепленной позиции, и проч. Наконец Суворов, потеряв терпение и желая положить предел напрасному спору, сказал: «делайте, что хотите; я с одними русскими пойду на турок и надеюсь разбить их.» Уверенность Суворова рассеяла сомнения принца; положено было атаковать неприятелей.

Суворов, желая разведать расположение турецкой армии, еще до составления диспозиции для действий союзного корпуса, отправился на казачьей лошади, с несколькими офицерами и казаками, к речке Рымне, за которою расположены были турки. Достигнув возвышенного пункта, с которого удобно было обозревать впереди лежавшую местность, он слез с лошади и взобрался на высокое дерево. Оттуда видно было расположение турок в четырех отдельных лагерях: ближайшем, у сел. Тыргокукули на речке Рымне, и трех других — у большого леса близ деревни Бохсы, у сел. Мартинешти на речке Рымнике, и у сел. Одая по другую сторону этой речки. Пространство, занятое неприятельскими лагерями, по прямому [187] направлению между Тыргокукули и Мартинешти, было не менее 12-ти верст (*Anthing. Smidt.*).

Кратчайший путь из Фокшан к месту расположения турецкой армии пролегал чрез селение Тыргокукули, но двигаясь по нем, надлежало переправляться, под огнем неприятельских батарей, чрез Рымну, которой противоположный берег, по крутости своей, был неудобен для восхода. Левее этого пути, вели к речке другие два, более выгодные, и вовсе незанятые турками. Суворов решился провести союзные войска по этим дорогам, в обход передового лагеря, расположенного у Тыргокукули, и переправиться через Рымну ниже сего пункта. Положено было, с общего согласия союзных полководцев, направить войска двумя колоннами, из которых в правой должны были следовать Русские, усиленные двумя дивизионами австрийских гусар, а в девой Австрийцы. Готовясь к наступлению, союзные войска отдыхали, чистили ружья, точили штыки и с нетерпением ожидали приказания тронуться с места.

Между тем визирь, прибыв, еще 7-го сентября, кт. Мартинешти, оставался на месте, в ожидании подкреплений и сведений об успехе действий в Бессарабии. К тому же — несметное множество обозов, вьюков, верблюдов и буйволов, находившихся при турецкой армии, чрезвычайно затрудняло ее движение. 8-го сентября, передовые войска Визиря вступили в бой с австрийским авангардом и были отражены с уроном; тем не менее однако же принц Кобургский [188] решился отступить за речку Мильков, для сближения с Суворовым. 9-го, визирь, оставив часть войск в лагере у Мартинешти, расположил свой собственный лагерь левее этого пункта у сел. Одая, поставил довольно значительный корпус впереди Крымгумайлорского леса и выдвинул авангард к сел. Тыргокукули. Таким образом, турецкая армия растянута была на значительное пространство: это расположение, принятое для доставления войскам выгод в хозяйственном отношении, подвергало их поражению по частям.

Бездействие визиря подало Суворову возможность прибыть в помощь принцу Кобургскому и напасть на турок прежде, нежели они успели приготовиться к отпору.

Для наступления союзников назначена была ночь с 10-го на 11-е сентября. В сумерки войска перешли чрез Мильков и тронулись в поход, соблюдая строжайшим образом тишину; положено было незаметно приблизиться к неприятелю, чему весьма способствовал густой мрак ночи. Пройдя 12 верст, союзники подошли к Рымие: Русские в 5-ти верстах ниже Тыргокукуди, Австрийцы еще ниже. В этом месте берега реки довольно круты и ширина ее не менее 200 шагов, но зато она, по малой глубине своих вод, была проходима вброд, и потому понтоны (портативы), находившиеся при корпусе принца Кобургского, оказались излишними. Исправлявший должность обер-квартирмейстера, инженер-майор Воеводский немедленно устроил удобные спуски, и к рассвету 11-го, войска уже находились на противоположной стороне Рымны. Русским, двигавшимся [189] ближе к турецкому авангарду, предстояла честь сразиться первыми.

С этою целью Суворов построил свои войска в боевой порядок, фронтом к Тыргокукули. В первой линии, состоявшей под начальством генерал-майора Познякава, находились три каре: правое, подполковника Гастатова, из двух гренадерских батальонов; среднее, подполковника Рарога, из двух егерских батальонов; левое, полковника Бардакова, из двух гренадерских батальонов. Во второй линии, под начальством бригадира Вестфалена, также три каре: правое, полковника Шершнева, из двух батальонов Ростовского полка; среднее, полковника Апраксина, из сводного батальона; левое, полковника Владычина, из двух батальонов Смоленского полка (*Здесь показано расположение войск на основании реляции Суворова; на плане же Рымнического сражения, подписанном исправлявшим должность обер-квартирмейстера русской дивизии, инженер-майором Воеводским, Ростовский полк показан в центре, а сводный батальон — на правом фланге 2-й линии*). В третьей линии бригадира Бурнашева стояла кавалерия: в центре Рязанские, Стародубские и Черниговские карабинеры, под начальством полковников Шрейдера, Миклашевского и Поливанова; по сторонам их австрийские гусары полков императора и Барко, под командою майора Мацешевского и подполковника Гревена, а на флангах — казаки и арнауты. Храбрый Дерфельден, одержимый тяжкою болезнью, не мог участвовать в сражении.

Австрийские войска, переправясь через Рымну, несколько позже русских, построились в боевой порядок, тылом к реке, почти под прямым углом [190] с нашими войсками, в девяти каре, расположенных в две линии; кавалерия стояла в третьей линии. Генерал-майор Карачай, с десятком каре и двумя дивизионами гусар и драгун, находился в промежутке между войсками Суворова и Принца Кобургского. Силы союзников вообще простирались, (как выше сказано), до 25-ти тысяч человек.

Как только русские войска построились в боевой порядок, то Суворов повел их вверх по течению Рымны, против неприятельского авангарда, к сел. Тыргокукули. Турки, в числе 12-ти тысяч, под начальством двухбунчужного паши Гаджи-Сойтара, расположены были на высотах, занятых несколькими батареями и прикрытых, с той стороны, откуда наступали русские, глубоким оврагом с весьма крутыми скатами.

Погода была ясная. С восходом солнца, войска наши двинулись, в торжественной тишине, на славный подвиг. Их путь пролегал чрез поля, покрытые созревшею кукурузою и чрез густой высокий бурьян, замедлявший наступление к неприятельской позиции. Сперва начали показываться турецкие всадники, заводившие перестрелку с нашими фланкерами, а потом — обнаружались окопы, с которых открыта была по наступающим войскам довольно жаркая канонада; с нашей же стороны отвечала с успехом артиллерия, управляемая майором Гельвихом и капитаном Нероновым. Между тем пехота двинулась вперед ускоренным шагом; но внезапно встретила чрезвычайные затруднения при переходе через овраг, под сильным картечным и ружейным огнем Турок. Суворов перевел, по весьма узкому дефиле, [191] на другую сторону оврага, правофланговое каре 1-й линии и приказал ему ударить в штыки на неприятельские батареи. Эта атака заставила часть неприятельского авангарда обратиться в бегство, чрез лес Каяту, по направлению к Рымнику. Остальные же турецкие войска, в числе до 7-ми тысяч, состоявшие преимущественно из арабов и янычар, решась удерживать русских, напали на наше каре, и, окружив его со всех сторон, кидались на солдат, как иступленные, в одной руке с саблею, а в другой с кинжалом. Но между тем Суворов успел перевести через овраг егерское каре и открыл картечный и ружейный огонь во фланг неприятелю. В тоже время полковник Бурнашов с Рязанскими и Стародубскими эскадронами, поддерживаемыми австрийским дивизионом Мацешевского, казаками и арнаутами, направленный вверх по берегу реки, врубился в неприятельские полчища и овладел, в тылу их, лагерем. Турки, приведенные в смятение этими атаками, бежали к Рымнику. Казаки и арнауты устремились вслед за неприятелем, но Суворов, имея в виду употребить их впоследствии для важнейших действий, прекратил преследование (*«Часть, бежавшая по*

Бухарестской пороге, на местечко Рымник, пред сим за сутки к Тыргокукули оттуда прибыла, собравшись тамо из разбитых после поражения при Фокшанах. Я велел ей дать золотой мост. Дирекция моя была важнее сего». Извлечено из реляции генеральной баталии при речке Рымнике).

В это самое время, полковник Владычин, перейдя с левым каре 2-й линии, состоявшим из двух батальонов Смоленского полка, через овраг, несколько выше прочих войск, был атакован 5-ю [192] тысячами отборных спагов, под начальством Османа-паши, прибывшими на рысах из лагеря у леса. Суворов, заметив опасность, которой подвержено было это каре, послал ему в помощь полковника Шершнева, с Ростовским каре, приказав ему двинуться в косвенном направлении, чтобы подвергнуть неприятеля перекрестному огню наших войск; в то же время, Черниговские карабинеры вместе с гусарами Барко должны были врубиться в толпу неприятельских всадников. Атаки спагов на левое наше крыло продолжались около часу, но наконец турки принуждены были отступить.

Одновременно с этим нападением, принц Кобургский был атакован 20-ю тысячами турецких всадников, прибывших из лагеря при Мартинешти, которые намеревались ударить на русских, но наткнувшись неожиданно на Австрийцев, распространились по всему их фронту и охватили их с обоих флангов; в особенности же неприятельская конница производила многократно повторенные атаки на каре храброго Карачая. Сражение на этом пункте продолжалось целые два часа; наконец турки ушли с места побоища покрытого их убитыми и ранеными. Суворов послал егерское каре чрез лес Каяту, для очищения его от засевших там неприятелей, и направил прочие каре по сторонам леса.

Таковы были первые результаты сражения. Суворов, пройдя за Каяту, снова устроил боевой порядок русских войск, восстановил надлежащие интервалы между своими каре, переменял фронт линии правым флангом вперед и стал лицом к деревне Бохсе: таким образом расположение союзников, [193] имевшее прежде Фигуру исходящего угла, приняло вид прямой линии. В это время, солнце стояло уже высоко и зной был весьма чувствителен. Суворов дал войскам более получаса отдыха при колодцах, чтобы доставить возможность солдатам подкрепить себя пищею и напоить лошадей. Турки тоже оставались в покое. Настала тишина, подобная той, которая бывает пред страшною грозю.

Целью дальнейших действий союзных войск долженствовало быть — с одной стороны овладение деревнею Бохсою, обставленною неприятельскими батареями, а с другой — взятие неоконченных окопов впереди Крымгумайлорского леса, за которыми укрывалось до 15-ти тысяч янычар, между тем как спаги и прочие всадники расположены были по флангам укрепленного лагеря. Батареи, устроенные впереди Бохсы, вместе с батареями стоявшими у леса, образовали входящий угол, и потому союзные войска, при наступлении с фронта на какой-либо из сих пунктов, могли подвергнуться перекрестному огню турецких орудий. Суворов, желая избежать этого неудобства, решился направить свои войска правее Бохсы и атаковать неприятельскую батарею с тыла.

В час пополудни, приказано было тронуться с места отдыха. Торжествуя предстоящую победу, которой залогом служили одержанные успехи, союзники шли на бой с распущенными знаменами и с барабанным боем. Между тем визирь, прибыв от Мартинешти к лагерю у леса, с 20-ю тысячами всадников, присоединил к ним 20 тысяч других, сражавшихся утром, и послал всю эту громаду на встречу союзникам. Земля дрожала под [194] неприятельскою конницею; ржание коней и дикие вопли турок оглашали воздух. Несметные полчища их, как бурные волны, грозили поглотить австрийские каре. Этот момент сражения был славен для наших союзников: пехота принца Кобургского с необыкновенным хладнокровием отражала неприятельские атаки, а кавалерия его врубалась несколько раз в густые массы турок.

Тем не менее однако же принц, озабоченный беспрестанными атаками неприятельской конницы, между тем как русские, обходя Бохсу, удалились на значительное расстояние от австрийских войск, несколько раз посылал к Суворову офицеров, одного вслед за другим, прося, чтобы русские войска присоединились к австрийцам. Но полководец наш не исполнил желания принца, а нашел средство оказать ему более действительную помощь. Русские каре, разметав огнем своим турецкую конницу, овладели батареями у деревни Бохсы и направились во фланг неприятельского лагеря расположенного впереди леса. Между тем австрийские войска отразили атаки турецкой конницы, которая, завидев у себя во фланге русских, стала отступать. В это время, фронты союзных корпусов образовали входящий угол, в вершине которого оставался промежуток около полутора верст; но по мере наступления, войска Суворова и принца сближались между собою. Турки, подверженные губительному перекрестному огню союзных линий, наконец бежали — частью в лес, частью же к Рымнику. Между тем неприятель производил с окопов своих беспрестанную канонаду, но большая часть турецких снарядов перелетала через наступавшие войска, [195] не нанося им никакого вреда. Суворов, заметив, что неприятельские окопы были не окончены, валы низки, рвы не глубоки, а лес позади лагеря довольно редок, решился штурмовать укрепления конницею, которая могла скорее промчатся чрез пространство подверженное неприятельским выстрелам. С этою целью, приказано было нашей регулярной кавалерии расположиться в интервалах каре 1-й линии; правее — примкнули к фронту казаки и арнауты, левее — австрийские гусары, и в резерве их драгуны Левенера: все эти передвижения были исполнены на марше, не уменьшая нисколько его скорости. В тоже время, Суворов послал полковника Золотухина к принцу Кобургскому, прося его содействовать атаке русских войск. Расположение союзников образовало дугу, окрылявшую неприятельский лагерь; артиллерия, находившаяся на флангах этой дуги, открыла сильную канонаду по лагерю и заставила умолкнуть турецкие орудия; одни из янычар стали уходить чрез лес; другие с восточным равнодушием ожидали союзников, стоя неподвижно

на месте. Заметив колебание неприятелей, Суворов приказал всей кавалерии идти в атаку, а пехоте следовать за нею, ускоренным шагом. Как вихрь понеслись карабинеры и гусары; ничто не могло удержать их стремления; они перескочили чрез рвы и окопы и ворвались мгновенно в неприятельский лагерь, несмотря на отчаянную защиту янычар. Полковник Миклашевский с Стародубскими карабинерами врубился первым в турецкие полчища и отбил четыре орудия. Вслед за тем — австрийские гусары и вся прочая союзная конница атаковали турок и вогнали их [196] в лес. Вскоре после того подоспела пехота; подполковник Рарог рассыпал своих егерей в лесу, истребил множество неприятелей и вытеснил остальных на открытую местность простирающуюся к реке Рымнику; полковник Бардаков, с русскими гренадерами, и Карачай, с австрийскими батальонами Кауница и Коллоредо, так же весьма отличились при взятии лагеря и очищении леса. Неприятель потерял значительное число людей; в особенности же погибло множество турецких сапер, продолжавших окапываться во время боя.

По занятии леса, в 4 часа пополудни, союзные войска безостановочно устремились вслед за турками к реке Рымнику, отстоящей от леса около шести верст. Неприятели покушались задержать победителей, взрывая собственные зарядные ящики, но только увеличили тем смятение и беспорядок, а не остановили наступления союзных войск. Русские с частью австрийцев настойчиво преследовали отступавшие полчища и нанесли им жестокий урон; в особенности же отличился: полковник Поливанов, с Черниговским полком, истребивший толпу, в которой было 500 янычар, Карачай, подполковник Гревен, с своими гусарами, и подполковник Кинмейер — впоследствии генерал от кавалерии австрийской службы.

Верховный визирь, изнемогавший от изнурительной лихорадки, прибыл в карете на место побоища. Заметив расстройство своих войск, он сел на коня и старался остановить бегущих; но все его покушения остались тщетными: напрасно просил, заклинал он, именем Магомета, солдат своих; напрасно [197] угрожал им гневом султана; чувство страха заглушало слова несчастного военачальника. Все бежало, смешавшись в густую толпу. Визирь, приведенный в отчаяние, приказал находившемуся при нем офицеру с двумя орудиями стрелять по бежавшим войскам; ничто не могло остановить их.

Погода весь день стояла ясная; солнце склонялось к краю горизонта, в то время, когда союзники достигли Рымника. Неприятели оставили лагерь при Мартинешти и старались переправиться на другую сторону реки. Победителям открылось страшное зрелище. Тысячи людей, лошадей, быков и буйволов, потонувших в реке, и множество затопленных повозок запружали течение Рымника. Сильнейшие давили слабых и перебирались на противоположащую сторону реки. Подоспели союзники: их сабли и штыки довершили гибель турок. Усталость победоносных войск, утомленных ночным переходом и сражением, продолжавшимся целый день, заставили Суворова прекратить преследование на Рымнике. Русские расположились у берега реки; австрийцы — в двух верстах за ними. Полководец наш, приняв поздравление с победою от вошедшего к нему в ставку принца Кобургского, со многочисленною свитою, кинулся в объятия Карачая, говоря: «мы помогли одни «другим как друзья и братья; но ты более всех «содействовал победе.»

На следующее утро Суворов послал казаков, арнаутов и австрийских гусар, на другую сторону Рымник, для занятия лагеря верховного визиря, оставленного турками. Войска сии, истребив несколько сот отсталых неприятелей, овладели богатою [198] добычею. Между тем принц Кобургский приказал очистить Крымгумайлорский лес от засевших там турок.

В тот же день совершенно было благодарственное молебствие Богу сил, по окончании коего воины победители, по приказанию Суворова, украсили свои каски лавровыми ветвями. В продолжение дня и в следующую ночь, союзная кавалерия преследовала неприятелей бежавших к Бузео. Верховный визирь, переправясь через сию реку, приказал взорвать мост, не обращая внимания на множество турок остававшихся назади. Эти несчастные, настигнутые союзниками, частью бросались в реку, стараясь достигнуть противоположащего берега — частью рассеялись по всей окрестности; обозы, успевшие уйти с поля сражения, разграблены были валахскими поселянами. Визирь укрылся в Браилове и старался собрать там рассеянные войска свои, но они не считали себя безопасными на левой стороне Дуная, и потому назначено было им собраться в Шумле. Недолго пережил визирь понесенное им поражение; через несколько недель он умер от болезни, либо — как уверяют другие — был удушен. На место его, возведен был в сан верховного визиря бывший Капудан-паша, храбрый Гассан.

Союзники приобрели огромную добычу. Собственная ставка визиря, множество других палаток, целые стада лошадей, верблюдов, буйволов, волов и баранов, несколько тысяч повозок, нагруженных различными запасами, множество богатого оружия, 400 знамен, и 80 орудий достались победителям.

Потери неприятеля состояли в 5-ти тысячах человек, убитых на месте сражения; в 2-х тысячах, [199] погибших во время преследования, и в 3-х тысячах, потонувших в Рымнике и Бузео. Пленных турок взято несколько сот. Вообще же, вместе с разбежавшимися, визирь потерял до 20-ти тысяч человек.

Урон русских войск не превосходил 45-ти человек убитыми и 133-х ранеными. Австрийцы потеряли убитыми 150 и ранеными 300 человек (*Реляция генеральной баталии и совершенной победы, одержанной генералами Суворовым и принцем Кобургским, от 11-го сентября, 1789 года. — Извлечение из показаний пленных турок.*)

Императрица Екатерина наградила Суворова бриллиантовыми знаками ордена Св. Андрея Первозванного, шпагою, украшенною бриллиантами, с надписью: *победителю Верховного Визиря*, графским достоинством, с наименованием *Рымникского*, и орденом Св. Георгия 1-го класса. Герой, обрадованный в особенности последнею наградою, писал к дочери своей: «слышала ли, сестрица, душа моя? От моей щедрой Матушки: рескрипт на полулисте, будто Александру Македонскому; знаки Св. Андрея тысяч в

пятьдесят, да выше всего, голубушка, первый класс Св. Георгия. Вот каков твой папенька за доброе сердце. Чуть, право, от радости не умер.» Принц Кобургский получил от императрицы такую же шпагу, как и Суворов. Иосиф II возвел Суворова в графское достоинство Римской Империи, а Принца Кобургского пожаловал в фельдмаршалы.

По одержании победы, принц Кобургский возвратился в Фокшаны, а Суворов перешел на реку Бырлад к Текучу. [200]

Поражение армии Верховного Визиря повлекло за собою сдачу турецких крепостей на Днестре.

Потемкин, имея в виду отрезать сообщения Бендерской крепости с Нижним Дунаем, перешел с главными своими силами сперва от Дубосар к Кишеневу, а потом 11-го сентября, двинулся от Кишенева к Каушанам, по правому берегу Ботны, отправив генерал-поручика Потемкина с отрядом по левому берегу сей реки. Турецкий корпус, расположенный у Каушан, был разбит авангардом фельдмаршала, 13-го, и принужден отступить к Нижнему Дунаю. В тот же день, главные силы армии соединились с отрядом генерала Потемкина, и расположась у Каушан, пресекали сообщения Бендер с Измаилом (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*). — Бутурлин.). Фельдмаршал, имея в виду усилить войска на Днестре, расформировал бывшую Украинскую армию. Большая часть ее присоединена была к главным силам расположенным у Каушан; одна бригада послана на усиление Суворова; с остальными же войсками генерал-поручик Михельсон оставался у Фальчи, для связи главных сил с отрядом Суворова, перешедшим от Текуча к Бырладу. Князь Репнин отправился в Тавриду, для принятия непосредственного начальства над стоявшими там войсками (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*). — Smidt.).

Генерал-поручик Гудович, находившийся у Очакова, получил, в начале сентября, предписание так же присоединиться к главным силам, потому что, в это время, русские эскадры уже готовились выйти в море, (по миновании равноденствия всегда сопровождаемого [201] бурями в Черном море), и потому действия турецкого Флота не могли быть нам опасны. 14-го сентября, авангард Гудовича, под начальством генерал-майора Рибаса, взял штурмом замок Гаджибей — пункт, не имевший в то время никакой важности, но впоследствии, под именем Одессы, соделавшийся значительным торговым городом.

Между тем, как производились эти передвижения войск, фельдмаршал послал походного атамана, полковника Платова, с Чугуевским и двумя казачьими полками, к укреплению Паланке, сооруженному турками между Бендерами и Аккерманом, и сам с главными силами следовал так же по направлению к Аккерману. Для наблюдения за Бендерами, оставлены были два отряда — генерала Бальмена у Каушан, и генерала Гейкинга у Галиешти.

23-го сентября, Платов занял, без сопротивления, Паланку. Фельдмаршал приказал ему идти к Аккерману и принудить к сдаче эту крепость, но как гарнизон, в числе 3-х тысяч человек, не хотел покориться казачьему отряду, то Потемкин двинулся туда сам со всею армиею и заставил Турок сдаться на капитуляцию, 30-го сентября. Гарнизон был отпущен в Измаил; в крепости найдено 52 орудия. Затем фельдмаршал, оставив полковника Хвостова, с Троицким пехотным и двумя казачьими полками, в Аккермане, обратился к Бендерам (*Описание турецкой войны, составленное инженер-генерал-поручиком Тучковым (рукопись)*). *Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

Потемкин надеялся побудить гарнизон этой крепости к сдаче, устранив турок многочисленностью [202] своих войск, и на этот раз не ошибся в расчете. Из перехваченных писем Бендерского сераскира к Измаильскому паше видна была робость турок, которые, занимая Бендеры 16-ю тысячами войск, требовали подкреплений, не отвечая, в противном случае, за сохранение крепости. Потемкин употребил первую половину октября на приготовления к осаде, а вторую на сосредоточение к Бендерам войск, от Аккермана, Очакова и с реки Прута; полки, посланные в помощь Суворову, так же присоединились к главным силам. 30-го октября, обложена была крепость с обеих сторон Днестра (*Состав войск: гренадерские полки: С. Петербургский, Московский, Сибирский, Малороссийский, Екатеринославский; два батальона Астраханского и батальон Николаевского Приморского полка; мушкетерские полки: Вологодский, Ярославский, Полоцкий, Тульский, Новотульский, Архангелогородский; егерские корпуса Екатеринославский и Белорусский. Полки: Екатеринославский кирасирский, С. Петербургский драгунский, Изюмский, Полтавский и Херсонский легкоконные; Елисаветградские конные егеря; Чугуевский и Бугский регулярные казачьи полки; 12 донских казачьих полков; три роты бомбардир; 6 осадных и 122 орудия полевой артиллерии; 47 вооруженных лодок Черноморского казачьего войска. (Описание войны 1787 — 1791 г. сост. инженер-генерал-поручиком Тучковым)*); в то же время, черноморские дубы (лодки), не обращая внимания на огонь турецких орудий, подошли к самым стенам города.

Осада сильной крепости, предпринятая в столь позднее время года, могла бы иметь весьма невыгодные последствия для осаждавших, если бы гарнизон решился защищаться. Но дух его был подавлен многочисленностью русской армии и постоянными успехами наших войск; гибель защитников Очакова еще оставалась в памяти мусульман, а великодушные победителей к покорившемуся аккерманскому [203] гарнизону поселило в осажденных готовность следовать его примеру. Все эти обстоятельства заставили турок открыть переговоры, окончившиеся сдачею крепости, 2-го ноября. Гарнизон и жители города, со всем частным имуществом, отпущены были в Измаил. В крепости найдено более 300-т орудий, 12 тысяч пудов пороха, 22 тысячи пудов сухарей и 24 тысячи четвертей муки. Для занятия ее назначены были Новотульский и Полоцкий полки и два батальона Астраханского гренадерского полка (*Описание походов россиян против*

турок (рукопись). Описание войны 1787 — 1791 г. составленное инженер-генерал-поручиком Тучковым (рукопись).

Таким образом, русские овладели всеми твердынями на Днестре. Затем — наступление глубокой осени заставило Потемкина прекратить действия и расположить войска на зимние квартиры. Главные силы стали — частью по левую сторону Днестра, частью же от Роман до Днестра; главная квартира — в Яссах; передовые корпуса: Суворова у Бырлада, а Михельсона у Фальчи (*Smidt*).

Принц Кобургский, в конце октября, двинулся к Бухаресту и расположил свои войска на зимние квартиры в Валахии.

Действия австрийцев в 1789 году, в сравнении с предшествовавшим походом их, были весьма успешны. Фельдмаршал Лаудон овладел, 9-го июля, фортом Бербир, и приняв от фельдмаршала графа Гаддика начальство над армиею, обложил Белград, взял штурмом предместье сего города и заставил гарнизон сдаться на капитуляцию, 27-го сентября (8 октября). По взятии [204] Кладовы, 26 октября (6 ноября) австрийская армия расположилась на зимние квартиры.

Этот поход представляет необыкновенное зрелище — огромных армий, осаждающих крепости и замки, и небольших корпусов, побеждающих армию в генеральном сражении. Суворов вписал имя Рымника в летописи нашей военной славы наряду с именем Кагула, но превзошел искусством действий самого Румянцева. Не довольствуясь введением боевого порядка, более удобного к быстрым движениям и ко взаимному поддержанию частей войск — одних другими, Суворов вел войну совершенно иначе, нежели предшественник его на поприще славы. Оба они были щедро одарены природою и тщательно образовали себя изучением военного дела, оба они постигали искусство побеждать турок, но в образе действий их находим большое различие. Румянцев подвергал все соображения свои верному расчету, не предоставлял ничего случаю, не полагался на собственное счастье, и потому иногда шел медленно к предположенной им цели; Суворов, уверенный в себе — и подобно Цезарю, уверенный в своем счастье — не стеснялся никакими расчетами, не знал ничего невозможного и быстро следовал к цели, находя средства там, где другие их не виде ли, преодолевая препятствия силою воли. Румянцев, одержав решительный успех, старался сохранить его, распространяя свои виды только тогда, когда был уверен в победе; Суворов — напротив того — считал, что он не сделал ничего, пока ему оставалось что либо сделать.

Поход 1790 года.

Политические отношения европейских государств к России и Австрии. — Видь Герцберга. — Кончина Иосифа II и восшествие на престол Леопольда II. — Силы и первоначальное расположение русских войск. — Переговоры Потемкина с визирем. — Действия австрийских войск. — Взятие Оршова и неудачная осада Журжи. — Экспедиция генерала Бибикова к Анапе. — Успехи русского флота. — Движение визиря против австрийской армии. — Движение Суворова в помощь принцу Кобургскому. — Рейхенбахская конвенция. — Движение Суворова к нижнему Дунаю. — Верельский мир. — Морское сражение при Тендре. — Действия Ламбро-Качони. — План действий русских войск на нижнем Дунае. Взятие Килии, Тульчи и Исакии. — Переговоры Потемкина с верховным визирем. — Штурм Измаила. — Поражение баталь-бея на Кубани.

[205] В начале 1790 года, пламя войны угрожало обнять большую часть Европы. Успехи, одержанные союзниками, возбудили зависть и недоброжелательство [206] государств, до того времени чуждых борьбе Турции с Россией и Австрией. Под личиною соблюдения политического равновесия, Пруссия и Англия готовились поддерживать Оттоманскую Порту. В особенности же оказывал сочувствие к ее пользам прусский министр, граф Герцберг. Забыты были все услуги оказанные нашим правительством Пруссии: бескорыстное возвращение значительной части ее владений, завоеванных в Семилетнюю Войну; согласие на раздел Польши, которого так желал Фридрих Великий; ручательство России в неприкосновенности Германских владений, по Тешенскому трактату. Оставался в памяти Герцберга только союз, заключенный императрицею Екатериною с Иосифом II, возбуждавший напрасные опасения прусского министра (*Рескрипт императрицы Екатерины князю Потемкину-Таврическому, от 10-го января 1790 года*). Убедившись в бесполезности переговоров и происков своих — Герцберг внушил королю Фридриху Вильгельму II мысль заключить, 19 (30) января 1790 года, союзный договор с Портою, на основании коего прусское правительство приняло на себя обязанность не только отстаивать неприкосновенность владений Турции, но и возвратить ей потерянные области. Для достижения сей цели, употреблены были всевозможные средства: 40 тысяч войск направились к русской границе; столько же собрано было в Силезии; за этими передовыми корпусами готовились к действиям более 100 тысяч человек. В то же время — граф Герцберг возбуждал поляков к разрыву с Россией и поселял неудовольствия [207] против императора Иосифа в Венгрии и в австрийских Нидерландах. Успех предположений прусского министра основан был на двухсоттысячной армии, стяжавшей громкую славу во всей Европе со времени Семилетней войны; но этой армии недоставало Фридриха Великого, который был душою ее (*Устрялов. — Smidt*).

Граф Герцберг, принимая на себя роль миротворца Европы и поселяя повсюду раздор и смуты, вскоре обнаружил истинные виды свои. Не столько думал он об оказании помощи Порте, сколько о новых приобретениях в Польше. — Обещая возвратить туркам все утраченное ими в войнах с Россией, Герцберг хотел склонить их к уступке Валахии в пользу Австрии, которая, взамен того, должна была отдать Польше Галицию; от Польши же, в благодарность за возвращение Галиции, он надеялся приобрести для Пруссии Данциг и Торн: таким образом — Россия, сделавшая несметные пожертвования и одержавшая столь многие победы, долженствовала лишиться плодов своего успеха, а Пруссия — одним почерком пера — приобрести богатую область (*Рескрипт императрицы Екатерины князю Потемкину-Таврическому, от 10-го января 1790 года*).

Несмотря на неосновательность замыслов Герцберга, ему удалось привлечь на свою сторону не только Польшу, но и морские державы — Англию и Голландию. Россия, воевавшая тогда одновременно со Швециею и Турциею, угрожаема была войною с Пруссиею и [208] Польшею. В таких затруднительных обстоятельствах, всего более озабочивало императрицу ненадежное состояние здоровья союзника и друга ее, Иосифа II. Действительно — 9 (20) февраля, последовала кончина его. Преемник его Леопольд II должен был действовать с большою осторожностью: австрийская армия была ослаблена войною и повальными болезнями; финансы расстроены; неудовольствие и смуты волновали Венгрию и Нидерланды; надлежало — в одно и то же время — вести войну против Турции и готовиться к опасной борьбе с Пруссиею. Император Леопольд желал мира, но для достижения этой цели принужден был усилить свои армии. Еще в начале года, фельдмаршал Лаудон собрал 100 тысяч человек в Богемии и Моравии; другая австрийская армия стояла в Галиции, для наблюдения за Польшею; а для действий против турок, назначены были войска принца

Кобургского, в числе 50-ти тысяч, находившиеся в Валахии, и особые корпуса в Славонии и Кроации. Несмотря однако же на эти грозные приготовления к войне, император Леопольд согласился на посредничество Пруссии и Англии и на созвание в Рейхенбахе конгресса, имевшего целью заключение мира между Портою и воевавшими с нею державами.

Напротив того — Императрица Екатерина показала вполне величие и силу своего характера. В то самое время, когда окна Зимнего дворца дрожали от выстрелов шведского флота, она отказалась от участия посредников в делах относившихся к выгодам и славе России. Главные наши силы обращены были — частью к пределам Лифляндии — частью же на Днестр и Буг, для наблюдения границ Польши, где стоял корпус [209] генерал-аншефа князя Репнина, служивший резервом войскам назначенным для действия против турок. Суворов и Меллер-Закомельский, каждый с отрядом в числе около 10-ти тысяч человек, расположены были — первый у Бырлада, а второй на Нижнем Дунае. Особый летучий отряд, в числе 2-х тысяч человек, находился на Пруте, для сохранения сообщения между корпусами Суворова и Меллера-Закомельского (*Состав войск Суворова: Фанагорийский гренадерский полк; Смоленского, Ростовского, Черниговского, Новгородского и Апишеронского мушкетерского полков по одному батальону: всего 9 батальонов. Карабинерные полки: Киевский, Северский, Стародубский и Черниговский: всего 20 эскадронов. Казачьи донские полки: Ивана и Григорьева Грековых, Кульбакова и Мешкова; волонтеров 10 сотен. — Состав войск Меллера-Закомельского: Таврический гренад. полк; мушкат. полки: Полоцкий, Тульский и Троицкий; Бугский егерский корпус; (на флотилии контр-адмирала Рибаса: Шлиссельбургский полк и два батальона Николаевского Приморского гренад. полка); легкоконные полки: Сумский, Мариупольский и Александрийский; Донские Казачьи полки: Сысоева, Астахова, Денисова и Машлыкина; волонтеров 5 сотен. — Состав летучего отряда на Пруте: Днепровский и Ингерманландский мушкетерские полки; Нежинский и Глуховский карабинерные полки. (Извлеч. из расписания войск Южной Армии, от 5-го июля 1790 года)). Генерал-майор Кастро-де-Лацерда с 6-ти тысячным отрядом охранял Очаков и Кинбурн. Генерал-аншеф Каховский командовал войсками в Тавриде. Кавказский корпус, под командою генерал-поручика де Бальмена, и войска на Кубани, вверенные генерал-поручику Бибинову, состояли в числе 30-ти тысяч человек. Вообще же все войска, находившиеся на Буге, в Молдавии, Бессарабии, Тавриде и на Кавказе, состояли в команде фельдмаршала князя Потемкина, возведенного на степень Великого Гетмана Казачьих Екатеринославских [210] и Черноморских войск. Это достоинство подавало Потемкину возможность привлечь под русские знамена воинственных запорожцев и жителей Украины.*

Политические обстоятельства, не позволявшие нашему правительству обратиться против Турции значительные силы, заставляли русских ограничиться обороною завоеванных областей.

Турки, приведенные в уныние постоянными неудачами, готовы были к миру, и верно заключили бы его, если бы не вовлечены были в заблуждение обещаниями государств, неприязненных России. Храбрый Гассан (*Тот самый, который прежде занимал должность капудана паши*), бывший в то время верховным визирем, убедившись собственным опытом в превосходстве русских над турками, искренно желал мира. Следствием того были сношения Потемкина с визирем; но эти переговоры не могли быть успешны, потому что юный, неопытный Селим и большая часть Дивана хотели продолжать войну и готовились усердно к предстоявшему походу. Султан и многие знатные особы пожертвовали своими сокровищами: все народонаселение Турции, от 20-ти до 35-ти летнего возраста, призвано было на службу; 200-тысячная армия собиралась у Шумлы и Силистрии, в ожидании диверсии со стороны Пруссии и Польши. Между тем — визирь, желая выиграть время, предлагал заключить перемирие Потемкину, который в ответ писал ему: *мир либо война*. Врезанная смерть Гассана прервала переговоры; тем не менее однако же малочисленность наших [211] войск на Дунае не позволила фельдмаршалу действовать решительно. Австрийцы — напротив того — желая купить выгодный мир, ценою успехов, одержанных в войне, и имея в Валахии довольно значительные силы, приступили деятельно к открытию действий. Начало их было успешно. 7 (18) апреля, принц Кобургский заставил крепостцу Оршову сдать на капитуляцию, занял всю Валахию, и обложив Журжу, приступил к осаде этой крепости, но растянув свои войска от Оршовой до Серета, не мог собрать к Журже более 9-ти батальонов и 16-ти эскадронов. Успешное действие бреш-батареи, заложенной в 80-ти шагах от крепости, заставило турок предпринять, 9 (18) (*так в оригинале - Адъютант*) июня, вылазку. К несчастью австрийцев, в это самое время, начальники их, принц Кобургский и генерал Сплени, отправились по Дунаю, для обозрения противлежащих берегов реки; кавалерия находилась на фуражировке. Австрийцы, застигнутые врасплох, потерпели поражение: целые два батальона были изрублены и значительная часть их артиллерии (9 осадных и 7 полевых орудий) захвачена турками. Принц Кобургский, потеряв убитыми и пленными до 1000 человек, принужден был отступить по пути к Бухаресту. Неудача сия была отчасти вознаграждена поражением 12-тысячного турецкого отряда генералом Клерфе, при Калафате, 13 (24) июня (*Переписка князя Потемкина Таврического. — Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

Войска нашего Кавказского Корпуса открыли действия, в этом году, неудачною экспедициею к Анапе. [212] Генерал-поручик Бибинов, имея в виду расстроить, в самом начале, замыслы начальника турецких войск на Кавказе, баталь-паша, выступил с отрядом, состоявшим из 7600 человек, к Анапе, в самое неблагоприятное для действий время года — в начале февраля. Войска запаслись продовольствием из Прочного-Окопа только на две недели. Черкесские толпы, появившиеся на пути русского отряда, рассеивались от первого пушечного выстрела. Но вскоре войска наши стали терпеть недостаток в провианте. Голод заставил их питаться — сперва просом и другим зерновым хлебом, находимым в татарских жилищах,

а потом лошадиным мясом, кореньями и травой. Несмотря на это бедствие, русские, подойдя к Анапе, 24-го марта, атаковали, под степами ее, 10 тысяч турок и Черкесов, предводимых баталь-пашею, и вогнали их в крепость, отбив 6-ти фунтовую пушку и несколько зарядных ящиков. Быть может — генерал Бибииков, пользуясь смятением неприятелей, овладел бы Анапою, если бы войска наши не подверглись новому страшному испытанию. Жестокая стужа присоединилась к голоду. В первую ночь по прибытии к Анапе, погибло 200 лошадей; солдаты едва успевали согреться, зажигая целые строения. В таких обстоятельствах, нельзя было помышлять о штурме. Войска наши выступили обратно к реке Кубани, переправились через находившуюся долину ее, с большим трудом, на плотках из тростника, и переправили орудия на двух сплоченных лодках, случайно найденных на месте. Из числа войск, участвовавших в экспедиции, возвратилось здоровыми, 5400 человек а из 4134 [213] лошадей — только 1830. Артиллерийские лошади пали все, но ни одного орудия не было потеряно. Генерал Бибииков, по сентенции военного суда, был отставлен от службы, но подчиненные его, отличившиеся мужеством, дисциплиною и повиновением, были награждены, по представлению Потемкина. Всем нижним чинам, участвовавшим в этом походе, пожалованы были серебряные медали, на голубой ленте, с надписью: «За верность» (*Описание похода россиян против турок (рукопись)*). — Бутурлин).

Между тем, как начало действий на сухом пути было столь невыгодно для союзников, русский флот, под начальством контр-адмирала Ушакова, вышел, 16-го мая, из Севастополя, нанес значительный вред неприятельским военным и купеческим судам, у берегов Анатолии, между Синопом и Анапою, и возвратившись к берегам Тавриды, разбил, 8-го июля, несравненно превосходнейший в силах турецкий флот, под командою капудана-паши, Кючук-Гуссейна, товарища в детстве султана Селима, при Еникале (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

Между тем — на место умершего визиря, назначен был Шериф-паша, бывший, по заключении Кайнарджиского мира, комендантом в Очакове. Новый верховный визирь известен был наклоном к миру; но исполняя волю султана, стал делать приготовления к переходу, у Рушук, на правую сторону Дуная. Принц Кобургский, расположенный, в то время, у Синтешти, впереди Бухареста, настаивал на [214] сближении к нему отряда Суворова. Потемкин, уступая просьбам принца, приказал Суворову перейти на правую сторону Серета, чтобы подкрепить, в случае надобности, австрийцев. Во второй половине июля, войска Суворова находились у Ружец, между реками Бузео и Яломицею, а принц Кобургский оставался впереди Бухареста. Таково было расположение союзных войск, в то время, когда Суворов, получив от принца Кобургского известие о наступлении сильной неприятельской армии против австрийцев, выступил им в помощь, 22-го июля, и пройдя, с небольшим в двое суток, 90 верст, прибыл, 24-го, к сел. Афумачу, в 11-ти верстах от Бухареста. Отправясь вперед, для свидания с принцем, Суворов встретился с ним, не доезжая города (*Карта части Молдавии и Валахии, с показанием движений Суворова и принца Кобургского, в 1790 году, составл. обер-квартирмейстером Леном*).

Действительно — турецкая армия, в числе 70-ти тыс. человек, уже наступала к Бухаресту. Говорят — будто бы визирь, получив известие о прибытии русских в помощь австрийской армии, в то самое время, когда, с пером в руке, составлял диспозицию для нападения на принца Кобургского, до такой степени был поражен этою вестью, что выронил перо, сказав: «что же мы станем делать?»

По совещанию между союзными полководцами, положено было атаковать турок. Войска Суворова и принца Кобургского горели нетерпением идти против неприятеля. Число их простиралось до 50-ти тысяч человек; победители при Рымнике не могли сомневаться [215] в победе. Уже составлена была диспозиция к бою... Внезапно — прибыл курьер из Рейхенбаха, с депешою, содержащею в себе известие о конвенции, заключенной между австрийским и прусским правительствами: положено было прекратить действия австрийских войск против турок и приступить к ведению переговоров о мире, которых основанием долженствовало быть возвращение Порте областей, завоеванных австрийцами. Суворов, получив предписание возвратиться к Серету, выступил, 4-го августа, от Афумача к Бузео, а оттуда к сел. Калисии, близ устья речки Путны, 23-го августа. Там оставался он до начала октября, а потом, имея в виду сблизиться с местом главных действий, перешел к сел. Максимени, близ устья Бузео, в расстоянии одного перехода от Галаца (*Карта части Молдавии и Валахии, с показанием движений Суворова и проч.*).

Рейхенбахская конвенция лишила Россию содействия Австрии в войне против Оттоманской Порты, но, вслед за тем, нашему правительству удалось избавиться от неприятеля, отвлекавшего силы русских войск от театра главной войны; 3 (14) августа, заключен был в Верельской долине, на реке Кюмени, между Россиею и Швециею, мирный договор, по которому границы государств оставлены на прежнем основании. Густав III обязался не вмешиваться в дела России с Турциею.

Таким образом, императрица Екатерина могла действовать с большею настойчивостью на юге. Князь [216] Потемкин получил повеление предложить верховному визирю мир, на весьма умеренных условиях — уступки Очакова с его округом и перенесения обоюдной границы на реку Днестр; в случае же отказа на эти предложения, повелено было возобновить действия на Дунае со всевозможною деятельностью. Пруссия и Англия, с своей стороны, желая побудить к уступчивости наше правительство, усилило свои вооружения. Король прусский собрал на восточных границах своих 80-ти тысячную армию и приказал генералу Темпельгофу составить проект осады Риги; Питт готовился послать флот в Балтийское море. Казалось — пламя войны готовилось охватить всю Европу, но союзники Порты ограничились угрозами, которых единственными последствиями были упорство турок продолжать невыгодную для них борьбу и

новые победы русского воинства.

Визирь, желая выказать свою готовность к миру, приказал своим войскам, стоявшим на Нижнем Дунае, уклоняться от встречи с русскими: но турецкий флот, не состоявший под непосредственным его начальством, направился к берегам Крыма и встретился с нашим Черноморским флотом, контр-адмирала Ушакова, 28-го августа, между Гаджибеем и островом Тендрою, в 40 верстах от берега. Турецкий флот состоял из 23-х кораблей и больших фрегатов, при которых было 48 меньших судов; а русский — из 16-ти кораблей и больших фрегатов с 28-ю меньшими судами. Несмотря на огромное превосходство неприятеля в силах, Ушаков вступил в бой, продолжавшийся более суток, и одержал совершенную победу. Главный турецкий корабль [217] *Капитания*, о 80-ти пушках, взорван был на воздух; другой 70-ти пушечный и три судна, с 900-ми человек экипажа, взяты 29-го августа; несколько турецких судов, поврежденных в бою, потонуло; остальные спаслись бегством. Наградой Ушакова был орден Св. Георгия 2-го класса (*Князь Потемкин, извещая одного из черноморских старшин об этой победе, писал: «Наши, благодаря Богу, туркам такого перцу задали, что любо: спасибо Федору Федоровичу».* (Словарь достопамятных людей русской земли, сост. Бантыш-Каменским)).

Между тем, как Черноморский наш флот торжествовал совершенную победу, греческие каперные суда вели отчаянную борьбу с турецкими и варварийскими судами, в Архипелаге. Ламбро-Качони сделался столь страшным для турок, что они старались переманить его на свою сторону, но доблестный воин, считавший первым благом находиться под покровительством императрицы Екатерины (*По кончине Потемкина, Ламбро-Качони жил некоторое время в Петербурге, имел доступ к императрице Екатерине и попросил у ней дозволение носить на голове феску, на которой серебром было вышито изображение руки, с надписью: под рукою Екатерины. Впоследствии он был командиром Балаклавского Греческого пехотного батальона*), отверг с презрением лестные предложения Порты. Действия его, в эту кампанию, были открыты движением к Идре, имевшим целью не допустить 20 идриотских кирлангичей присоединиться к турецкой флотилии. Затем, истребив множество судов с хлебом, плывших в Константинополь, Качони стал в виду Тенедоса, не допуская Ахмет-пашу, собравшего на сем острове довольно значительный турецкий корпус, отплыть на твердую землю и идти к [218] Адрианополю. Но уже турки готовились положить предел успехам отважного моряка; против него послана была эскадра, состоявшая из 2-х линейных кораблей, 2-х фрегатов и многих мелких судов, под начальством сераскира Измаила-бея, который направился из Стамбульской пристани к острову Зее, чтобы присоединить к себе шедшие на усиление его варварийские суда. Узнавши о том, Ламбро-Качони, 6-го августа, на рассвете, подошел с своею флотилиею и атаковал несравненно сильнейших неприятелей. Сражение продолжалось целой день; Качони одержал некоторые успехи, но как варварийские суда уже были близко, то на совете начальников греческих судов, положено было в ночи отступить. В это самое время — наступило безветрие, которое, застигнув Качони, заставило его сражаться против соединенной турецко-варварийской эскадры; после отчаянного боя, греки взорвали пять собственных своих судов, совершенно разбитых неприятельскими ядрами: в числе их находился фрегат самого Качони, раненого и едва успевшего спастись в лодке; остальные греческие суда ушли в Адриатическое море. Потемкин, ходатайствуя о награде подполковника Качони, (произведенного в сей чин 24-го июля 1789 года), писал к Императрице: «Порта, встревоженная его предприимчивостью и мужеством, старалась уловить его разными обещаниями, которые он отверг с презрением. В самой неудаче оказывает он неустранимую твердость. Он потерпел в сражении с турками, но сам почти со всеми спасся, и справясь пойдет опять. Он один только дерется. Всемиловнейшее пожалование в полковники умножит ревность [219] его, а естли еще В. И. Величеству благоугодно будет позволить мне отправить к нему знак военного ордена 4-й степени, то сие, разнесшись повсюду, много произведет действия в народе греческом, к пользе Высочайшей В. И. Величества службе».

По этому представлению, Ламбро-Качони, 24-го сентября 1790 года, получил испрашиваемые награды (*Донесение Потемкина императрице Екатерине. — Описание походов россиян против турок (рукопись.)*).

Все лето и часть осени прошли в безуспешных переговорах Потемкина с верховным визирем. Между тем войска, собранные у Бендер, заняты были разрушением сей крепости. Фельдмаршал предвидел, что, при заключении мира, она могла быть возвращена туркам, и не хотел, в случае продолжения войны, ослаблять своей армии значительным гарнизоном.

Перемирие, заключенное австрийским Правительством с Турциею, обеспечивало от вторжения русских войск всю Валахию по реку Серет. Турки, обеспечив сим условием Браилов и Силистрию, получили возможность усилить, частью находившихся там войск, и без того уже многочисленный гарнизон Измаила; а русские могли действовать наступательно единственно на узком пространстве между Галацом и берегами Черного моря, где турецкие войска были прикрыты несколькими рукавами Нижнего Дуная и значительными болотами. Река Дунай, обогнув своим течением всю Валахию, направляется от Галаца к востоку и несколько ниже Исакчи разделяется на два рукава: левый, *Килийский*, течет мимо Измаила и [220] Килии в Черное море, а правый, достигнув Тульчи, образует два других рукава, из коих левый — *Сулинский* течет прямо в море, а правый — *Георгиевский*, разделяется еще раз и достигает моря двумя устьями; таким образом — Дунай, ниже Исакчи, образует четырьмя своими рукавами дельту, на пространстве около 40 квадр. миль, большею частью, болотистом и пересыхающем местами только в знойную пору. Судходство в нижней части Дуная возможно только по двум рукавам, Килийскому и Сулинскому. Наступательные действия русских войск, на этом пространстве, затруднялись не только естественными, но и искусственными преградами — укреплениями Килии, Тульчи, Исакчи, и в особенности Измаилом — сильною крепостью,

заклучавшею в стенах своих целую армию (*Smidt. Suworow's Leben*).

Потемкин, приступая к решительным мерам, желал знать мнение Суворова о предстоявших действиях. «Гребная флотилия овладеет устьями Дуная, возьмет Тульчу и Исакчу, соединится с сухопутными войсками, покорит Измаил и Браилов и приведет в ужас Шистову» — отвечал Суворов (*В это самое время, австрийцы вели переговоры с турками в Шистове*). Действительно — для одновременного обложения Измаила с сухого пути и Дуная, нужно было сперва овладеть Килиею и Тульчею, господствовавшими над судоходством в устьях реки; нападение же на Измаил со стороны Дуная необходимо было для отрезания этой крепости от других пунктов, служивших [221] туркам хранилищами военных и продовольственных запасов. Таковы были причины, побудившие князя Потемкина предпринять овладение Килиею и Тульчею прежде покорения Измаила.

Для отвращения внимания турецких полчищ, занимавших Измаил, послан был к этой крепости, генерал-поручик Потемкин с особым отрядом (8 бат. и 11 эск.), между тем как войска, назначенные для действий против Килии, под начальством генерал-аншефа Меллера-Закомельского, собрались к 18-му сентября, у татар-бунара (*Состав войск, собранных у татар-бунара: Херсонский гренадерский и Троицкий мушкетерский полки: Лифляндский и Бугский егерские корпуса, всего 14 батальонов; легкоконные полки: Острожский, Ахтырский, Харьковский, Павлоградский, Александрийский и Мариупольский; Ольвиопольский гус. полк: всего 42 эскадрона, два казачьих донск. полка; 60 полевых и 18 осадных орудий. Впоследствии под Килией присоединились Полоцкий и Алексопольский мушк. полки*). Генерал Меллер, отрядив генерал-майора Кутузова, с Бугским егерским корпусом, Приморским Николаевским гренадерским полком и 12-ю полевыми орудиями, к озеру Катлабугу, для прерывания сообщений Измаила с Килиею, направился к сей последней крепости, и прибыв туда, 3-го октября, усилен был, на следующий день, отрядом генерал-поручика Гудовича (*Состав отряда генерала Гудовича: Екатеринославский и Святоиколаевский гренад. полки: всего 6 батал. Орденский, Конногренадерский и Елисаветградский конноегерский: всего 20 эскадр. (извлеч. из Описания войны 1787—1791 г. составленного генерал-поручиком Тучковым и Атласа Турецкой войны, составленного полковником Тизенгаузеном)*). В то же время генерал-майору Рибасу приказано было отплыть, с гребною флотилиею и черноморскими лодками, от Очакова, вдоль морского берега, [222] к устьям Дуная, и содействовать сухопутным войскам в покорении турецких крепостей. Этот человек, щедро одаренный природою, соединял в себе самые разнообразные способности: неустрашимость воина с ловкостью дипломата; искусство составлять самые сложные соображения и решимость приводить их в исполнение; отважный кавалерист — непоколебимый в опасностях моряк — тонкий дипломат — таков был Рибас. Потемкин нередко вверял ему важные поручения, требовавшие особенной деятельности и решительности. Суворов говорил, что для него с Рибасом не было ничего невозможного и брался, вместе с ним и с 40 тысячами русских войск, завоевать Константинополь (*План, составленный Суворовым вместе с Рибасом, по поручению императрицы Екатерины II, в 1795 году (рукопись)*). Младший брат генерала Рибаса (Эмануил) прославился также неустрашимостью и считался одним из храбрейших воинов русской армии (Из письма капитана Маллиа, состоявшего адъютантом при генерале Рибасе на Измаильском штурме). , Генерал-аншеф Меллер, по прибытии к Килии, немедленно предложил тамошнему паше сдаться на капитуляцию, но не получив удовлетворительного ответа, решился штурмовать ретраншамент, огибавший крепость. С этою целью — в ночи с 5-го на 6-е октября, посланы были Херсонские гренадеры и Лифляндские егеря, под начальством генерал-поручика Самойлова, поддержанные батальоном Екатеринославского гренадерского полка, спешенными гренадерами Орденского полка, Троицким пехотным, легкоконным [223] Александрийским и гусарским Ольвиопольским полками, под командою генерал-майора принца Виртембергского. Войска наши овладели ретраншаментом, но турки сделали сильную вылазку из крепости и яростно атаковали гренадер. Меллер, узнавши о том, сел поспешно на лошадь, поскакал из лагеря к крепости, отразил турок и в этот самый миг был смертельно ранен картечью. Когда его уносили с поля сражения, он успел сказать: «поручаю команду Гудовичу».

На следующее утро, по приказанию генерала Гудовича, открыты были траншеи против крепости; но покорение Килии затруднялось неприятельскою гребною флотилиею, в соседстве стоявшею. Наконец — для устранения турецких судов — гвардии секунд-майор граф Марков (Иракий Иванович), с двумя батальонами и четырьмя полевыми орудиями, переправился по понтонному мосту на остров, лежащий выше крепости, и устроил там батарею, которая заставила удалиться неприятельскую флотилию. Между тем — сделан был пролом в городской стене, что заставило гарнизон, состоявший в числе 5-ти тысяч человек, сдать крепость, 18-го октября, под условием свободного отступления за Дунай. В крепости найдено было 67 орудий (*Описание войны 1787 — 1791 г., составленное инженер-генерал-поручиком Тучковым (рукопись). Донесение князя Потемкина императрице Екатерине*).

Генерал Гудович, приняв меры для занятия Килии и для приведения этой крепости в оборонительное состояние, обратился к Измаилу. Но для совершенного [224] обложения и отрезания от прочих турецких крепостей сей твердыни, необходимо было овладеть течением Дуная. Генерал-майор Рибас с гребными судами, задержанный противными ветрами в Днепровском лимане, вышел оттуда не прежде 13-го октября, направился к устью Днестра и присоединил там к своей флотилии черноморские лодки, состоявшие под начальством войскового судьи, полковника Головатого, 18-го. Затем — отрядив эти лодки с 12-ю легкими лансонами (судами) в Килийское устье, генерал Рибас направился с главными силами флотилии, в большем расстоянии от берега, к Сулинским гирлам, и на следующий день стал на якорю в 7-ми

верстах от входа в рукав. 20-го на рассвете, произведено было обозрение, из которого оказалось, что неприятельские укрепления состояли в двух батареях, построенных по сторонам входа, для поражения подходящих судов перекрестными выстрелами; за этими батареями — видна была неприятельская флотилия. Для успешного действия против турецких судов необходимо было сперва овладеть батареями: генерал Рибас поручил это опасное предприятие брату своему, подполковнику Рибасу, с двумя батальонами Днепровского и Святоиколаевского гренадерских полков, в числе 1.000 человек, назначенных для высадки, которые, подплыв на легких судах к мелям, должны были кинуться вброд и произвести высадку; прочим же судам приказано было поддерживать десантное войско. Подполковник Рибас, несмотря на внезапную прибыль воды, приблизясь к берегу, бросился с 600-ми человек с лодок в море и достигнул берега; прочие же суда не успели [225] подплыть за сильным противным ветром. Сильная канонада турецких батарей и судов заставила Рибаса расположить высаженные войска в закрытой местности до наступления ночи. В полночь, малочисленный русский отряд, выйдя из засады, овладел батареею, устроенною на левом берегу, и несколькими турецкими лодками; затем — подполковник Рибас обратил захваченные им орудия против другой неприятельской батареи, ослабил огонь ее, и — с рассветом — переправясь на правый берег, овладел батареей и обратил в бегство турецкую флотилию. Вообще же взято нашими войсками на обеих батареях тринадцать орудий, да на взорванном неприятельском судне — шесть. Между тем — ветер стих и флотилия генерала Рибаса вошла в Килинский рукав. Полковник Головатый, 19-го октября, так же вошел в Килийское устье и 23-го прибыл под Килию (*Донесение Потемкина, от 21-го ноября 1790 года*).

Пользуясь этим успехом, генерал Рибас, 6-го ноября, отрядил капитана 1-го ранга Ахматова, с частью судов, для овладения Тульчею, замком, которого орудия обстреливали Сулинское гирло; девятнадцать турецких судов, стоявшие поперек рукава, преграждали доступ. Но капитан Ахматов овладел частью неприятельской флотилии и обратил в бегство остальные суда; а подполковник Рибас высадил на берег своих гренадер и занял без сопротивления замок, 7-го ноября. Добыча победителей, не потерявших ни одного человека, состояла в 10-ти пушках, 240 бочонках пороха и в значительном количестве военных припасов (*Донесение Потемкина, от 24-го ноября 1790 года*). [226]

Таким образом был открыт путь русской флотилии к Измаилу, по обоим судоходным рукавам Дуная. Генерал Рибас, обойдя остров Чатал и достигнув пункта разделения дунайских вод на два первые рукава, предпринял произвести поиск на Исакчу, и с этою целью отрядил туда часть флотилии, под начальством своего брата и капитан-лейтенанта Литке. Русские суда, поднявшись медленно вверх по течению Дуная, приблизились, 13-го ноября, к Исакче — крепкому замку с высокими стенами, сооруженному на возвышении правого берега реки. Турецкая флотилия, расположенная между замком и впереди лежащим островом, встретила наши суда сильною канонадою, в которой также приняли участие орудия, стоявшие на стенах замка. Но храбрые наши моряки, не отвечая на пальбу турок, до тех пор, пока подошли к ним на картечный выстрел и выстроились у линию и открыли жестокий огонь, от которого вскоре загорелись многие неприятельские суда; к довершению ужаса турок, несколько наших лансонов, обогнув остров, зашли им в тыл. Этот искусный маневр решил участь боя. Неприятели, оставив свои суда, батареи и замок, обратились в бегство. 22 турецкие лансона были сожжены; остальные захвачены; 90 орудий, 300 бочонков пороха, 20 тысяч ручных гранат, 20 тысяч ядер, 4 тысячи пуд свинцу и множество съестных припасов, достались в руки победителей. Взятие Исакчи лишило турок главного складочного места военных и продовольственных запасов (*Донесение Потемкина от 30-го ноября, 1790 года, — Описание походов россиян против турок (рукопись)*). [227]

По занятии Исакчи, генерал Рибас, получив приказание Потемкина — занять остров Чатал и истребить турецкие суда, стоявшие под стенами Измаила, приблизился к ним с своей флотилией, 18-го ноября, по Килийскому рукаву, и стал выше крепости, между тем как полковник Головатый, с 12-ю лансонами и с казачьими дубами, расположился ниже крепости, в расстоянии пушечного выстрела; в то же время — генерал-майор Арсеньев, с 2-мя батальонами и 600-ми казаков, произвел высадку на остров Чатал. Турки, расположив свои суда под стенами каменного приречного бастиона, выслали 5 лансонов против нашей флотилии, желая заманить русских под выстрелы крепостных орудий. В продолжении 4-х часов, с нашей стороны, не сделано было ни одного выстрела; но наконец — генерал Рибас, выведенный из терпения наглостью турок, послал против них несколько судов, под командою своего храброго брата, который потопил один из неприятельских лансонов и загнал прочие под пушки Измаила. Затем — наступило бездействие, продолжавшееся целые сутки.

На следующий день, в 7 часов вечера, заложены были батареи на острове, под прикрытием канонады обеих наших флотилий; неприятель так же открыл сильный огонь со всех судов и с крепости. Утром 20-го ноября, батареи были окончены; немедленно — обе наши флотилии подошли к крепости на картечный выстрел; 5ть брандеров, под прикрытием вооруженных лодок, пустились на неприятеля; но не оказали успешного действия. Вслед за тем — открыта была жестокая канонада с наших батарей [228] и судов по городу и по турецкой флотилии. Капитан Ахматов с капитан-лейтенантами Поскочиным и Кузнецовым подвели свои баркасы на ружейный выстрел к каменному бастиону, где стояло турецкое 18-ти пушечное судно и множество других меньших. Неприятели, пораженные ужасом, оставили бастион и большую часть судов своих; 7 лансонов было сожжено, а 18-ти пушечное судно взорвано брандскугелем, направленным собственноручно сыном знаменитого принца де Линя. Уничтожение турецкой флотилии было довершено судами Головатого, которые, пройдя, под градом ядер и картечи, мимо крепости, атаковали неприятеля и нанесли ему жестокое поражение. Генерал Рибас, сообразив невозможность удержаться в занятом бастионе и довольствуясь успехом порученного ему действия, отвел назад свои суда, под

прикрытием батарей, устроенных на острове.

Потерн неприятеля были огромны: до 90 турецких судов было сожжено, либо потоплено; с нашей стороны — взорвано и потоплено 9 судов. Урон русских войск вообще простирался до 500 человек (*Донесение Рибаса и Потемкина. — Описание походов россиян против Турок (рукопись)*).

Между тем — велись переговоры в лагере верховного визиря, при Журже, чрез посланного туда Потемкиным статского советника Лошкарева и рейс-эфенди. Визирь, приняв весьма благосклонно Лошкарева, изъявлял совершенную готовность к миру и преданность к *приятелю своему принцу*; но не скрыл от нашего дипломата препятствий, затрудняющих *благое [229] и богоугодное дело*. «Наш Государь — сказал он — «молодой человек, в котором еще кипит кровь». — Невежество турок простиралось до того, что они считали требуемую нами уступку Очакова с его округом несравненно значительнейшею, нежели она была в действительности, и долго не могли найти на карте Днестра. Между тем — визирь домогался о заключении перемирия, и может быть переговоры, веденные с ним, имели бы успех, если бы не вмешались в это дело иностранные агенты, которые, под личиною сочувствия к Турции, отклонили Диван от уступчивости и чрез то невольно возвысили славу русского оружия. Хотя визирь, при свидании с Лошкаревым уверял, что он «не променяет дружбы принца Потемкина, уже испытанной им, за три Пруссии», однако же сознавался, что «обстоятельства, в которых тогда находилась Турция, заставляли его ласкать пруссаков, заботящихся о заключении перемирия Портою с немцами» (австрийцами) (*Донесение статского советника Лошкарева князю Потемкину Таврическому, от 11-го августа 1790 года*). Потемкин отвечал Лошкареву, что условия, предложенные Визирю, по повелению императрицы, были неизменны, — что не для чего было заключать перемирия, и что он предлагает Визирю — *мир, или войну*. На счет посредничества посторонних правительств, Потемкин полагал, что империям «столь знатным» можно было обойтись без чуткого влияния. Что же касается до прусских агентов, то приказано было обходиться, с ними как можно ласковее, и, при случае, напоминать о постоянной дружбе, существовавшей [230] между нашим и прусским дворами (*Повеления Потемкина стат. совет. Лошкареву от 16-го августа и 7-го сентября 1790 года*). Наконец — Потемкин, выведенный из терпения двуличием Шериф-паши, отозвал Лошкарева и решил положить предел упорству Дивана подвигом, невозможным по мнению турок — покорением Измаила. Падение этой твердыни должно было открыть нашему воинству путь за Дунай и побудить к миру Оттоманскую Порту. Фельдмаршал принял верное средство к покорению Измаила: он поручил это дело Суворову (*Собственноручное письмо Потемкина к Суворову, от 25-го ноября 1790 года*). Маллиа (*Адъютант Рибаса*), в одном из частных писем, уверяет, будто бы он подал Потемкину мысль — вверить Суворову начальство над войсками, собранными под Измаилом (*Je n'ai pas été inconnu à Souvarow. Ses bontés pour moi dataient de l'année 1788, devant Oczakow et Kinburn. En 1790, il était oisif dans son camp de Byrlat, et l'armée, qui cernait Izmail, n'était pas moins inactive. Je me rendis de l'armée d'Izmail, le 25 Novembre, auprès du Prince Potemkin à Bender, pour le décider à donner à Souvarow le commandement de l'armée d'Izmail, déjà en pleine retraite; un peu de bonheur et beaucoup de zèle me valurent ce grand succès, puisque Souvarow et l'assaut n'allaient pas l'un sans l'autre. Ainsi – sans moi (tant les plus petites causes influent sur les plus grands événements) il n'y aurait point eu d'Izmail et le Regne d'une Immortelle Souveraine aurait eu de moins une de ses belles pages*) (*Я не был безвестен Суворову. Его доброта для меня датировались 1788 годом, перед Очаковым и Кинбурном. В 1790 он томился в лагере под Бырладом, и армия, осаждавшая Измаил, бездействовала не меньше. Я упросил Потемкина 25 ноября в Бендерах, дать Суворову команду над армией, уже отступающую от Измаила; немного удачи и многие труды позволили мне добиться этого большого успеха, поскольку Суворов и атака не идут один без другого. Таким образом, без меня (сколь малые причины оказывают влияние на самые значительные события) не было бы совсем Измаила и у Царственной Бессмертной Государыни было бы меньше на одну из ее прекраснейших страниц – пер. Адъютанта*); но это показание весьма сомнительно. Фельдмаршал и без того уже имел много случаев узнать гениального своего подчиненного.

По истреблении турецких судов под Измаилом, русские войска, в продолжение нескольких дней, занимались [231] сооружением батарей на острове Чатале. Между тем — 21-го ноября, крепость была обложена с левой стороны Дуная отрядом генерала Кутузова, а со стороны острова войсками Рибаса и 4-мя батальонами прибывшими от Килии, вслед за коими при был, 24-го, сам Гудович с 9-ю батальонами, отправив остальную свою пехоту и всю кавалерию в Бендеры, и пришел от Тобака генерал-поручик Потемкин с 8-ю батальонами и 11-ю эскадронами: вообще же, в конце ноября, собрано было под Измаилом 29 батальонов, 11 эскадронов и 15 тысяч иррегулярных войск.

Но внезапно — прекращены были все осадные работы. Ненастная погода чрезвычайно умножила число больных; генералы, начальствовавшие войсками потеряли надежду в успехе осады, предпринятой в столь позднее время года; решено было снять обложение крепости. — Уже осадные орудия отправлены были в Бендеры; войска — частью отошли от крепости — частью готовились к отступлению. Казалось — предприятие, задуманное Потемкиным, было совершенно оставлено.

Фельдмаршал, получив донесения генералов Гудовича и Рибаса, о принятом ими намерении — отступить от Измаила — сам усомнился в возможности этого предприятия и разрешил Суворову — оставить его (*Секретный ордер князя Потемкина, 29-го ноября 1790 года*).

Между тем — Суворов, (которого отряд, в то время, находился у Галаца), получив первое повеление [232] Потемкина — о принятии начальства над войсками под Измаилом — был весьма обрадован

данным ему поручением. Ему известны были вполне все затруднения этого предприятия; но тем большая слава ожидала его. Решась достигнуть того, что другие считали невозможным, он — в случае неудачи — готов был пожертвовать жизнью.

Из числа войск находившихся при Галаце, Суворов направил к Измаилу Фанагорийский гренадерский полк, с 200-ми казаков, 1.000-ю арнаутов и 150-ю охотниками Апшеронского полка, послал приказание войскам, отступавшим от Измаила, возвратиться к сей крепости, и поручив команду над остальною частью своего отряда генерал-поручикам князю Голицыну и Дерфельдену, сел на коня и с полусотнею казаков отправился в Измаильский лагерь.

Там господствовало уныние. Уже более двух недель войска стояли в окрестностях крепости, переносили труды и лишения — и все это перенесено было понапрасну. Между тем, как турки, узнавшие о снятии обложения, торжествовали нашу неудачу громкими восклицаниями и выстрелами, русские войска, упавшие духом, хранили угрюмое молчание. Внезапно — мчится курьер и привозит повеление фельдмаршала: *генералу Суворову поручено покорение Измаила*. Эта весть, с быстротою молнии, распространяется по всему стану; смущение заменяется надеждою.

Вслед за тем — 2-го декабря, прискакал Суворов; все приняло другой вид; уверенность, мужество и деятельность *непобедимого* одушевили солдат его. «Видите ли эту крепость — говорит он своим [233] воинам. — Высоки стены Измаила; глубоки рвы; но мы возьмем его: нам приказала это наша Матушка Императрица; исполним ее волю.» — «С тобою мы возьмем его непременно,» отвечают воины Суворова.

Получив, вскоре по прибытии к Измаилу, разрешение Потемкина — снять осаду крепости — Суворов послал в ответ следующую записку: «по силе повелений Вашей Светлости, первоначально войска сблизилась под Измаил, на прежние места, — так безвременно отступить, без особого повеления Вашей Светлости, почитается постыдно. У г. генерал-поручика Потемкина я застал план, который поверял: крепость — без слабых мест. Сего числа приступлено к заготовлению осадных материалов, которых не было, для батарей, и будем стараться их совершить к следующему штурму, дней чрез пять, в предосторожность возрастающей стужи и мерзлой земли. Шанцевый инструмент умножен. Письмо Вашей Светлости к Сераскиру отправлю за сутки до действия. Полевая артиллерия имеет снарядов только на один комплект. Обещать нельзя. Божий гнев и милость зависят от его Провидения (и счастья Вашей Светлости) *(В подлиннике, слова, помещенные в скобках, зачеркнуты)*. Генералитет и войска к службе ревностью пылают.» *(Записка графа Суворова-Рымникского к князю Потемкину-Таврическому, от 3-го декабря 1790 года)*

Действительно — несмотря на то, что в числе воинов Суворова находились очаковские и рымникские [234] герои — весьма естественно было сомневаться в успехе задуманного предприятия — покорения сильной крепости, обороняемой целою армиею. Число защитников Измаила увеличивалось по мере падения турецких твердыней; туда ушли войска, оборонявшие Хотин, Аккерман, Бендеры и Килию. Сдача этих крепостей навлекла на гарнизоны их гнев султана: повелено было, чтобы в случае капитуляции Измаила — каждый из оставшихся в живых защитников его был предан смерти. Комендантом измаильским был поседельный в боях сераскир Айдозли-Мехмед-паша. Два раза уже отклонил он от себя достоинство верховного визиря; когда же ему вверена была защита оплота Оттоманской Порты, он обрек себя священной обязанности — отстоять Измаил, либо погибнуть под развалинами его. Храбрый Каплан-гирей, с пятью сыновьями, и многие из пашей твердо решились разделить участь вождя своего. Гарнизон состоял из 35-ти, (а по другим сведениям, из 42-х) тысяч, в числе которых было до 17-ти тыс. янычар; крепость снабжена была в изобилии военными и съестными припасами.

Таковы были средства к защите Измаила. Напротив того — войска Суворова терпели во всем нужду, не имели осадной артиллерии и считали в рядах своих с небольшим 30 тысяч человек, в числе которых почти половина состояла из казаков, вооруженных укороченными пиками.

По сборе корпуса, назначенного для штурма, и по прибытии войск из Галаца, приступлено было к обложению Измаила, с сухого пути, в расстоянии двух верст от крепости; со стороны же Дуная [235] она была обложена обеими флотилиями и пехотою, высаженною на остров. Приказано было приготовить 40 лестниц, длиною от 3-х до 4-х сажень, и 2.000 фашин, не считая 30-ти лестниц и 1.000 фашин, привезенных из Галаца. Затем приступлено было к примерным штурмам, которые производились по ночам, чтобы не возбудить осторожность неприятеля. Между тем — Суворов, в сопровождении обер-квартирмейстера Лена, многих генералов и штаб-офицеров, ежедневно производил обозрение крепости, с тою целью, чтобы ознакомить своих подчиненных с подходами к укреплениям. При этих рекогносцировках, он иногда приближался к неприятелю на ружейный выстрел, указывая начальникам колон пути, по которым они должны были следовать, и пункты, коими долженствовали овладеть штурмующие войска. В первые дни турки стреляли по свите Суворова, но впоследствии — не обращали на нее никакого внимания. Таким образом — полководец наш, готовясь к отважному предприятию, принял все зависевшие от него меры к одержанию успеха.

С 6-го на 7-е декабря, на флангах осадного корпуса, построены были батареи, под руководством инженер-полковника австрийской службы, принца Карла-де-Линь (сына знаменитого фельдмаршала) и артиллерии генерал-майора Ртищева; на этих батареях, построенных единственно для того, чтобы дать действиям наших войск вид правильной осады и усыпить бдительность турок, поставлено было 40 полевых орудий, в расстоянии около 200 сажень от крепости. [236]

Вслед за тем — 7-го декабря, послано было к сераскиру письмо князя Потемкина, заключавшее в себе требование сдачи крепости, вместе с следующею запискою Суворова.

«Сераскиру, Старшинам и всему Обществу.

«Я с войском сюда прибыл. 24 часа на размышление для сдачи, и — воля; первые мои выстрелы — уже неволя; штурм — смерть. Что оставляю вам на рассмотрение» (*Собственноручная записка графа Суворова, 7-го декабря 1790 года*).

Сераскир отвечал вежливым, но решительным отказом, упоминал о тишине, столь долгое время господствовавшей, с обеих сторон, под Измаилом, о гибели 9-ти русских судов в последнем деле на Дунае, просил о заключении перемирия на 10 дней, необходимого для сношения с верховным визирем, и, в случае отказа, возлагал всю надежду на Бога (*Письмо измаильского сераскира, 8-го Декабря 1790 года*).

Суворов, узнав от пленных, что жители города склонялись к покорности, послал к сераскиру, с словесным требованием сдачи крепости, одного из захваченных нашими войсками турецких офицеров. Сераскир, приписывая это вторичное покушение Суворова неуверенности в успехе действия, отвечал: «прежде остановится течение Дуная и склонится небо к земле, нежели сдастся Измаил» (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*). — *Smidt. Suworow's Leben*)

Оставалось прибегнуть к силе оружия. 9-го декабря [237] Суворов собрал военный совет, единственно с тою целью, чтобы убедить своих подчиненных в необходимости предположенного действия. Предлагая на обсуждение вопрос — о покорении Измаила, Суворов сказал: «два раза русские подходили к Измаилу и два раза отступили они; теперь, в третий раз, остается нам только — взять город, либо умереть. Правда, что затруднения велики: крепость — сильна; гарнизон — целая армия, но ничто не устоит против русского оружия. Мы сильны и уверены в себе. Напрасно турки считают себя безопасными за своими стенами. Мы покажем им, что наши воины и там найдут их. Отступление от Измаила могло бы подавить дух наших войск и возбудить надежды турок и союзников их. Если же мы покорим Измаил — кто осмелится противостать нам? Я решился овладеть этою крепостью, либо погибнуть под ее стенами.»

Эта краткая речь возбудила восторг в храбрых сподвижниках Суворова. Платов (герой отечественной войны), которому — как младшему в совете — надлежало подать голос первому, громко сказал: штурмовать! Прочие все пристали к нему. Суворов, перецеловав их всех, одного за другим, сказал: «сего дня — молиться; завтра — учить войска; послезавтра — победа, либо славная смерть»... Участь Измаила была решена.

Подлинное определение совета 9-го Декабря, 1790 года, при Измаиле.

«Приблизясь к Измаилу, по диспозиции, приступить [238] к штурму неотлагательно, дабы не дать неприятелю времени еще более укрепиться, и посему уже нет надобности относиться к его Светлости, главнокомандующему. Сераскиру, в его требовании, отказать. Обращение осады в блокаду исполнять не должно. Отступление предосудительно победоносным ее Императорского Величества войскам.

По силе четвертой-на-десять главы Воинского Устава, на подлинном подписано:

Бригадир Матвей Платов.

Бригадир Василий Орлов.

Бригадир Федор Вестфален.

Генерал-майор Николай Арсеньев.

Генерал-майор Сергей Львов.

Генерал-майор Иосиф де Рибас.

Генерал-майор Ласси.

Дежурный генерал-майор граф Безбородко.

Генерал-майор Федор Мекноб.

А. Генерал-майор Петр Ртищев.

Генерал-майор Михаило Голенищев-Кутузов.

Генерал-поручик Александр Самойлов.

Генерал-поручик Павел Потемкин.

Между тем — войска продолжали упражняться движениями и приемами необходимыми при штурме; сам Суворов учил их бросать фашины, переносить и приставлять лестницы, взлезать по ним на вал и действовать штыком. Солдаты, возбужденные его самоуверенностью, с нетерпением ожидали дня, в который они должны были показать на самом деле искусство свое. [239]

Измаильская крепость лежит между озерами Ялпухом и Катлабугом, на склоне отлогой высоты, оканчивающейся при Дунае низким, но довольно крутым скатом. Турки, убедившиеся в предшествовавшую войну, в важности Измаила, усилили эту крепость, с пособием французских инженеров. Она имела фигуру прямоугольного треугольника, которого южная приречная сторона простиралась на 1.000 сажень, западная

— на 700, а северо-восточная — на 1.300 сажень; вообще же крепостные верки простирались кругом на 6 верст. Кроме семи бастионов, крепостной вал образовал множество входящих и исходящих углов; не было — ни внешних построек — ни прикрытого пути; но зато — вал имел вышины от 3-х до 4-х сажень, а ров, при 6-ти саженной ширине, местами — такую же глубину. Все верки сооружены были из земли, за исключением двух каменных бастионов: один из них, построенный в верхнем углу приречной стороны, имел двойную пушечную оборону; верхний ряд орудий стоял на барбете, а нижний — в казематах; другой же бастион, сооруженный в исходящем северном углу, так же имел каменную одежду, усилен был башнями, построенными в плечных углах, и вооружен 30-ю орудиями. На валганге фронтов, обращенных к западу и северо-востоку, стояло более 200 орудий; приречная же сторона, на которую турки не ожидали нападения, вооружена была гораздо слабее.

Широкая низина, простирающаяся от севера к югу, разделяет город на две части, из которых большая — западная — называлась *старою*, а восточная — *новою* крепостью. Сообщения Измаила с окрестною [240] страной производились чрез четверо ворот: Царьградские (Бросские) и Хотинские на западной, а Бендерские и Килийские на северо-восточной стороне города (*Извлечено из сведений заключающихся в планах и описаниях Измаильской крепости*).

Диспозиция к штурму, вместе с дополнением к ней, заключала в себе следующие распоряжения: войска, в составе 33-х баталионов, 11-ти эскадронов, более 13-ти тысяч казаков и 2-х тысяч арнаутов, всего же в числе 31 тысячи человек, разделены были на три части и общий резерв. Первая часть, (правое крыло) вверенная генерал-поручику Потемкину и назначенная для овладения старою крепостью, в числе 7.500 человек (*Состав правого крыла: 1-я колонна, генерала Львова: 150 охотников Апшеронского полка с 75-ю фашинами; 50 рабочих (с топорами, лопатами, молотами и ломами); батальон Белорусского егерского корпуса (состоявший, вместе с Апшеронскими мушкетерами, под командою полковника князя Лобанова-Ростовского), и Фанагорийский гренадерский полк со 175-ю фашинами; 2-я колонна, генерала Ласси: 128 Екатеринославских стрелков; 50 рабочих; Екатеринославский егерский корпус и один батальон Белорусского корпуса, с 300-ми семифутовых фашин и 8-ю трехсаженными лестницами; 3-я колонна, генерала Мекноба: 128 Лифляндских стрелков; 50 рабочих; три баталиона Лифляндского егерского корпуса, с 500-ми фашин и 8-ю 4-хсаженными лестницами; два баталиона Троицкого мушкетерского полка, и 1.000 арнаутов, под командою майора Фалькенгагена. Всего же под начальством генерала Потемкина было: 15 батальонов, охотники Апшеронского полка и 1.000 арнаут. (Извлечено из рапорта графа Суворова князю Потемкину, от 21-го декабря 1790 года)*), разделена была на три колонны, впереди которых приказано идти охотникам и рабочим командам с шанцевым инструментом. 1-я колонна, под командою генерал-майора [241] Львова, должна была направиться вдоль берега Дуная, уничтожить палисады, находившиеся правее каменного бастиона, и двинуться в тыл войскам оборонявшим сей бастион и прилежавшую к нему куртину. 2-я колонна, генерал-майору Ласси, назначена для главной атаки в соседстве Бросских ворот; генерал-майору Мекнобу, с 3-ю колонною, вверено было трудное поручение — взлезть на вал правее северного каменного бастиона, где ров имел наибольшую глубину. Все эти генералы были люди испытанной храбрости, отличившиеся на Очаковском штурме. 2-я часть, (левое крыло) под начальством генераль-поручика Самойлова, назначенная для овладения новою крепостью и одним из бастионов старой, в числе 12-ти тысяч человек (*Состав левого крыла: 4-я колонна, бригадира Орлова (с 600-ми фашин и 6-ю лестницами, длиною в 5½ сажень): 150 охотников из казаков; 50 рабочих; 5 тыс. казаков. 5-я колонна, бригадира Платова (с 600-ми фашин и 8-ю лестницами): 150 охотников из казаков; 50 рабочих; 5 тыс. казаков; 1000 арнаут под командою подполковника Соболевского; Полоцкий мушкетерский полк. 6-я колонна, генерала Кутузова (с 600-ми фашин и 8-ю четырехсаженными лестницами): 120 бугских егерей; 50 рабочих; 100 охотников; три батальона бугских егерей; два батальона Херсонского гренадерского полка и 1000 казаков. Всего же под начальством генерала Самойлова было: 7 баталионов, 8 тыс. казаков и 1000 арнаут. (Извлеч. из рапорта графа Суворова, от 21-го декабря 1790 года)*), разделена была также на три колонны, впереди которых приказано было находиться стрелкам из казаков, вооруженных ружьями, и рабочим командам. Из числа же прочих казаков, составлявших 4-ю и 5-ю штурмовые колонны, только пятая часть вооружена была длинными, а прочие — укороченными пиками. Эти колонны, состоявшие [242] под общим начальством генерал-майора Безбородко и в непосредственной команде бригадиров Орлова и Платова, назначены были для атаки между Бендерскими и Килийскими воротами; а генерал-майору Кутузову, с 6-ю колонною, поручена главная атака, в соседстве Килийских ворот. — В резерве колонн, действовавших с сухого пути, приказано было находиться регулярной кавалерии и 4-м донским казачьим полкам, в числе 2500 человек, под командою бригадира Вестфалена (*Состав общего резерва: 6ть эскадронов Северского карабинерного полка; 4-е эскадрона Воронежского гусарского полка; (один эскадрон этого же полка оставлен для прикрытия вагенбурга, стоявший в 4-х верстах позади расположения войск); 4-е Донских полка. (Извлеч. из рапорта графа Суворова, от 21-го декабря 1790 года)*).

Наконец — 3-я часть войск, долженствовавшая штурмовать крепость со стороны Дуная, под начальством генерал-майора Рибаса, состояла из войск флотилии, усиленных 4-мя батальонами, всего до 9-ти тысяч человек (*Состав войск, назначенных для штурма со стороны Дуная: 1-я колонна, генерала Арсеньева: 400 Черноморских казаков полковника Головатого; два батальона Святоиколаевского гренадерского полка; один батальон Херсонского гренадерского полка; один батальон Лифляндского егерского корпуса; 2 тыс. Черноморских казаков. 2-я колонна бригадира Чепеги: Алексопольский мушкетерский полк; 200 Днепровских гренадер; 1000 Черноморских казаков. 3-я колонна, гвардии секунд-*

майора Маркова: 800 Днепровских гренадер; один батальон Бугских и два батальона Белорусских егерей; 100 Черноморских казаков. Всего же под начальством генерала Рибаса 11 батальонов и 4000 казаков. (Извл. из рапорта графа Суворова князю Потемкину, от 21-го декаб. 1790 года), и разделена была также на три колонны: правая, генерал-майора Арсеньева, назначалась для атаки новой крепости; средняя, бригадира [243] Чепеги, должна была действовать в центре, а левая, бригадира Маркова — штурмовать старую крепость. Всей флотилии приказано было построиться в две линии: в первой — казачьим полкам с войсками, назначенными для высадки, а во второй — большим судам, долженствовавшим облегчить высадку огнем своих орудий.

Начальники частей войск получили приказание: подойти в ночи скрытно к крепости на 300 сажень и ожидать сигнала к приступу; согласовать движение колонн; наступать безостановочно, и взойдя на вал, не прежде входить в город, как по открытии ворот и по вступлении резервов. Предписано было осматривать тщательно занятые бастионы и охранять от взрыва находимые в них пороховые погреба. По овладении валом, обеспечивать себя, при дальнейшем наступлении, занятием бастионов, батарей, ворот и городских площадей. Стараться, всеми средствами, предохранить город от пожара; шадить христиан и вообще безоружных жителей, детей и женщин (*Диспозиция к Измаильскому штурму*).

Сам Суворов намерен был находиться близ 3-й колонны. При нем состояли, во время штурма, полковник Тизенгаузен и камергеры: граф Чернышев, которому поручено было составление плана крепости, с показанием движений каждой из колонн, и князь Волконский. В числе волонтеров находились: полковник принц Гессен-Филипстальский (впоследствии прославившийся обороною Гаеты); полковник [244] граф Дамас, француз — по живому характеру своему, русский — по соблюдению воинской подчиненности; принц Карл де Линь, достойный сын знаменитого австрийского фельдмаршала; герцог Фронсак, оказавший, под именем герцога Ришельё, незабвенные заслуги двум великим державам; французской службы полковник Ланжерон; полковники Валериан Зубов, Гудович и князь Лобанов-Ростовский (*Рапорт Суворова князю Потемкину об измаильском штурме, от 21-го декабря 1790 года*).

10-го декабря, накануне приступа, произведена была канонада, продолжавшаяся весь день: 40 орудий действовало со стороны сухого пути; 100 орудий — с острова, и до 400 — с флотилии; неприятели отвечали огнем 250-ти орудий; одна из брошенных ими бомб попала в крют-камеру бригантины Константин и взорвала это судно с 300-ми человек. К вечеру, пальба прекратилась; наступила мертвая тишина. Турки, имевшие сведение о предстоявшем штурме, от двух запорожцев, бежавших из русского лагеря в крепость, оставались всю ночь на валах, в готовности отразить нападение.

С нашей стороны, тоже никто не помышлял о покое; старые солдаты ободряли молодых рассказами о прежних делах своих. Одни говорили об Очакове — другие вспоминали Фокшаны и Рымник...

В три часа поднялась ракета — сигнал войскам занять назначенные пункты. В четыре — взлетела другая. Войска выстроились. Еще прошел час — длинный час ожиданий. Наконец — взлетает третья ракета — знак отчаянного боя. Колонны двинулись. [245]

Ночь была мрачная; нельзя было ничего видеть в расстоянии нескольких шагов. Но внезапно — канонада 800 орудий обеих сторон осветила окрестность; по мере приближения наших колонн, со всех крепостных стен открывалась ружейная пальба, сопровождаемая дикими восклицаниями турок. Крепость имела вид грозного вулкана? дышавшего огнем и пламенем.

В стройном порядке подошли русские колонны к контр-эскарпу, набросали фашинов во рвы, быстро спустились в них и приставили к валу лестницы. В некоторых местах, высота стен заставляла связывать лестницы; в других — солдаты взлезали на вал по штыкам, между тем как стрелки наши поражали неприятелей из рва и с контр-эскарпа.

Вторая колонна вступила первая в рукопашный бой. Сигнал, поданный последнею ракетой, не был замечен за густым туманом. Майор Неклюдов, командовавший стрелками, подошел к начальнику колонны, и посмотрев на часы, сказал: «кажется уже время; не прикажите ли начать?» — «С Богом» — отвечает Ласси и ведет к крепости войска свои. В несколько минут, достигают они края рва, заваливают его фашинами; Л. Гв. Измайловского полка прапорщик князь Гагарин, под градом неприятельских пуль, приставляет лестницы к валу; войска всходят по ним, и в числе первых — сам Ласси и Неклюдов. Но прочие наши колонны — еще позади; турки, пользуясь тем, кидаются со всех сторон на доблестных русских воинов, поражают их кинжалами и саблями — сбрасывают в ров копьями. Многие из наших убиты; другие — ранены, и в [246] числе их — весьма тяжело — храбрый Неклюдов (*Государь император произвел престарелого воина из отставного полковника в генерал-майоры и Высочайше повелел состоять ему по кавалерии. Неклюдов умер в 1839 году*).

Ласси едва удерживается. Но уже соседние колонны спешат ему в помощь.

Первая колонна должна была преодолеть чрезвычайные затруднения. Неустрашимые фанагорийцы, закидав фашинами широкий ров, перешли чрез него, и увлеченные примером самого Львова, перелезли чрез ряд палисадов, простирившийся от каменного бастиона к Дунаю. Затем, не обращая внимания ни на жестокий картечный огонь, ни на губительное действие нескольких сот ручных гранат, в них брошенных, русские войска перешли через другой ров, кинулись на толпу турок, которые готовились напасть на них, и

истребили неприятелей. «Апшеронские стрелки и фанагорийские гренадеры дрались как львы» — говорит Суворов в донесении об измаильском штурме. Обойдя каменный бастион и услышав восклицания солдат Ласси: «ура, Екатерина! С нами Бог!» войска первой колонны двинулись позади вала им на встречу; в эту самую минуту, оба начальника их, генерал Львов и князь Лобанов-Ростовский, были тяжело ранены, но полковник Фанагорийского полка Золотухин, приняв команду над колонною, достиг с нею Бросских ворот, взшел на вал и соединился с войсками Ласси.

Третья колонна, наступавшая с северной стороны, также должна была преодолеть большие препятствия. На этом пункте ров имел наибольшую глубину, [247] а вал наибольшую высоту; несмотря на то, что четырехсаженные лестницы соединены были по две вместе, приходилось взлезать еще две сажени по штыкам. Принц Гессен-Филипстальский, в голове лифляндских егерей, взшел на стену и был тяжело ранен. Сам Мекноб возбуждал мужество своих солдат личным примером; но казалось — ничто не могло преодолеть отчаянную отвагу янычар сражавшихся там под личным начальством сераскира. Весь наш резерв был введен в дело; наконец — войска 3-й колонны овладели бастионом, но потеряли своего начальника, тяжело раненого пулею в ногу. Полковник Троицкого полка Хвостов, приняв команду над его войсками, сражался целые четыре часа, пока наконец удалось ему соединиться со 2-ю колонною; в продолжение времени этого боя, с нашей стороны было убито и ранено множество офицеров. Суворов, получив донесение, что все штаб-офицеры Лифляндского корпуса выбыли из строя, поручил начальство над этим корпусом подполковнику Воронежского гусарского полка Фризу.

Войска левого крыла сражались с такою же храбростью. — 6-я колонна, в голове которой шел неустрашимый Кутузов, под градом картечей и ружейных пуль, достигла контр-эскарпа; здесь пал бригадир Рибопьер — юный воин, подававший большие надежды. Его смерть причинила минутное колебание в рядах наших солдат; но — в этот момент — сам Кутузов бросается в ров, увлекает за собою войска и с несколькими офицерами, достойными сподвижниками героя, всходит первым на вал; за ним спешат солдаты. Завязался отчаянный бой. Кутузов ввел в дело весь свой резерв; [248] но несмотря на то, успех казался сомнительным — Суворов, заметив опасное положение 6-й колонны, послал офицера к Кутузову, извещая о назначении его измаильским комендантом. Герой, восторженный участием вождя своего, устремляет херсонских гренадер на встречу туркам. «С нами Бог!» восклицает он; «с нами Бог» — повторяют гренадеры, и вытеснив неприятеля из бастиона, берут с боя другой и соединяются с 5-ю колонною.

Между тем — Орлов, с 4-ю колонною, а Безбородко и Платов, с 5-ю, двинулись к крепости, между Бендерскими и Килийскими воротами. В этом месте глубокие рвы были наполнены водою, доходившею до пояса и затруднявшею наступление казаков. Несмотря на жестокий ружейный огонь турок, войска наши, приставив лестницы к валу, взшли на стену; но, в это самое время, услышали в тылу у себя дикие вопли «Аллах, Аллах.» Это была вылазка неприятелей, которые из Бендерских ворот бросились вдоль рва, во фланг и тыл нашим колоннам. Завязался отчаянный рукопашный бой; войска обеих сторон смешались в густую толпу; турки, вооруженные лучше казаков, рубили их пики в куски своими саблями и истребляли донцов совершенно обезоруженных. Но Суворов, заметив опасное положение казачьих колонн, послал им в помощь регулярную кавалерию, стоявшую в резерве; в то же время, Полоцкий полк, под начальством храброго полковника Яцунского, с громким криком «ура!» ударил в штыки на турок, с тыла, и опрокинул их. Внезапно — Яцунский убит; солдаты его подаются назад; турки преследуют их. Но в решительную минуту [249] опасности — является полковой священник, с крестом, осеняет им христианских воинов, благословляя их на победу, и кидается впереди колонны на встречу турецким полчищам. Ничто не в состоянии удержать натиск русских штыков; все падает пред ними; одни из неприятелей гибнут; другие ищут спасения в бегстве. Но многие из наших храбрых воинов купили сей успех ценою крови. Сам Безбородко, тяжело раненый в руку, принужден оставить место побоища.

Отразив неприятельскую вылазку, Платов решил снова штурмовать крепость. Заметив колебание в рядах казаков, уstraшенных смертью множества их товарищей, он приставляет лестницу к валу. «С нами Бог и Екатерина! Братцы! За мною!» восклицает он и всходит на стену; никто не хочет отстать от любимого вождя; обе колонны взлезают вдруг на верх вала. Прибытие одного из батальонов бугских егерей, присланного Кутузовым в помощь казакам, окончательно решает дело. Неприятель сброшен с вала; бастион у Бендерских ворот занят нашими войсками; часть казаков направленная к берегу по низине, разделяющей части города, способствует успеху колонн, действующих со стороны Дуная.

Эти колонны также должны были превозмочь необыкновенные препятствия. По второй ракете, флотилия построилась в порядок, в расстоянии версты от крепости, а по третьей — двинулась вперед, как приказано было, в двух линиях: в первой находились — на ста казачьих лодках — регулярные войска, а на сорока пяти других — Черноморцы; десантные [250] войска, на основании отданной диспозиции, разделены были на три части. Во 2-й же линии, следовали большие суда — 58 бригантин, плавучих батарей, двойных шлюпок и лансонов: все они плыли к берегу, с помощью весел, производя сильную канонаду, на которую крепостные батареи отвечали огнем 83-х пушек, 15-ти мортир и одной гаубицы, стрелявшей 15-ти пудовым снарядом. К счастью, темнота ночи не позволила туркам нанести большего вреда русской флотилии. Как

только она приблизилась к крепости на картечный выстрел, то вторая линия, разделяясь на две части, расположилась по флангам первой и продолжала обстреливать крепость, между тем как первая линия произвела высадку — быстро и в порядке — несмотря на сопротивление турок, покушавшихся оттеснить войска наши. Колонна генерала Арсеньева, достигнув берега, разделена была на четыре части. Полковник Валериан Зубов, с одною из них, овладел кавальером, несмотря — ни на чрезвычайную крутизну его, ни на упорное сопротивление неприятелей; а граф Дамас взял батарею, действовавшую продольно по наступавшим войскам, и опрокинул штыками огромную толпу турок.

Колонна Маркова, подплыв к крепости, под жесточайшим, картечным огнем турецких батарей, совершила высадку. Принц де Линь, выйдя на берег в числе первых, был ранен в колено, а Марков — также ранен, в ту самую минуту, когда приказывал унести де Линя. Но войска наши, несмотря на потерю начальников, продолжали наступать; все встреченные ими неприятельские полчища [251] были опрокинуты; в особенности же отличился подполковник Эмануэль Рибас, с днепровскими гренадерами, овладевший несколькими батареями.

С рассветом русские войска одержали победу на всех пунктах. Неприятели, принужденные очистить все укрепления, ушли вовнутрь города и решились обороняться до последней крайности. Надлежало истребить их. Готовясь к отчаянному бою, генерал-поручик Потемкин приказал отворить Бросские и Хотинские ворота, что бы ввести в город три эскадрона северских карабинер и три полевых орудия; в то же время вошли чрез Бендерские ворота два карабинерные и три гусарские эскадрона. Но Суворов не приказал им входить далее в город, желая сперва проложить им путь штыками.

После нескольких минут отдыха, русские колонны с барабанным боем, двинулись, с различных сторон, вовнутрь города. На левом крыле наступал Потемкин; в центре — Платов; на правом крыле — Кутузов; с прибрежной стороны — Рибас. Наступающие войска встречали, на каждом шагу, преграды и смерть. Турки останавливали их в узких улицах, осыпали их градом пуль, из всех соседственных домов; по выходе же на открытые места и площади — надлежало сражаться с огромными неприятельскими полчищами. Но еще упорнее оборонялись турки в *ханах* (восточных гостиницах), огромных каменных строениях, занятых множеством храбрейших воинов. Каждый из этих ханов был крепким замком, который надлежало брать приступом.

В одном из них, находившемся в соседстве [252] Бендерских ворот, засел килийский паша с 2-мя тысячами человек и с несколькими орудиями. Батальон бугских егерей и два спешенные эскадрона северских карабинер, посланные для овладения этим зданием, взойшли туда по лестницам, перенесенным через крепостной вал; большая часть находившихся там турок погибла вместе с пашою; остальные, в числе 250-ти человек, сдались и были отведены в наш лагерь. Гораздо большее сопротивление встретили русские войска при атаке весьма крепкого *хана*, близ хотинских ворот, куда отступил из северного каменного бастиона непреклонный сераскир, с двумя тысячами лучших янычар своих. Генерал Потемкин, подойдя с первыми двумя колоннами к зданию, послал штурмовать его один из фанаторийских батальонов, под командою полковника Золотухина — человека испытанной храбрости. Целые два часа продолжался бой под стенами *хана*. Наконец — когда ворота этого строения разбиты были ядрами и гранатами, гренадеры вторглись туда, истребили часть турок и захватили в плен остальных; в числе последних находился старый паша. В это самое время — один из янычар, которого еще не успели обезоружить наши солдаты, выстрелил из пистолета и ранил одного из русских офицеров. Победители, раздраженные упорством турок, перекололи их всех без пощады; в числе погибших был Мегемет-паша, пораженный многими ударами.

Суворов, желая скорее очистить город от толпившихся в нем неприятелей, приказал ввести в крепость двадцать легких орудий и открыть пальбу [253] вдоль городских улиц. Тогда турки, укрывшись в домах, продолжали отчаянную оборону. Русские принуждены были брать каждое строение штурмом: самые женщины приняли участие в бою, бросались на русских с ножами и кинжалами, поражали наших солдат и гибли сами под ударами штыков и копий.

Уже Измаил находился во власти русских войск — когда отважный брат татарского хана, Каплан-Гирей, победитель австрийцев под Журжею, сделал последнее покушение отстоять город. Собрав несколько тысяч пеших и конных мусульман — татар и турок — он идет навстречу наступающим русским колоннам. Одна из них, состоявшая из черноморцев, изрублена; две пушки, при ней бывшие, захвачены янычарами. Турецкие полчища, ободренные успехом, стремятся далее, по трупам своих братьев, оглашая город неистовыми воплями и дикими звуками нестройной янычарской музыки. Но уже спешат им на встречу николаевские гренадеры и один из батальонов лифляндских егерей. Последний, отчаянный бой должен окончательно решить участь Измаила. Войска обеих сторон дышат отвагою и жаждою мести; никто не думает о защите себя; всякой ищет только поразить противника. Впереди турок — везде, где угрожает наибольшая опасность — сражается Каплан-Гирей, окруженный своими пятью сыновьями; все они падают, один за другим, в глазах отца своего, который ищет смерти, поражает многих наших солдат и наконец — исколотый штыками — падает между телами детей своих; с ним вместе погибает несколько тысяч турок, не хотевших пережить падение Измаила. [254]

Отчаянная защита их довела гнев победителей до последней крайности. Стоны раненых и умиравших слились с пальбою и возгласами победы. Несмотря на строгую дисциплину наших войск, начальники их не могли остановить напрасного кровопролития.

Уже целые шесть часов продолжался бой внутри города. Суворов послал кавалерию для окончательного очищения улиц от турок, но неприятель все еще продолжал обороняться в двух *ханах* и в казематированном бастионе. Генерал Рибас, которому поручено было овладение этими пунктами, предложил туркам, засевшим в гостиницах, положить оружие, заставил их сдаться, и подступил, с Бугскими и Белорусскими егерями, к приречному бастиону, где находился трехбунчужный паша, градоначальник Измаила. Переговоры о сдаче бастиона были непродолжительны. Паша со всеми своими войсками положил оружие.

Таким образом, после отчаянного 12-ти часового боя, русские овладели крепостью, которая считалась непобедимою; неприятельская армия, оборонявшая Измаил, уже не существовала. Те из числа победителей, кои были на штурме Очакова, считали его игрошкою в сравнении с геройским подвигом покорения Измаила. С изумлением смотрели они на глубокие рвы, на высокие крутые стены, на грозные укрепления, взятые ими, в темноте ночи, под градом пуль, под кинжалами и саблями отчаянных защитников города. С изумлением смотрели русские воины на побежденные ими преграды, уверяя, что среди белого дня трудно было бы им взлезть на стены Измаила. [255]

По занятии города нашими войсками, Кутузов назначен был Измаильским комендантом. «Почему ваше сиятельство поздравили меня с назначением в эту должность, когда успех еще был сомнителен»? — спросил он Суворова. — «Суворов знает Кутузова, а Кутузов знает Суворова — отвечал герой Рымникский. — Если бы не был взят Измаил, мы оба умерли бы под его стенами.»

В продолжение штурма, погибло более 26-ти тысяч турок; в плен взято около 10-ти тысяч, из числа коих многие померли от ран. В числе пленных были: трехбунчужный паша Мухафиз (комендант крепости) и Максуд-гирей, потомок Чингисхана. Говорят — будто бы только одному из турок удалось переплыть через Дунай и принести верховному визирю, находившемуся в Русуке, злополучную весть о падении Измаила. Визирь был удушен, за то, что не отстоял этой крепости.

Трофеи победителей состояли в двухстах орудиях (*В донесении Суворова показано 245 орудий, и в том числе 9 мортир, а в рапорте дежурного генерала Энгельгардта князю Потемкину 183 пушки и 11 мортир*) и 347-ми знаменах, большею частью облитых кровью их защитников. Кроме того — найдено в городе множество военных и съестных припасов и огромное количество различных товаров. Вообще же — было приобретено добычи более нежели на два миллиона рублей серебром. Гребная флотилия, обязанная бытием своим князю Потемкину и управляемая храбрым Рибасом, имела большое участие в [256] покорении Измаила и нанесла много вреда неприятелям. Со времени вступления ее в устья Дуная по 7-е декабря, взято 77 турецких судов; истреблено 210. Отбито 135 орудий. — При взятии же Измаила, захвачено на неприятельских судах 118 и потоплено 340 орудий (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

Урон русских войск, по донесению Суворова, состоял убитыми в 65-ти офицерах и 1830-ти нижних чинах, а ранеными в 233-х офицерах и 2500 нижних чинах; но в последствии оказалось, что потери — убитыми и ранеными вообще — простирались до 10-ти тысяч человек, в числе коих было более 400 офицеров из 650-ти, состоявших в войсках Суворова.

По взятии Измаила, Суворов послал к князю Потемкину курьера, с следующим донесением: «Российские знамена на стенах Измаила». Донесение героя императрице было столь же кратко: «Гордый Измаил пал к стопам Вашего Императорского Величества» (*Подробное донесение Суворова князю Потемкину о взятии Измаила, от 21-го декабря, 1790 г. — Собрание планов, относящихся к турецкой войне 1787 — 1791 годов. Многие подробности извлечены из превосходного описания Измаильского штурма, в сочинении Smidt. Suworow's Leben*).

Совершив подвиг, которому — скажем с гордостью — военная история других народов не представляет подобного, Суворов, по приглашению князя Потемкина, отправился к нему в Яссы, ожидая радушного — достойного их обоих — приема. Потемкин встретил его с большим почетом, вышел [257] на парадное крыльцо своего дома, обнял Суворова и сказал ему: «чем могу я вас наградить за ваши заслуги?» Таким образом — вместо того, чтобы признать пред лицом света славу знаменитого подвига, Потемкин поставил Суворова в положение унижительное для героя — просить самому награду. «Нет, Ваша Светлость, отвечал он, я не купец и приехал не за тем, чтобы торговаться с вами. Меня наградить — кроме Бога и Всемиловитвейшей Государыни — никто не может.» Потемкин изменился в лице и не сказал ни слова Суворову. Таково было последнее их свидание. — В начале следующего года, Суворов отправился в Петербург. Там преследовала его немилость Потемкина, который помешал ему получить фельдмаршальский жезл, и, по прибытии в столицу, тяготился присутствием Суворова. Следствием того был отъезд знаменитого воина в Финляндию, для приведения в оборонительное состояние границ этой страны. Оттуда он послан был укреплять приморские пункты Тавриды, где ожидал его призыв монархини, на новую

доблесть — покорение мятежной Польши (*Извлеч: из Слов. достопам. людей русской земли, сочин. Бантыш-Каменского*)

В награду покорения Измаила, Суворов получил звание подполковника лейб-гвардии Преображенского полка; в память покорения Измаила — выбита медаль. Сверх того, императрица Екатерина, в знак особенной доверенности к Суворову, вверила ему знак ордена Св. Георгия 3-го класса, «для возложения на [258] того, кого считал он достойнейшим из отличившихся в военном звании.» (*Этот крест был возложен на подполковника Куриса, за отличие в сражениях при Фокианах и Рымнике и на штурме Измаила*) — Генералы Потемкин и Рибас (*По свидетельству Суворова — «Рибас более всех участвовал в овладении Измаилом, и — можно сказать — настаивал твердо, когда другие отклонялись»*) получили знаки ордена Георгия 2-го класса; Самойлов — орден Св. Владимира 1-й степени; пожалованы знаки ордена Св. Георгия 3-го класса: Кутузову (вместе с тем произведенному в генерал-поручики) (*По свидетельству Суворова — «генерал-майор Голеницев-Кутузов оказал новые опыты искусства и храбрости своей, преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, взлез на вал, овладел бастионом, и когда превосходный неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал поражать врагов. Генерал Кутузов шел на левом крыле, но был правою моею рукою. Извлечено из списка представленных к наградам за взятие Измаила*), Ласси, графу Безбородко, Платову, Чепеге, Маркову (произведенному сверх того в бригадиры), графу Дамасу, Эмануэлю Рибасу, (произведенному сверх того в полковники), и принцу Карлу де Линь. В числе получивших орден Св. Георгия 4-го класса, находились: полковник Золотухин, принц Гессен-Филипстальский, князь Лобанов-Ростовский, флигель-адъютант Валериан Зубов и герцог Ришельё. Бригадир Орлов пожалован богатою саблею с надписью, а граф Ланжерон — золотою шпагою. — Генерал Мекноб получил орден Св. Владимира 2-й степени и аренду; генерал Львов — орден Св. Анны. — Герой Неклюдов, которого Суворов считал умершим, был пропущен в [259] списке представленных к наградам, но впоследствии (в 1792 году) императрица пожаловала ему орден Св. Георгия 4-го класса, чин подполковника и 200 душ в Полоцкой губернии (*Список о чинах, отличившихся в течение последней турецкой войны, с показанием подвигов каждого, и какую кто получил награду. 1-го августа 1793 года*). Для офицеров, участвовавших в штурме, установлен был золотой знак, подобный Очаковскому, с надписями: «За отменную храбрость» и «Измаил взят декабря 11, 1790.» Нижним чинам розданы овалы серебряные медали, на одной стороне с вензелем Императрицы, а на другой с надписью: «За отменную храбрость при взятии Измаила декабря 11, 1790.»

По взятии Измаила, русская армия расположилась на зимние квартиры. Главная квартира князя Потемкина находилась в Яссах. Главные силы — между верхним Серетом и Днестром. Корпус графа Суворова — в окрестностях Бырлада. Резервный корпус генерал-поручика князя Голицына — в окрестностях Фальчи. Флотилия и войска генерал-майора Рибаса — у Галаца. Отряд генерал-майора князя Долгорукого — в окрестностях Галаца, для наблюдения за Браиловым. Крепости Измаил, Килия, Аккерман и Бендеры заняты были особыми гарнизонами (*Состав войск; главные силы: гренадерские полки: Екатеринославский, Киевский, Малороссийский, Московский, Сибирский, Таврический и Свято-Николаевский; Днепровский мушкетерский полк, егерские корпуса, Екатеринославский, Лифляндский и Белорусский. Северский карабинерный; Елисаветградский и Переяславский конноегерские; Ольвиопольский гусарский; Харьковский и Ахтырский легкоконные полки. 20 казачьих полков, под начальством Платова, Исаева и Орлова. — Корпус Суворова: Фанагорийский гренадерский; по одному батальону мушкетерских полков: Черниговского, Новгородского и Апшеронского; карабинерные полки: Черниговский, Стародубский и Нежинский; Воронежский гусарский и 4-е донских казачьих полка; команда арнаут. Резервный корпус Голицына: мушкетерские полки: Углицкий, Ингерманландский и Витебский; карабинерные: Киевский и Глуховский и 2 казачьих полка. Войска на флотилии Рибаса: по два батальона гренадерских полков: Николаевского Приморского и Днепровского. Отряд Долгорукого: Смоленский мушкетерский полк; по одному батальону Черниговского, Новгородского и Апшеронского полков; один казачий полк и 450 арнаут. Гарнизоны: в Измаиле: Херсонский гренадерский полк; Бугский егерский корпус; Полоцкий мушкетерский полк; в Килии, Алексопольский; в Аккермане, Троицкий; в Бендерах, Архангельский — мушкетерские полки. (Извл. из Атласа последней турецкой войны, составленного полковником Тизенгаузеном в 1793-м году)).*

[260]

После неудачной экспедиции генерала Бибикова к Анапе, Кавказский корпус оставался в бездействии все лето. Но в половине сентября, баталь-бей, собрав, под стенами Анапы, более 30-ти тысяч турок и горцев, выступил к Кубани, имея в виду разбить русские войска, действовавшие по восточную сторону Черного моря, и вторгнуться в южные наши области. Генерал-аншеф Бальмен, узнавши о наступлении неприятельской армии, отрядил, для преграждения ей пути, отряды генерал-майора Германа и бригадира Матсена, которые, соединившись между собою, атаковали баталь-бея, уже перешедшего на правую сторону Кубани, и несмотря на чрезвычайное превосходство его в числе войск, одержали над ним совершенную победу, при урочище Тахтамуше, 30-го сентября. Турки и черкесы, обращенные в бегство, потеряли много людей, как убитыми, так и потонувшими в Кубани. Вся неприятельская артиллерия досталась в руки русским войскам; [261] сам баталь-паша захвачен в плен. Малочисленность нашего отряда не позволила победителям брать много пленных, и потому почти все достигнутые неприятели были

истреблены. В награду этого подвига, генерал Герман получил орден Св. Георгия 2-й степени (*Описание походов россиян против турок (рукопись). Донесение Потемкина императрице Екатерине, от 30-го декабря, 1790 года. Список о чинах, отличившихся в течение турецкой войны, и проч.*).

Поход 1791 года.

Предположения обеих сторон. — Состав русской армии. — Экспедиция к Мачину. — Взятие Гудовичем Анапы. — Экспедиция Кутузова к Бабадагу. Победа Репнина при Мачине. — Ясский мир. — Общие выводы.

Покорение русскими войсками Измаила поразило ужасом турок, но не заставило их согласиться на условия, предложенные нашим правительством. В надежде на то, что отложение Австрии от союза с Россией обеспечивало турецкие пределы от вторжения наших войск, султан решил продолжать войну. Деятельному Юсуфу, возведенному снова в достоинство верховного визиря, повелено было собрать на нижнем Дунае ополчения, туда спешившие из всех обширных владений Порты.

С нашей стороны, на основании плана действий, составленного князем Потемкиным, предположено [262] было: против европейских владений Турции ограничиваться поисками, а между тем — нанести неожиданный удар неприятелю, покорением Анапы. В то же время севастопольский флот должен был направиться к устью Босфора и пресечь сообщения Царьграда со всеми Черноморскими гаванями, а гребная флотилия — препятствовать переправе турок на левую сторону Дуная и содействовать наступательным покушениям русских войск (*Извлечено из предположения князя Потемкина на кампанию 1791 года*).

Политические отношения России к соседственным государствам заставляли наше правительство держать довольно значительные силы в западных областях Империи. Войска же, назначенные для действий против турок, разделены были на три корпуса.

Корпус на Дунае, в составе 76-ти батальонов и 19-ти кавалерийских полков, с 160-ю полевыми орудиями и с значительным числом пеших и конных иррегулярных войск, за отбытием князя Потемкина в Петербург, находился в команде генерал-аншефа князя Репнина. — Сборным пунктом всех этих войск назначен был Галац (*Состава корпуса на Дунае: гренадерские полки: Екатеринославский, Сибирский, Таврический, Киевский, Малороссийский, Херсонский, Фанагорийский, Прим. Николаевский и Прим. Днепровский; мушкетерские полки: Архангелогородский, Алексопольский, Днепровский, Полоцкий, Троицкий, Ингерманландский, Смоленский, Черниговский, Новгородский, Апшеронский, Витебский и Углицкий; егерские корпуса: Екатеринославский, Бугский, Лифляндский и Белорусский. Кирасирский полк князя Потемкина; карабинерные полки: Стародубский, Черниговский, Нежинский, Киевский, Глуховский, и Северский; конноегерские: Елисаветградский, Переяславский, и Харьковский; легкоконные Александрыйский: Сумский и Мариупольский; гусарские: Воронежский и Ольвиопольский; регулярные казачьи полки: Херсонский, Чугуевский, Малороссийский и казачий — булавы Великого Гетмана. — Черноморская пехота; два пеших казач. Екатеринославских полка. Черноморская конница. 13 Донских и 6 Екатеринославских казачьих полков. Волонтеры Гиржева. Арнауаты. (Извлеч. из Расписания Главной Армии на 1791-й год.)*) [263]

Таврический корпус, в составе 22-х батальонов, 2-х кавалерийских полков и 5-ти казачьих полков с 50-ю полевыми орудиями, оставался по прежнему в команде генерал-аншефа Каховского (*Состав Таврического корпуса: мушкетерские полки: Вятский, Севастопольский, Староскольский, Белевский, Брянский и Севский; Таврический егерский корпус; Греческий пехотный полк; мушкетерские полки: Шлиссельбургский (в Кинбурне) и Рязьский (в Херсоне). Кинбурнский драгунский и Таврический конноегерский полки. — 5 донских казачьих полков. Волонтеры. (Извлеч. из Расписания Главной армии на 1791 год)*).

Войска на Кавказе и Кубани соединены были в корпус, состоявший из 22-х батальонов, 7-ми кавалерийских и 8-ми казачьих полков, с 48-ю орудиями, под начальством генерал-аншефа Гудовича (*Состав Кавказского корпуса: мушкетерские полки: Кавказский, Кабардинский, Казанский, Владимирский, Воронежский, Московский и Тифлиский. Кавказский егерский корпус; драгунские полки, Астраханский и Таганрогский; карабинерные полки: Нарвский, Каргопольский и Ростовский, — 4 донских полка. Астраханское казачье войско. Уральский полк Состав Кубанского корпуса: мушкетерские полки: Нижегородский и Ладожский; драгунские полки: Нижегородский и Владимирский. Два донских полка. (Извлеч. из Расписания Главной Армии на 1791-й год)*).

Действия начались в конце марта. Князь Репнин, получив сведение, что турки укрепляли Мачин, с тою целью, чтобы обеспечить сообщение Браилова с правою стороною Дуная, предпринял уничтожить неприятельские укрепления. 24-го марта, генерал-поручик князь Голицын, с 3400 человек, спустился [264] на судах от Галаца к Исакче, переправился, близ сего пункта, на правый берег Дуная, 26-го, и на следующий день присоединил к своим войскам отряд генерала Кутузова, в числе 4300 человек, прибывший от Измаила (*Состав отряда Голицына по соединении с Кутузовым: гренадерские полки Херсонский и Приморский*

Днепровский; мушкетерские полки; Ингерманландский, Углицкий, Витебский, и Полоцкий; Бугский егерский корпус. 800 спешенных и 1,100 конных казаков; 600 Арнаутов. (Атлас Турецкой войны, составленный полковником Тизенгаузеном. — Бутурлин)). Между тем — полковник Рибас, с другою частью флотилии, произвел демонстрацию к устью Серета, для озабочивания Браиловского гарнизона.

По соединении Галацкого и Измаильского отрядов, князь Голицын двинулся к Мачину, опрокинул на пути несколько турецких отрядов, и заняв без сопротивления мачинские укрепления, разорил их, 27-го марта. Два дни спустя, полковник Рибас высадил Днепровский гренадерский полк на полуостров Кунцефан, занял редут, оставленный турками, и перешел на остров, лежащий между Кунцефаном и Браиловым, на котором было сильное неприятельское укрепление, занятое 2-мя тысячами янычар с 20-ю орудиями. Князь Голицын, переправив, в помощь Рибасу, Витебский полк и два полка черноморских казаков, поручил штурм укрепления бригадире Леццано. 31-го марта, русские войска, поддерживаемые огнем флотилии, атаковали турок, овладели их окопами и всею артиллериею, истребили неприятельский отряд, срыли укрепления и на следующий день возвратились в Галац. [265]

С нашей стороны, в этом деле, убито и ранено 315 человек (*Описание Турецкой войны, составленное инженер-генерал-майором Тучковым (рукопись)*).

Невыгодное положение русских войск на Дунае, долженствовавших действовать на весьма узком пространстве между морем и устьем Серета, способствовало оборонительным действиям турок, и потому решено было нанести неприятелю решительный удар в Азии. В начале мая, генерал Гудович выступил с главными силами своего корпуса к Кубани, переправился, 29 мая, через сию реку, у Прочного-окопа, и в половине июня, подступил к Анапе, где усилен был частью Таврического корпуса, под командою генерал-майора Шица, прибывшею с Тамани. Генерал Гудович, сосредоточив до 12 тысяч человек с 52 орудиями (*Состав войск, Кавказского корпуса, участвовавших в экспедиции: мушкетерские полки: Владимирский, Воронежский, Казанский, Тифлисский, Нижегородский; Кавказского егерского корпуса три батальона. Драгунские полки: Таганрогский, Астраханский, Владимирский и Нижегородский. — Три тысячи казаков. 36 орудий. — Отряд генерала Шица: Брянский мушкетерский полк; Таврический егерский корпус; Таврический конноегерский полк. 400 казаков. 16 орудий. (Извлечено из списка полков участвовавших в походе 1791 года)*), обложил с сухого пути Анапу, занятую 15-ю тысячами турок, татар и горцев, открыл огонь по крепости, 19 июня, и предложил неприятелям сдаться на капитуляцию. Гарнизон, ободряемый внушениями лжепророка Ших-Мансура, отвечал выстрелами на это предложение; в то же время — многочисленные толпы горцев обеспокивали русских с тыла, и получено [266] было известие о предстоявшем прибытии турецкой эскадры в помощь Анапе: все эти обстоятельства побудили генерала Гудовича ускорить развязку дела. Хотя, в это время, Анапа была укреплена слабее, нежели в последнюю турецкую войну; однако же покорение сей крепости штурмом сопряжено было с чрезвычайными затруднениями и опасностями. Высота крепостных стен, многочисленность гарнизона и фанатизм, одушевлявший защитников Анапы, заставляли сомневаться в успехе штурма; но, несмотря на то, войска Кавказского и Таврического корпусов, не участвовавшие в покорении Измаила, соревнуя славе сослуживцев, просились на приступ, а начальник их горел желанием загладить нерешительность своих действий под Измаилом. В ночи с 20-го на 21-е июня, произведена была сильная канонада по крепости, а за полчасу до рассвета, русские пошли на штурм. Войска разделены были на пять колонн, кроме довольно значительного резерва, и особого отряда, оставленного для прикрытия вагенбурга. Четыре колонны, управляемые генералами Булгаковым и Депрерадовичем, двигались на левом крыле и в центре, а пятая колонна Шица, на правом крыле, близ моря. Под громом орудий обеих сторон, русские спустились в ров, приставили лестницы к валу и вззошли на стены. Там встретили их отчаянные толпы янычар; дикие вопли мусульман сливались с торжественными кликами: «ура! с нами Бог!» — «Братцы, не выдавайте! Вперед! По — Измаильски!» говорили наши воины, ободряя друг друга. Наконец, после кровопролитного боя, продолжавшегося целые пять часов, войска [267] наши овладели Анапою. Из всего гарнизона спаслось только 150 человек; остальные же все были истреблены, либо захвачены в плен и поселены в Крыму. В числе пленных находились: трехбунчужный паша Мустафа; другой паша, сын баталь-бея и Ших-Мансур. Трофеи победителей состояли из 8-ти орудий и множества знамен. С нашей стороны убито 1200 и ранено 2500 человек. В продолжение штурма, 8 тысяч черкесов спустились с гор и атаковали наш вагенбург, но были отражены с уроном. Вслед за тем — русские заняли крепостцу Сунджук-Кале, которой гарнизон, уstraшенный участью защитников Анапы, не выждав нападения, обратился в бегство. В награду за покорение Анапы, генерал Гудович получил Георгиевский крест 2-й степени (*Описание войны 1787 — 1791 г.; составленное инженер-генерал-майором Тучковым (рукопись)*). *Рапорт генерала Гудовича князю Потемкину, от 22 июня 1791 года*).

Князь Потемкин, принимая во внимание, что для занятия Анапы и Сунджук-Кале нужно было не менее 7-ми тысяч человек, приказал срыть обе эти крепости. По мнению его, изложенному в донесении к императрице, полезно было для удержания в повиновении жителей окрестной страны: 1) построить крепость на Тамани и учредить там ярманки; 2) позволить горцам добывать из кубанских озер соль, которую эти народы, до того времени, добывали хищением. Фельдмаршал полагал, что эти меры мог ли послужить к распространению нашего влияния на [268] закубанские племена и к приобретению их преданности.

Между тем — визирь старался собрать свою армию на нижнем Дунае. — Князь Репнин, получив известие о сосредоточении значительного турецкого корпуса у Бабадага, послал против него отряд генерал-поручика Кутузова, в числе около 12-ти тысяч, стоявший у Измаила (*Состав отряда: гренадерские полки: Херсонский, Сибирский, Днепровский и Приморский Николаевский; мушкетерские полки: Ингерманландский,*

Витебский, Углицкий, Полоцкий и Алексопольский; Бугский егерский корпус. Карабинерные полки Глуховский и Киевский; пешие и конные черноморские казаки; три донских казачьих полка. (Извлеч. из Атласа турецкой войны, составл. полковником Тизенгаузеном)). Генерал Кутузов, переправившись, 3-го июня, через Дунай, к Тульче, двинулся против неприятеля, занимавшего в числе 12-ти тысяч, укрепленный лагерь у мест. Бабадага, близ речки того же имени. Турецкая кавалерия, вышедшая на встречу нашему авангарду, была опрокинута, что заставило неприятеля обратиться в бегство; 8 орудий, значительное количество военных припасов и магазины с 30-ю тысячами четвертей хлеба достались в добычу русским войскам, которые, истребив все то, чего не могли увезти с собою, возвратились в Измаил, 5-го июня (*Описание турецкой войны 1787 — 1791 г. составленное инженер-генерал-майором Тучковым*). В награду этого подвига, Кутузов получил орден Св. Александра Невского.

Дело при Бабадаге было предвестием других — важнейших успехов русского оружия. Несмотря на [269] сожжение Мачина, турки продолжали собираться к этому пункту. Сам визирь, прибыв в Гирсов, усилил войска у Мачина, находившиеся под начальством румелийского сераскира Мустафы-Валеси, до 70-ти тысяч. — Князь Репнин, получив от том сведения, решил переправиться на правую сторону Дуная и атаковать турок прежде, нежели они могли усилиться еще более. С этою целью, главные силы русской армии, находившиеся у Сербешти на р. Серете и у Галаца, собраны были, во второй половине июня, к последнему из сих пунктов; туда же велено прибыть генералу Кутузову с Бугским егерским корпусом и 200 казаков: вообще же число русских войск, сосредоточенных у Галаца, простиралось до 30-ти тысяч человек с 72-мя орудиями (*Состав армии, собранной у Галаца: правое крыло под начальством генерал-поручика князя Голицына: Фанагорийский гренадерский полк; мушкетерские полки: Черниговский, Апшеронский; Новгородский и Смоленский: всего 12 батальонов с 24-мя полевыми орудиями, — Карабинерные полки: Черниговский, Стародубский и Киевский; три донских полка. — Центр, под начальством генерал-поручика князя Волхонского: Екатеринославский гренадерский полк; по два батальона гренадерских полков: Свято-Николаевского, Московского и Малороссийского: всего 10 батал. с 16-ю полевыми орудиями. — Северский карабинерный и Харьковский конноегерский полки; 800 черноморских казаков, под начальством бригадира Чепеги. — Левое крыло, под начальством генерал-поручика Кутузова: Сибирский гренадерский полк, Бугский егерский корпус, по два батальона Киевского гренадерского и Белорусского егерского корпуса; всего 12 батальонов с 2-мя полевыми орудиями. Гусарские полки: Ольвиопольский и Воронежский: карабинерные полки: Нежинский и Глуховский. Пять донских казачьих полков под начальством бригадира Орлова и 1500 Арнаутов. Резерв, под командою генерал-майора Шпета, мушкетерские полки Углицкий и Ингерманландский, всего 4 бат. с 8-ю полевыми орудиями; 200 казаков. (Извлечено из Описания войны 1787 — 1791 г. составленного инженер-генерал-майором Тучковым)*). В тоже время — генерал-майор Рибас [270] получил приказание приготовить как можно большее число перевозных судов и устроить мост к острову, лежащему против Галаца и далее на полуостров Кунцефан. Первый из этих мостов, длиною в 234 сажени, устроен был на 54-х понтонах, 26-ти черноморских лодках и 8-ми байдаках, а второй, длиною в 90 сажен, на 28ми понтонах.

26-го июня, войска князя Репнина уже были переведены на полуостров Кунцефан, где и расположились в соседстве моста. Из рекогносцировки, произведенной, того же числа, генерал-квартирмейстером Пистором, оказалось, что неприятельский лагерь расположен был впереди Мачина, примыкая левым флангом к Дунаю, а правым к высотам, простирающимся до озера Бабы, и что туда вели три пути пролежавшие чрез низменную, поросшую высоким камышом, местность Кунцефана. На основании этих данных, русская армия разделена была на три части, из которых каждая должна была составить особую колонну: правое крыло вверено было князю Голицыну; центр — князю Волхонскому; левое крыло — Кутузову, а резерв, оставленный в тылу, для наблюдения за Браиловым и для отражения неприятельских высадок, находился под начальством генерал-майора Шпета. Каждая из колонн, по переходе в боевой порядок, должна была составить пять каре, построенных в две линии и имевших [271] за собою кавалерию, в 3-й; резерв состоял из двух каре. Правое крыло и центр назначены были для атаки на неприятельскую позицию с фронта, между тем, как Кутузов получил приказание занять высоты и обойти турок с правого их фланга. Гребная наша флотилия, приблизившись к Браилову, стала вне выстрелов крепости.

27-го июня, в 6 часов пополудни, русские войска выступили с места расположения своего, у переправы, и после кратковременного отдыха на пути, подошли к неприятелю, 28-го, в 5 часов утра. Турки, заметив их наступление, вышли из лагеря и стали торопливо строиться на высотах впереди лежащих. Войска князя Голицына, построясь в боевой порядок, открыли канонаду по густым неприятельским толпам, которые, не обращая внимания — ни на картечный — ни на ружейный огонь, кинулись на наши каре. Некоторые из спагов едва — было не ворвались в каре Новгородского полка, но были переколоты штыками. — Между тем — генерал Рибас, видя бездействие турецкой флотилии, которая оставалась под пушками Браилова, принял начальство над конницею центра, ударил на турок, прогнал их в лагерь и способствовал тем построению в боевой порядок колонны князя Волхонского. Но князь Репнин приостановил наступление правого крыла и центра, в ожидании появления Кутузова, который, при движении чрез гористую местность, был встречен и задержан многочисленными неприятельскими войсками. Для содействия ему, князь Волхонский послал генерала Рибаса с Харьковским и Северским полками и протянул влево кареи Свято-Николаевского, [272] Московского и Малороссийского полков, с частью артиллерии; а между тем — генерал-квартирмейстер Пистор, высланный вперед Кутузовым, с одним из каре Бугского егерского

корпуса, занял высоту, и способствовал тем построению войск левого крыла русской армии. Турки, завидев их, бросились яростно на одно из каре Екатеринославского гренадерского полка, состоявшее под начальством храброго полковника Булгакова, но были отражены гренадерами; за тем, обратясь против правого крыла русской армии, они также были отбиты с уроном и преследованы до самых окопов.

В продолжение времени этих действий, турецкие канонерские лодки, высланные от Браилова, подошли к тому месту, где оставлен был резерв генерала Шпета; турки, в числе более 2-х тысяч, высаженные на правый берег Дуная, атаковали с тыла наши войска, но когда князь Репнин усилил их тремя каре Апшеронского, Смоленского и Московского полков, и двумя карабинерными полками, Черниговским и Стародубским, под командою бригадира Поливанова, то генерал Шпет, с их помощью, опрокинул неприятелей в реку и потопил, действием своей артиллерии, несколько турецких судов. Здесь в особенности отличились Апшеронский и Смоленский полки.

Обеспечив — таким образом — себя с тыла, русские войска продолжали наступать; турки несколько раз атаковали нашу армию и сражались упорно, до тех пор, пока, после шестичасового боя, передовые войска Кутузова, под начальством генералов Пистора и Тормасова, обошли неприятельскую позицию с правого Фланга; Сераскир покушался остановить их [273] наступление частью войск, расположенною на высотах позади лагеря, но все его усилия были тщетны. Турецкие ополчения, пораженные ужасом, побежали к Гирсову, оставив победителям в добычу 35 орудий, 15 знамен и большую часть обозов. Потеря неприятеля убитыми простиралась до 4-х тысяч человек, не считая погибших на флотилии и настигнутых нашею конницею, во время преследования, произведенного на пространстве 30-ти верст. Русские потеряли 400 человек (*Донесение Репнина князю Потемкину, от 29-го июня 1791-го года. — Описание турецкой войны 1787 — 1791 г: составленное инженер-генерал-майором Тучковым*). В награду за сию победу, главный виновник ее, князь Репнин, получил орден Св. Георгия 1-й степени; князь Волконский и Кутузов — тот же орден 2-й степени; генералы князь Голицын и Рибас — орден Св. Александра Невского; генералы Шпет, Милашевич, Тормасов и Пистор — Св. Георгия 3-й степени (*Список генералитету, кои Всемилостивейше награждены за отличные подвиги в сражении при Мачине*).

Сражение при Мачине ведено было с большим искусством. Неприятели имели на своей стороне значительное превосходство в числе войск и выгоды местности; полководец наш должен был преодолеть сии затруднения и в тоже время обеспечить свою армию с тыла от покушений огромных сил, собранных у Браилова. Средствами к достижению успеха послужили ему: 1) удобный к движениям и к бою порядок построения войск и 2) искусное употребление резервов, поспевавших на помощь везде, где в [274] том встречалась надобность. Боевой порядок русских войск, в сражении при Мачине, был сходен с тем, в котором находились союзные войска в сражениях при Фокшанах и Рымнике: пехота князя Репнина построена была в двухбатальонных каре, (за исключением четырех каре, состоявших каждое из трех весьма некомплектных батальонов); за нею стояла кавалерия, оказавшая под командою храбрых и распорядительных начальников, генералов Рибаса и Тормасова, значительное влияние на успех боя; обход Кутузова с левым крылом армии решил участь сражения; наконец — настойчивое преследование нашей конницы довершило расстройство турок; несмотря на то, что наши неприятели, наученные опытом, действовали с большим искусством, нежели прежде, отступление их с поля сражения, сперва производившееся в порядке под прикрытием части сил, наконец превратилось в самое беспорядочное бегство. Державин, желая изобразить подвиг князя Репнина, в *Памятнике герою* сказал:

Строй, Муза, памятник герою,
Кто мужествен и щедр душою,
Кто больше разумом, чем силою,
Разбил Юсуфа за Дунаем,
Дал малой тратой много пользы.

Хотя верховный визирь не командовал непосредственно войсками, сражавшимися при Мачине, однако же прибыл, к концу боя, видел поражение турецкой армии, и убедился еще более в том, что только лишь мир мог остановить успехи русского оружия.

После сражения при Мачине, князь Репнин оставался [275] на месте целые три дня, и потом уже, для сближения с своими магазинами, перевел войска обратно через Дунай, 2-го июля. Полководец наш, оставаясь у Мачина, желал показать, что он не избегает вторичной встречи с турками. По переходе русских войск на левую сторону реки, мосты, устроенные на ней, были сняты, а флотилия Рибаса переведена к устью Серета. Визирь, опасаясь покушения нашей армии на Браилов, прибыл, 12-го июля, к Мачину, со всеми своими силами, в числе 120-ти тысяч человек. Казалось — новое — кровопролитное столкновение было неизбежно. Но уже непрерывные неудачи турок поколебали решительность султана. Юсуф получил повеление возобновить прерванные переговоры: следствием того было заключение, 31-го июля, в Галаце, перемирия на восемь месяцев; турецкие полномочные подписали предварительные пункты мирного договора, на основании которых: 1) подтвержден был Кайнарджиский трактат и все последующие конвенции и постановления, заключенные между обоими Империями; 2) обоюдная граница Империй перенесена на р. Днестр. (*Прелиминарные пункты мирного договора за подписанием князя Репнина и верховного визиря Юсуфа-паши*) В тот же самый день, произошло морское сражение при Калакрии, близ

Каварны, в котором контр-адмирал Ушаков совершенно расстроил вдвое сильнейший турецкий флот и заставил его укрыться в константинопольской гавани. Победа Ушакова произвела сильное нравственное влияние на самого Султана и побудила диван к большей сговорчивости (*Донесение князя Потемкина, от 24-го августа 1791-го года*). [276]

Для ведения переговоров о мире, положено было съехаться в Яссах. Со стороны России, полномочными назначены были генерал-поручик Самойлов, генерал-майор Рибас и статский советник Лошкарев; а со стороны Порты — рейс-эфенди Эссейд-Абдула-Бири, стамбул-эфенди Эссейд-Ибрагим-Исмет-бей и Руснамеджи-Эвель-Мугамет. Переговоры, начавшиеся 20-го сентября, замедлены были сперва болезнью, а потом смертью Потемкина. Судьба не позволила ему видеть успешное окончание дела, в котором он имел такое большое участие, не воинскими подвигами, но приготовлением средств к ведению войны. В то самое время, когда он готовился уничтожить Галацкий договор, считая его невыгодным для России, уже смерть носилась над ним. Заболев лихорадкою в Яссах, он чувствовал приближение кончины, спешил выехать в Николаев, и отъехав около сорока верст от Ясс, скончался на дороге, 5-го октября.

По заключении перемирия, русская армия, действовавшая против турок, расположена была в Молдавии, Бессарабии и Новороссийском крае.

С прибытием на конгресс полномочного русского посланника, графа Безбородко, переговоры возобновились, под руководством его и верховного визиря, 10-го ноября, и окончились заключением мира, 29-го декабря. Главными условиями этого договора были: 1) утверждение Кайнарджиского трактата и уступки Крыма в пользу Российской Империи; 2) определение обоюдной границы империй по реке Днестру. Сверх того, сепаратным пунктом, Порты обязалась уплатить нашему правительству, в вознаграждение убытков, причиненных [277] войною, 12 миллионов пиастров (около 7 миллионов рублей серебром). Турецкие уполномоченные долго не соглашались на это условие, сперва утверждая, что оно не содержалось в предварительных пунктах, а потом — отговариваясь недостатком средств к уплате столь значительной суммы. Наши уполномоченные настояли на своем требовании. Но как только мирный трактат был подписан, то граф Безбородко, к изумлению и радости турецких дипломатов, объявил им, что российская императрица отказывается от условленной контрибуции (*Мирный договор, заключенный в Яссах, 29 декабря 1791 года. — Копия с протоколов совещаний Ясского конгресса*).

Граф Безбородко, в награду трудов своих, получил орден св. Андрея Первозванного, масличную ветвь осыпанную бриллиантами, пять тысяч душ и пятьдесят тысяч рублей серебром. Генерал-поручику Самойлову пожалован был также орден св. Андрея.

Ясский мир, распространивший границы России до реки Днестра, был достойным окончанием славной борьбы нашего отечества с Оттоманскою Портою. Но, несмотря на дивные подвиги рымникских и измаильских героев, очевидно, что, в предшествовавшую войну, совершено было более с меньшими средствами. Причинами тому были: изменение в образе действий турок и нерешительность Потемкина. Турки, наученные опытом, большею частью, избегали встречи с русскими в открытом поле и оборонялись в крепостях несравненно упорнее, нежели [278] прежде. Тем не менее однако же — сильнейшие их крепости пали к стопам Екатерины; гораздо важными преградами к достижению цели войны были медленность и нерешительность действий русских и союзников их австрийцев. В первую кампанию (1787 г.) ни одна из сторон не была готова к войне; во вторую (1788 г.) русские войска с огромною потерей овладели Очаковым, а союзники наши, методически раздробившие свою армию, были разбиты в нескольких сражениях. В следующую кампанию — благодаря искусству и решительности действий Суворова — можно было вознаградить потерянное время. Стоило только идти с огромными армиями по следам Румянцева. Но главнокомандующий наш оставался на Днестре, довольствуясь покорением крепостей, из которых некоторые сдавались без выстрела. — Ежели Суворов и принц Кобургский с 25-ю тысячами войск сокрушили турецкую армию, то что могли совершить стотысячные армии Потемкина и Лаудона? Но они не воспользовались этим моментом действий, и случай, представившийся им, исчез безвозвратно. — В следующем году — обстоятельства изменились; образовался грозный союз в пользу Турции; Австрия не только отозвала свои войска, но обеспечила турецкие границы до реки Серета. Русская армия, ослабленная отделением сил на западные границы нашего отечества, стесненная в действиях своих, принуждена была ограничить успехи свои занятием Нижнего Дуная. Самое покорение Измаила — столь славное для русского воинства — не побудило неприятелей к миру. Войска наши должны были нанести [279] еще несколько ударов... Кичливые неприятели смирились.

Тактическое искусство, в эту войну, сделало большие успехи. Боевой порядок, введенный Румянцевым, заменен был другим, более удобным к движению и действию. Суворов, в сражениях при Фокшанах и Рымнике, и Репнин, при Мачине, строили пехоту свою в небольшие — большею частью двухбатальонные каре, располагали их в две линии в шахматном порядке, а кавалерию ставили в третьей линии.

Румянцев, победитель при Кагуле, полководец, перенесший за Дунай русские знамена, был опытный администратор, муж государственный — в полном смысле этого слова. Свидетельством тому служат многие проекты и записки, им составленные (*См. приложение под лит. Е*). Потемкин, уступая ему в искусстве военачальника, не уступал ему в науке военного хозяйства; немногие лишь могут сравниться с ним в заботливости о нуждах и благосостоянии войск (*В числе многих распоряжений князя Потемкина, замечателен приказ его, от 27-го января 1789 года, помещенный в приложении под лит. F*). В особенности же замечательно искусство Потемкина в организации войск и Флота. — Суворов, в продолжении описанных нами войн, имел ограниченный круг деятельности: везде приходилось ему действовать с малыми средствами — с недостаточными силами; но гений вождя заменял тысячи воинов. Фокшаны — Рымник — Измаил никогда не изгладятся из памяти русских.

Приложения

А.

Меры, принятые графом Румянцевым, по части продовольствования войск, в продолжение войны 1770-1774-го годов.

[280] Главным источником съестных запасов в эту войну служили: Подолия, Волынь и Польская Украина, и отчасти Бессарабия, Молдавия и Валахия. Запасы добывались тройким способом: подрядами, покупкою на месте и реквизициями; последний способ употреблялся в Молдавии и Валахии, только в крайних случаях, и именно — когда происходила неожиданная остановка в подвозах из Польши.

Первая (отдаленнейшая) линия магазинов, пред открытием кампании 1770-го года, проходила от Брод, чрез Львов, Самбор, Алыки, Острог, Полонное, Бердичев и Брацлав; вторая линия — по верхнему Пруту и Днестру, от Станиславова, чрез Залещики, Хотин и Могилев; наконец — в третьей, передней линии находились магазины, устроенные в Романе и Яссах. В начале кампании 1771-го года, учреждены магазины: в Фальче, Измаиле и Килии, а равно в Фокшанах и Бухаресте. Впоследствии же — в 1773 году, устроена была еще линия магазинов: в Слободзее, Ораше (против Гирсова) и Браилове. Запасы перевозились, по мере надобности, из первой линии во вторую и из второй в третью. Вообще [281] — Румянец всегда держался правила — раздроблять запасы продовольствия, для удобнейшего снабжения армии. Он вывел из употребления огромные магазины, которых прикрытие, в прежние времена, составляло главную цель действий.

Доставка запасов от магазинов к войскам производилась тройким способом: на обывательских подводах; посредством подвижных магазинов, и на полковых повозках. В обыкновенных случаях, обыватели перевозили запасы до места расположения войск; но если требовалась особенная поспешность, то прибегали к подвижному магазину; каждый отряд имел свое отделение этого магазина, которого общим сборным пунктом был город Яссы. Каждое отделение разделялось на две части, из коих одна оставалась на сборном пункте, а другая находилась на половине пути между Яссами и местом расположения той части войск, к которой она принадлежала. В случае же замедления второй части подвижного магазина, — полковые повозки забирали запасы, сложенные на половине пути и доставляли их в полки. Войска получали продовольствие мукою; для предохранения ее от порчи, она иногда доставлялась в бочках. — Кроме перевозки запасов сухим путем, учреждена была доставка их водою по рекам Серету и Пруту, на мелких судах называемых *чайками*.

Главные гошпитали сперва находились в Хотине, а потом в Яссах и Бухаресте, а полевые лазареты в Фальче, Слободзее и других пунктах (*Извлечено из дел, относящихся к войне 1770 — 1774-го годов*). [282]

Первоначальная черта магазинов проходила чрез Киев, Чернигов, Переяслав, Кременчуг и Екатеринослав и снабжалась от земли. — По вступлении Украинской армии в -Польшу, магазины заложены: в Погребцах, Бердичеве, Уланове, Янове, Браилове, Тиврове, Печоре, Брацлаве, Пешанах, Ладьжине, Томашполе, Боровке и Шаргороде, и запасались на месте, по расписаниям с земли и подрядам. — Ближние магазины Екатеринославской армии находились в Балте и вдоль Буга, в Ольвиополе, Вознесенске и Богоявленском, и наполнялись из первых.

При занятии Молдавии, новая черта магазинов проходила по Днестру, чрез Могилев, Атаки, Ямполь, Сороку, Косницу, Вад-Рашков, Солончени, Оргей, Ягорлык, Кишенев и Бендеры, и снабжалась из польских магазинов.

В последствии, по соединении армий, запасы подвинуты в Яссы, Козмешти, Фальчу и Бырлад, и наконец — по расширении успехов нашего оружия — последняя черта их назначена чрез Татарбунар, Килию, Измаил и Галац.

Доставление продовольствия в войска производилось посредством подвижного магазина и на полковых повозках.

Первый заготовлен был — частью Екатеринославским дворянством, частью покупкою — и состоял из 14-ти бригад в каждой армии, и 11-ти в Кавказском корпусе; 200 четвероволовых повозок составляли бригаду; каждая повозка поднимала до 70-ти пуд.

При полках, на походе, употреблялись также четвероволовые повозки, с шестидневным продовольствием, по одной при каждой роте и эскадроне, или, по не полному числу людей, по одной на две роты, либо по две повозки на три роты.

В.

Меры, принятые графом Румянцевым в отношении к образованию рекрут.

[283]

Для скорейшего приспособления рекрут к военному делу, приказано было ограничивать их обучение стрельбою в цель, быстрым построением в колонну и каре и плавным движением в развернутом фронте. Предписано было требовать от нижних чинов постоянную опрятность, как первое условие сохранения их здоровья (*Описание походов россиян против турок (рукопись)*).

С.

Продовольствование войск в войну 1787 — 1791 г.

Главное снабжение магазинов основано было, как и в предшествовавшую войну, на сборе продовольствия по расписанию с земли, на подрядах и на покупке хлеба, в польских владениях, по вольным ценам; но худые урожаи сделали сии средства недостаточными; тогда прибегли к собранию хлеба с душ, в нескольких наместничествах; обе армии снабжались от Харьковского, Тамбовского, Новгород-Северского, Белорусского и Смоленского; Воронежское же наместничество довольствовалось своими избытками Кавказский корпус; обыватели получали плату по торговым ценам. — Недостаток в хлебе принудил ограничить винокурение, и даже остановить его в некоторых польских воеводствах.

Д

[284] Больные разделялись на три разряда:

- 1) Одержимых хроническими болезнями.
- 2) Тяжелобольных.
- 3) Слабых.

Первые отсылались в Херсон; вторые, в больницах, отделялись от третьих. — Зараженные прилипчивыми болезнями содержались отдельно от прочих.

Все нежные яства были отменены, и больные получали простую, но здоровую пищу; обыкновенное питье их состояло в легком сбитне для труднобольных и морском для выздоравливающих. В больницах наблюдалась величайшая чистота.

Е.

Мысли Румянцева о военном деле.

С некоторого времени, все европейские державы почувствовали необходимость и важность военной части, но, в то же самое время, ощутили они и тягость, которою сия часть обременяет прочие части государственного управления, и обратили особенное внимание на лучшую связь оной с другими. Но по неравенству естественного и нравственного своего положения, не мог ли они совершенно согласоваться —

ни в качестве — ни [285] в количестве военной части, и одна из них (*Вероятно — Пруссия*) превзошла несравненно прочие. Россия же, по своей обширности, разнообразному и, большею частью дикому соседству, разноречию и разноравию своих обитателей, не сходствуя с другими державами, должна наблюдать, чтобы, по мере пользы и выгод своих, распространяясь и ополчаясь, соразмерно способам и доходам своим, подражать только в приличном другим державам и весьма уважать тот источник, который доселе один питает ее воинские силы. Источник сей есть народ, дающий войску и людей и деньги, дабы несоразмерным и бесповоротным взиманием его не оскудить, а употреблять такие средства, которые, в случае непредвиденной надобности, доставили бы казне денежные запасы и увеличили бы силы России — для нее нечувствительно, но для прочих держав приметно. Следующие статьи представляют некоторые слабые начертания к достижению сей цели и к приведению военной части в размер с прочими.

1.

О составлении четырех армий и расположении оных по удобности, с наблюдением внешней безопасности, внутренней тишины и хозяйства.

Сочинитель предлагает составить из сухопутных сил 4 армии и расположить их:

- 1) *Поморскую* в Новгородской, Финляндской, Ингерманландской, [286] Эстляндской, Лифляндской, Псковской и Полоцкой губерниях.
- 2) *Украинскую* в Могилевской, Киевской, Новороссийской, Азовской, Воронежской, Слободской и Белгородской губерниях.
- 3) *Низовую* в Нижегородской, Казанской, Оренбургской и Астраханской губерниях.
- 4) *Резервную* в Московской и Смоленской губерниях, как в дешевом и выгодном месте государства, откуда войска с удобностью могут подкреплять пограничные армии. Каждую из сих армий предлагает он поручить в команду одного из заслуженных и опытных в военном ремесле генералов, оставляя флот, а равно Сибирскую и Иркутскую губернии — первый, по отличности службы, а последние, по отдаленности — на особых учреждениях.

2.

Об определении каждому эскадрону и роте сборных мест для взимания рекрут и лошадей.

Определив количество, качество и местопребывание войск, следует определить каждому эскадрону и роте места для набора определенного числа рекрут и привода лошадей, за безобидную цену, соразмерно приписному числу душ, уделенных на содержание войск. — Сочинитель полагает, что, при наборе людей в разные роды службы, надлежит применяться к их способностям, определяя во флот людей живущих при морях, озерах и главных реках; в кавалерию — способных к езде и наименее склонных к [287] побегам, как наприм. однодворцев, казаков, и в некоторых местах — татар; в егерские корпуса — охотников и стрелков; в фурлейты — всех промышляющих извозом и живущих в ямах людей; в мастеровые — ремесленников, сообразно их ремеслам; в пехоту же — всех остальных.

3.

О построении крепостей, арсеналов, в удобных местах, для содержания в оных артиллерии, обозов, оружейных, мундирных, имуничных вещей и всяких припасов и об уничтожении излишних крепостей.

Крепости должны быть расположены так, чтобы они содействовали к охранению какой либо части края, либо водяного сообщения. Все крепости, удовлетворяющие сему условию, должно исправить, недостающие построить и стараться привести их в оборонительное положение, без упущения времени. В сих крепостях должны быть помещены арсеналы и магазины, для содержания осадной артиллерии,

сообразно соседственным крепостям, а полевой — количеству войск могущих действовать на прилежащем театре войны; в них содержать походной экипаж готовым, либо заготовленным в материалах, с упряжью и частью лошадей, оружейных, мундирных и амунических вещей, провианта, фуража и припасов подвижного госпиталя, в определенном количестве. Все же крепости, которые, с переменою обстоятельств и положения границ, сделались излишними, ведут к напрасной трате денег, и потому должны быть уничтожены.

4.

О заведении школ военных наук, художеств и ремесел.

[288] Сочинитель предлагает завести все сии училища и помещать в них офицерских и солдатских детей, на достаточном содержании, на военную ногу, под наблюдением рачительных и искусных надзирателей, и обучать, для помещения, смотря по способностям, в квартирмейстеры, аудиторы, лекаря, музыканты и мастера.

5.

О военной дисциплине и полиции.

Сочинитель называет дисциплину *порядком, господствующим в войне и содержащим в себе всю связь слепого послушания и уважения низших к высшим — душою службы*. Касательно же военной полиции, говорит, что к ней принадлежит такой же надзор в походах и лагерях, какой лежит в городах на гражданской полиции. Распоряжения военной полиции должны соображаться:

1) *С церковным уставом*, в рассуждении крестных ходов, погребений и других христианских обрядов; 2) *с морским уставом*, в рассуждении портовой службы и совокупного действия сухопутных сил с флотом; 3) *с гражданским уставом*, касательно отношений между воинскими и гражданскими чинами.

6.

О вооружении.

Касательно полевой артиллерии, Румянцев полагает [289] наблюдать всевозможно совершенство в отделе, прислуге и упряжке, и чтобы меньше было разных калибров; советует составлять батарейные роты из 12 фунт. и 6 фунт. пушек и полупудовых единорогов, а легкие роты — из 3-х фунт. пушек и 12-ти фунт. единорогов, — предлагает отбросить кирасы, которые, за мгновенное спасение жизни, обременяют весь век.

7.

Обмундирование.

Румянцев советует делать мундиры на сроки, сшитые стройно, в ношении выгодно и прочно. — Рюкзаки шить уютно и на мягком и широком ремне; вещи в них помещать только необходимо надобные, чтобы и так отягощенного солдата еще более не обременять; особенно же не класть туда обуви, а для хлеба иметь полотняные мешки, чтобы сохранить его всегда свежим и без запаха, который, особенно от кожи, делает его, в сырое время, для пищи отвратительным.

8.

О расположении разных пород лошадей, к службе способных и о покупке оных, не от полков,

но от командиремых офицеров.

По различию службы, нужны и разные породы лошадей: для строю и правильных эволюций — немецкие; для форсированных маршей, погони и сшибок — польские [290] и казацкие лошади: в качестве сих последних, Россия изобилует украинскими, донскими и низовыми лошадьми; а в роде первых — надлежит разводить немецких лошадей, но таких, которые могли бы переносить северный климат. Покупку лошадей надлежит возложить на инспектора, который, на осеннем смотре, выбраковав ежегодно лошадей, больше удобства имеет оные купить, употребляя к тому надежных, знающихся в доброту лошадей, офицеров с командами, посылаемых на все ярмарки, потому что нередко случается одному посланному от полка офицеру, для покупки малого числа лошадей, находить на ярмарке их множество, а другому, требующему их более, быть на ярмарке, где оных будет немного: *в примеч. сказано:* ковка лошадей не всегда потребна, а отпускается на оную ежегодно равномерная сумма, которую можно бы значительно уменьшить.

9.***О непрестанном занятии войск потребным ученьем.***

Войска содержать в беспрестанном упражнении, для соблюдения их физической и нравственной силы; посему — надлежит занимать оные в гарнизонной службе содержанием караулов в крепостях, на площадях и проездах, повсеместно однообразно и одновременно. — В полевой службе, упражнять войска занятием лагерей и постов и их укреплением; видом войны; разными маршами, в колоннах и в линиях; фуражированием; переправой чрез реки; атаками в поле и обороною в крепости: словом — [291] всем, что к делу их относится, при чем каждое с войсками предприятие на глазах главного командира происходило бы и было им искусно вразумляемо и объясняемо.

10.***О чистоте.***

Наблюдать в высшей степени чистоту, как в особах солдат, так в одежде, оружии и амуниции: первая весьма соблюдает здоровье, предохраняя от повальных болезней, а вторая есть существеннейшая часть благосостояния солдата.

11.***О лучшем призрении и врачевании больных.***

Военная служба, как по тягости своей, так и по причине частой перемены климата и пищи, производит болезни чрезвычайные; посему и надлежит врачевать их особенным образом, улучшая, как способ лечения, так пищу и иные потребные для больных выгоды.

12.

О содержании в мирное время людей полным числом, лошадей кавалерийских, исключая некоторых, две трети и подъемных 8-ю часть, и об увольнении третьей части чинов в дома.

Для пособия государственному хозяйству, Румянцев [292] полагает за нужное увольнять в дома третью часть людей на 9 месяцев, исключая апрель, май и июнь, по особенному плану, кроме унтер-штаба, урядников, или фельдфебелей, вахмистров, фельдшеров и мастеровых. — А штаб и обер-офицеров увольнять только на три месяца попеременно и не в одно время.

13.

О награждениях.

Некоторым штаб, обер и унтер-офицерам и некоторой части рядовым, из уважения к долговременной службе, понесенным трудам, а особенно бывшим в жестоких употреблении, следует увеличивать оклады, или давать при отставке единовременно известную сумму.

Производить в чины штаб-офицеров по армиям, а обер-офицеров по полкам, ибо тогда каждый, проча себя одной армии и полку, более радеет о своей должности и старается приобрести благоволение всех своих начальников.

14.

Об увольнении из службы.

Румянцев лишает права требовать увольнения всех находящихся в опеке и под властью родителей, и выслужившихся в обер и унтер-офицеры из рекрут; рядовым же предоставляет увольнение после 15-ти лет беспорочной службы.

15.

О мундире и употреблении оного.

[293] Оставившим службу в молодости, для наслаждения жизнью, мундиров не давать; а предоставлять сей знак почести посвятившим службе лучшие годы своей жизни.

16.

О главном воинских дел правительстве.

Румянцев предлагает учредить верховный Воинский Совет, коего председатель и директоры избираемы будут государем, а непременно оного чинами назначаться г. фельдцейхмейстер, г. инженер и г. комиссар. Каждый из них, сверх общих дел, будет иметь особенные экспедиции, а именно: директор — движение и расположение войск, производство, ревизию судов государственному решению подлежащих, и все вообще дела относящиеся к полевой и гарнизонной службе: к нему принадлежат: г. квартирмейстер, г. аудитор, г. контролер, обер-секретарь и три секретаря; г. фельдцейхмейстер станет заведовать всем, касательно артиллерии, снарядов и магазинов; г. инженер — всем относящимся к крепостям и полевой команде инженерного корпуса; г. комиссар озаботится снабжением армии всеми жизненными и военными припасами. Все дела сего управления поступают чрез директоров на Высочайшее решение.

Ф.

**Приказ фельдмаршала князя Потемкина Таврического в кавалерийские полки
Екатеринославской и Украинской армий. Генваря 27 дня, 1789 года.**

[294] Господа полковые командиры должны употребить все старание поставить полки свои соответственно званию легкоконных: для сего убежать должны неги, употребляемой для лошадей в коннице, так называемой *тяжелой*, которая тяжела только сама себе, а не ударом неприятелю.

Лошадей заводских отнюдь не иметь, людям сидеть вольно, действовать саблею хорошо, оборачиваться частями и по одиначке проворно. Одежда была бы не узка; обувь такая, чтобы летом портянки, а зимою чулки или суконки входить могли. Побоев жестоких не употреблять, опасаясь за сие штрафа; иметь о людях больше попечение, нежели о лошадях, и для того меньше мучить чищением лошадей, ибо не в сем состоит краса полка, но в приведении в исправность нужную к бою.

Полки были все в равной нужде прошедшую кампанию, но одни лучше других сохранены, что я не оставлю ознаменовать.

Ранжиры переменять воздержаться, ибо, чрез сие, отходят лошади от людей.

Соблюдая все вышеписанное, полки приведутся в должную исправность. Я требую, чтобы в строю было как можно больше людей.

Щегольство в наряжении трубачей оставить, а иметь всем мундиры красные, с белыми нитяными петлицами и синими лацканами и обшлагами.